С. Э. Камилова, А. Н. Ротанов

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса
школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Рекомендовано к изданию
Министерством народного образования
Республики Узбекистан

Ташкент – 2022

скачано с сайта www.idum.uz

УДК 78(075.3)
ББК 83.3(Рус)я72
К 21

Координатор проекта *Турсуналиева Барно Убайдуллаевна*

Рецензенты:
Е. А. Ермолин – доктор педагогических наук, профессор Ярославского Государственного педагогического университета (Россия);
Л. А. Геворкян – учитель русского языка и литературы в школе «Эврика».

Литература [Текст]: учебник для 6 класса / С. Э. Камилова, А. Н. Ротанов. – Ташкент: Республиканский центр образования, 2022. – 224 с.

Издано за счёт средств Республиканского целевого книжного фонда.

Оригинальный макет и концепция дизайна разработаны Республиканским центром народного образования.

ISBN 978-9943-8170-8-1

© Республиканский центр образования, 2022

скачано с сайта www.idum.uz

СОДЕРЖАНИЕ

О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ... 4
УРОКИ КАЖДОГО ДНЯ ... 5
Язык художественной литературы ... 5
Виктор Астафьев. «Конь с розовой гривой» ... 6
Абдулла Каххар. «Сказки о былом» ... 18
Валентин Распутин. «Уроки французского» ... 24
Гафур Гулям. «Озорник» ... 46
Фазиль Искандер. «Чик и Пушкин» ... 59
Адыл Якубов. «Мороженое» ... 67
Юрий Яковлев. «Рыцарь Вася» ... 76
Луис Фицью. «Шпионка Гарриет» ... 82
Уткур Хошимов. «Дела земные» ... 90
Практикум по разделу ... 96

ВОЛШЕБНЫЙ МИР СЛОВ ... 98
Народные песни ... 98
Народные песни. «Оренбургский пуховый платок». «Лето» ... 98
Алишер Навои. Рубаи ... 101
Лев Толстой. «Филипок» ... 103
Аваз Отар-огли. «О языке» ... 106
Абай. «Книга слов» ... 108
Иван Крылов. «Квартет». «Демьянова уха» ... 110
Лэнгстон Хьюз. «Спасибо, мэм» ... 114
Владимир Короленко. «Слепой музыкант» ... 119

МИР ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ ... 130
Жюль Верн. «Пятнадцатилетний капитан» ... 131
Владимир Одоевский. «Городок в табакерке» ... 142
Кир Булычев. «Сто лет тому вперёд» ... 149
Рэй Брэдбери. «Улыбка» ... 156
Артур Конан Дойл. «Союз рыжих» ... 162
Дэрмот О'Лири. «Великий побег» ... 169
Практикум по разделу ... 178

КРАСОЧНЫЙ МИР ЧУВСТВ ... 179
Понятие о символе ... 179
Оскар Уайльд. «Счастливый принц» ... 180
Аман Матчан. «Микеланджело» ... 190
Евгений Клюев. «Сказки на всякий случай» ... 193
Ибрагим Юсупов. «Саксаул». «Арба славы» ... 199
Григорий Остер. «Котёнок по имени Гав» ... 202
Виктор Драгунский. «Тайное становится явным», «Арбузный переулок» ... 206
Азим Суюн. «Мой дед – дехканин» ... 213
Рахмат Файзи. «Его величество человек» ... 216

скачано с сайта www.idum.uz

О РОЛИ ЛИТЕРАТУРЫ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

«Люди перестают мыслить лишь в том случае, когда перестают читать».
Французский писатель и философ XVIII века
Дени Дидро

По мнению известного российского учёного-филолога Сергея Зенкина существует **шесть доказательств того, что литература полезна в обычной жизни [1]:**

1. Литература учит нас говорить так, чтобы все слушали. Каким образом: учитесь у писателей и поэтов – речь должна быть странной, необычной, нарушать привычные ожидания.

2. Литература учит видеть за второстепенным главное. Каким образом: читая книги, мы учимся отличать добро от зла, главное от второстепенного, правду от лжи.

3. Литература учит отличать ценное от мусора. Каким образом: когда мы понимаем, что классическая литература даёт больше пищи для ума и души, чем, к примеру, комиксы (чья роль больше направлена на развлечение, а не на размышления), то и в жизни лучше разбираемся.

4. Литература учит понимать, когда нас обманывают, и не поддаваться обману. Каким образом: литература даёт нам инструменты, позволяющие замечать уловки, и не попадаться в реальной жизни на удочку иллюзий.

5. Литература воспитывает в нас свободных людей, совершающих самостоятельный выбор. Каким образом: когда мы читаем, мы не просто впитываем тот смысл, которые заложил в произведение автор, мы формируем своё отношение к описанным событиям.

6. Литература позволяет, не рискуя ничем, испытать сильные ощущения и быть готовым к ним в реальной жизни. Каким образом: когда мы читаем, то можем понарошку пережить сильные эмоции, которых в реальной жизни у нас нет. Например, удовольствие от путешествия в фантастическое будущее или душевную боль от тяжести жизни людей, живших во время войны.

Читайте книги, уважаемые шестиклассники, и вас ждёт успешная и интересная жизнь!

[1] Сергей Зенкин на V Международном конгрессе переводчиков художественной литературы, проходившем в Москве с 6 по 9 сентября 2018 года.

УРОКИ КАЖДОГО ДНЯ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Как известно, в художественном произведении, чтобы создать героев, описать действия, поступки персонажей, а также передать картины природы, жизнь людей и свои собственные мысли, писатели пользуются различными словами. Слово или язык – это основа любого литературного произведения. В зависимости от художественной задачи писатель использует слова разговорные и книжные, просторечные и диалектные, устаревшие и специально придуманные, народнопоэтические и слова из другого языка.

Язык художественной литературы – это язык литературных произведений во всём их многообразии. Художники сло́ва, создавая художественное произведение, пытаются нарисовать правдивую картину (как в жизни) и для этого используют различные слова. Например, чтобы описать далёкое прошлое, они выбирают специальные слова (архаизмы, историзмы), которые наиболее верно отразят ту или иную историческую эпоху, а чтобы нарисовать жизнь людей определённой профессии, автор прибегает к научным или профессиональным словам (терминам). Также, чтобы речь помогла «увидеть» героя либо явление, авторы произведений используют синонимы, антонимы, слова с перено́сным значением (художественные тропы) и таким образом пользуются всеми ресурсами языка.

Запомните:

Архаизмы **–** это устаревшие названия современных предметов и понятий. Например, **выя** (шея), **живот** (жизнь), **ланиты** (щёки).

Историзмы **–** слова, представляющие собой названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов, явлений человеческой жизни. Например, **смерд** (крестьянин-земледелец)**, городничий** (начальник небольшого города)**, кольчуга** (воинский доспех в виде рубашки из металлических колец).

ВНИМАНИЕ: главное отличие архаизма от историзма – это то, что к архаизму можно подобрать современный синоним, а к историзму – нельзя.

Художественные тропы **–** это слово или выражение, используемое в переносном значении с целью усилить художественную выразительность речи. Например, **красна девица** (не девушка красного цвета, а красивая девушка).

Термин **–** это слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и так далее. Например, **каюта** (термин мореходства – означает «комната»).

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Годы жизни	1924–2001
Род деятельности	русский писатель
Направление	реализм
Уникальность	использовал в творчестве множество сибирских диалектных слов и выражений.
Визитная карточка	«Фотография, на которой меня нет» (рассказ, 1968) «Последний поклон» (повесть, 1968) «Царь-рыба» (повесть, 1976) «Пастух и пастушка» (повесть, 1967-1989) «Прощальный детектив» (повесть, 1987)

Виктор Петрович Астафьев – известный русский писатель второй половины XX века. У будущего сибирского прозаика было тяжелое детство.

В семилетнем возрасте он потерял мать, отец был посажен в тюрьму. *«Беспризорничество. Сиротство. Детдом-интернат. Все это пережито в Игарке. Но ведь были и книги, и песни, и походы на лыжах, и детское веселье, и первые просветленные слёзы»,* – вспоминал он о своём детстве. Время, когда будущий писатель совсем на короткий период остался на попечении бабушки, с теплотой описано им в сборнике «Последний поклон». Виктор Астафьев искренне и с любовью передавал красоту сибирских деревень, множество его произведений посвящены теме Второй мировой войны, писатель заботился о нравственности и чистоте русской души.

Автобиографический рассказ «Конь с розовой гривой» Виктора Астафьева – это часть повести «Последний поклон». В основе произведения – воспоминания писателя о своём детстве, автор изобразил жизнь простых людей в деревне. Образ бабушки – центральный в рассказе, он воплощает душевную красоту, доброту и чистоту души. Бабушка любит внука несмотря ни на что. И эта искренняя любовь действенна, она воспитывает и помогает верить в добро и милосердие. Бабушкин урок не прошёл бесследно, он помог автору стать честным и благородным человеком. Розовый пряник в рассказе стал символом не только детства, но и доброты, заботы и любви.

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

(в сокращении)

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что Левонтьевские ребятишки собираются на увал по землянику.

– Сходи с ними, – говорила она. – Наберёшь туесок. Я повезу свои ягоды на продажу, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

– Конём, баба?

– Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не давала мне бегать с куском хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник совсем другое дело. Пряник можно положить под рубаху и слышать, бегая, как конь ударяет копытами по голому животу. Холодея от ужаса – потерял! – хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, тут, конь-огонь. С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята Левонтьевские вокруг тебя и так, и этак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволил потом откусить от коня или лизнуть его.

Когда даёшь Левонтьевским Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах. Бадогами у нас зовут длинные дрова для известковых печей. Левонтий заготавливал лес на бадоги, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив деревни по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней, а может, и в пятнадцать, я точно не помню, Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтия, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то неспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только Левонтьевский дом, но и всех соседей. Ещё рано утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Василиса, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями:

– Кума! – испуганно-радостным голосом восклицала она. – Долг-от я принесла, – и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

– Да стой ты, чумовая! – окликала её бабушка. – Сосчитать ведь надо!

? Подумайте, где и когда происходит действие рассказа «Конь с розовой гривой». Что это было за время? Как жилось людям?

Тётка Василиса покорно возвращалась и, пока бабушка считала деньги, перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглаживая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу на чёрный день» бабушка никогда Левонтьевым не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десятки. Но и при такой малой сумме заполошная Левонтьиха умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку. Бабушка напускалась на Левонтьиху со всей суровостью:

– Ты как же с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое?! Мне рупь, другому рупь. Это что ж получается?!

Но Левонтьиха опять делала юбкой вихрь и укатывалась:

– Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Увал *– пологий (наклонный) холм*
Туесок *– берестяная корзина с крышкой*
Бадоги *– длинные поленья*
Супротив *– напротив*
Заполошная *– суетливая*
Напластать – нарезать.
Беремя – охапка.

Стоял он сам собою на просторе, и ничто-то ему не мешало смотреть на свет белыми кое-как застеклёнными окнами – ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною, поковыряв маленько землю на огороде вокруг дома, Левонтьевские возводили изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в ненасытной утробе русской печи, уныло раскорячившейся посреди избы Левонтия.

Танька Левонтьевская говаривала по этому поводу, шумя беззубым ртом:

– Зато как тятька шурунёт нас – бегишь и не запнёшша.

Сам Левонтий выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной старинной медной пуговице с двумя орлами, и в рубахе навыпуск вовсе без пуговиц. Он садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, и благодушно отвечал на укоры бабушки:

– Я, Петровна, слободу люблю! – и обводил рукой вокруг себя. – Хорошо! Ништо глаз не угнетат!

Левонтий любил меня, жалел. Главная цель моей жизни была прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки наперёд.

– Нечего куски выглядывать! – гремит она.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к Левонтьевым, тут уж всё, тут уж для меня праздник!

– Выдь отсюдова! – строго приказывал пьяненький Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. Тот нехотя вылезал из-за стола, Левонтий пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: – Он сирота, а вы всё ш таки при родителях! Мать-то ты хоть помнишь ли? – взрёвывал он, жалостно глянув на меня. Я утвердительно кивал головой, и тогда Левонтий со слезой вспоминал: – Бадоги с ней по один

год кололи-и! – и, совсем уж разрыдавшись, вспоминал: – Когда ни придёшь… ночь, в нолночь… пропа… пропащая ты голова, Левонтий, скажет и… опохмелит…

Тут тётка Василиса, ребятишки Левонтия и я вместе с ними ударялись в голос, и до того становилось полюбовно и жалостно в избе, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все дружно угощали меня, и сами ели уж через силу.

Поздним вечером либо совсем уж ночью Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» После чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки Левонтьевские тоже хватали, что попадало под руки, и разбегались, кто куда. Последней ходу задавала тётка Василиса. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующий день он осколками стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол и, полный мрака и раскаянья, отправлялся на работу. Тётка Василиса дня через три-четыре ходила по соседям и уже не делала вихрь юбкой. Она снова занимала денег, муки, картошек, чего придётся.

Вот с ребятишками-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки Левонтьевские несли в руках бокалы с отбитыми краями,

старые, наполовину изодранные на растопку, берестяные туески и даже ковшик без ручки. Посудой этой они бросались друг в друга, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскакивали в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны и остальной лук бросили. Оставили только несколько пёрышек на дудки. В обкусанные перья лука они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал. Начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, редкую, белобокую и особенно желанную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туеска стакана на два-три. Бабушка говаривала, что главное в ягодах – закрыть дно посудины. Вздохнул я с облегчением и стал брать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребятишки тоже сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки Левонтьевых, и побрякивал он им для того, чтобы мы слышали, что он, старший, тут, поблизости, и бояться нам некого и незачем.

Но вдруг крышка чайника забрякала нервно, послышалась возня:

– Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? А домой чё? – спрашивал старший и давал кому-то пинки после каждого вопроса.

– А-га-а-а! – запела Танька. – Санька тоже съел, так ничего-о-о…

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старший брал-брал ягоды, и, видать, обидно ему стало, что вот берёт он, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе в траве валяются. Подскочил он к Саньке и пнул его ещё раз, Санька взвыл, кинулся на старшего. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются, все ягоды раздавили.

После драки и у старшего опустились руки. Принялся он собирать просыпанные давленые ягоды, и в рот их.

– Вам можно, а мне нельзя? – зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзываться и решили сходить к малой сечке побрызгаться.

? Подумайте, почему автор использует в рассказе диалектизмы и просторечные слова.
Какими словами в тексте автор показывает, что действие происходит в Сибири?

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался пойти с увала к речке. Санька стал кривляться:

– Бабушки Петровны испугался! Эх ты… – И Санька назвал меня нехорошим, обидным словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал их, научился у Левонтьевских ребят, но боялся, а может, и стеснялся их употреблять, и сказал только:

– Зато мне баба пряника конём купит!

– Жди, купит! – съехидничал Санька и, что-то смекнув, добавил: – Скажи уж лучше – боишься её и ещё жадный!

– Я?

– Ты!

– Жадный?

– Жадный!

– А хочешь, все ягоды съем?! – сказал я это и сразу покаялся, понял, что попался на уду. Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, Санька был вреднее и злее всех Левонтьевских ребят.

– Слабó! – сказал он.

– Мне слабó? – хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. – Мне слабó? – повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: – Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась Левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли.

Мне досталось всего несколько ягодок. Грустно. Но я уже сделался отчаянным, махнул на всё рукой. Я мчался вместе с ребятишками к речке и хвастался:

– Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня, давай, мол, и не один калач, может, мол, ещё шанег прихватишь, либо пирог.

– Ладно! – с воодушевлением кричал я.

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили пищуженца-подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, назвал её срамно, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог и умер, уронив голову. Мы похоронили стрижа и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом – забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в деревне доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

– Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! – хихикнул Санька. – Ягоды-то мы съели. Ха-ха! Нарошно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Хо-хо! А тебе-то ха-ха!..

Я и сам знал, что им-то, Левонтьевским, «хо-хо!», а мне «ха-ха!» Бабушка моя, Катерина Петровна – не тётка Василиса.

Жалко плёлся я за Левонтьевскими ребятишками из лесу. Они бежали впереди меня и гурьбой гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивал на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

Шаньга – круглый пирожок, похожий на ватрушку, с начинкой из картофеля или творога, смешанными со сметаной.

– Знашь чё? – поговорив с братанами, обернулся ко мне Санька. – Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод – и готово дело! «Ой, дитятко моё! – принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. – Пособил тебе восподь, сиротинке, пособи-ил». – И подмигнул мне Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса Левонтьевских ребятишек внизу за огородами. Я стоял с туеском, один на обрывистом увале, один в лесу, и мне было страшно. Правда, деревню здесь слышно. А всё же тайга, пещера недалеко, и в ней нечистая сила.

Повздыхал, повздыхал, чуть было не всплакнул даже и принялся рвать траву. Набрал ягод, заложил верх туеска, получилось даже с копной.

– Дитятко ты моё! – запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей посудину свою. – Восподь тебе, сиротинке, пособи-ил. Уж куплю я тебе пряник да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу…

Отлегло маленько. Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне за это, что полагается, и уже отрешённо приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка отнесла мой туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Побежал играть на улицу, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

Перечитайте внимательно описание природы. Перечислите цветы, деревья, которые упоминаются в тексте.

– А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

– Не надо, Санька!

– Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул, калачи украл! Что только будет?» – терзался я ночью, ворочаясь на полатях. Сон не брал меня, как окончательно и вконец запутавшегося преступника.

– Ты чего там елозишь? – хрипло спросила из темноты бабушка. – В речке, небось, опять бродил? Ноги, небось, болят?

Поскотина – пастбище около деревни.

– Не-е, – жалко откликнулся я, – сон приснился…

– Ну, спи с богом. Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко… – уже невнятно бормотала бабушка.

«А что если разбудить её и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание утомлённого старого человека. Жалко будить бабушку. Ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу ей обо всём – и про

? Как вы думаете, мальчик мог написать письмо своей бабушке?
Каким могло быть его содержание?
От лица мальчика напишите записку, состоящую из 3–4 предложений.

туесок, и про калачи, и про всё, про всё…

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, а потом замелькала земляника, и засыпала, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к Левонтьевским.

– Уплыла Петровна? – весело ухмыльнулся Санька и цыркнул слюной на пол в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке запросто мог поместиться ещё один зуб, и мы страшно завидовали этой Санькиной дырке. Как он сквозь неё плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые Левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли просто так на кривых ногах. Санька раздавал затрещины направо и налево за то, что малые лезли под руку и путали леску.

– Крючка нету, – сердито сказал он, – проглотил, должно, который-то.

– Помрёт!

– Ништяк, – успокоил меня Санька. – Дал бы ты крючок, я бы тебя на рыбалку взял.

– Идёт! – я обрадовался и помчался домой, схватил удочку, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину, спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

Старшего Левонтьевского сегодня не было. Его взял с собою на «бадоги» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уж не задирался почти и даже усмирял «народ», если тот принимался драться…

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

– Ша! – сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать кислицу – щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребятишки умели пропитаться «от земли», ели всё, что бог пошлёт, ничем не брезговали, и оттого были все краснорожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытащил двух ершей, одного пескаря и белоглазого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены без соли и почти сырые. Хлеб мой ребятишки ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и все быстро выскочили из реки – отогреваться у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины огнисто полыхали цветы-жарки, в ложке, под берёзами и боярками клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки. На длинных хрустких стеблях болтались

Заимка – земля, отведенная под пашни.
Сбодать – украсть.

? Почему прекрасный сибирский пейзаж не радует героя?

из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника на обогретой земле лежали полосатые цветки граммофончики, и в голубой их рупор совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зады, должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары, не трепыхался. Боярка доцветала и сорила в воду, сосняк окурен прозрачной дымкой. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхавших по ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашей деревни в ясную погоду, колыхался тонкою паутинкой и, если долго смотреть на него, вовсе разрушался, падал.

Оттуда, из-за моста должна приплыть бабушка. Что только будет? И зачем, зачем я так сделал?! Зачем послушал Левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется, и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный пожалеет и всё, а бабушка только кричит да нет-нет и поддаст – у неё не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка кричит на него: «Потатчик! Своих всю жизнь потакал, теперь этого!..»

«Дедушка, ты дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал, хоть бы просто так приехал и взял бы меня с собою!»

– Ты чего нюнишь? – наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

– Ничего-о-о! – ответил я голосом, давая понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

– Ништяк! – утешил меня Санька. – Не ходи домой и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна видела у твоей матери глаз приоткрытый, когда её хоронили. Боится теперь, что и ты тоже утонешь. Вот она закричит, запричитает: «Утону-у-ул мой дитятко, спокинул меня сироти-иночка», а ты тут как тут…

– Не буду так делать! – запротестовал я. – И слушаться тебя не буду!..

– Ну и чёрт с тобой! Тебе же лучше хотят… Во! Клюнуло! У тебя клюнуло! Тяни!

Я скатился с яра вниз, переполошил стрижей в дырках и рванул удочку. Попался окунь. Потом ещё окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

– Не перешагивай через удилище! – суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга Левонтьевских малышей и таскал рыбёшек. Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали о дно кованые шесты, и из-за мыска показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Ещё взмах шестов, перекидка руки, толчок – и лодка ближе, ближе. Вот уж кормовой давнул шестом, и лодка кивнула носом в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки,

крест на крест завязаны на спине. Под полушалком крашеная в бордовый цвет кофта, которая вынималась из сундука только по случаю поездки в город и по большим праздникам…

Ведь это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватился за траву и повис, засунув большой палец ноги в стрижиную норку. Тут подлетел стриж, тюкнул меня по голове, и я упал вниз, на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу прочь от лодки.

– Ты куда?! Стой! Стой, говорю! – крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

– Я-а-авишься, я-а-авишься домой, мошенник! – нёсся вслед мне голос бабушки. А мужики поддали жару, крикнув:

– Держи его!

И я не заметил, как оказался на верхнем конце деревни.

Тут только я обнаружил, что наступил уже вечер, и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Ваньке, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дома Кольчи-старшего, Ванькиного отца, играли в лапту. Я ввязался в игру и пробегал до темноты.

Появилась тётя Феня, Ванькина мать, и спросила меня:

– Ты почему домой не идёшь? Бабушка ведь потеряет тебя?

– Не-е, – беспечно ответил я. – Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тогда тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала. А тонкошеий молчун Ванька попил варёного молока, и мать сказала ему:

– Всё на молочке да на молочке. Глади вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит, но она ещё порасспрашивала-порасспрашивала обо всём, затем взяла меня за руку и отвела домой.

В доме уже не было свету. Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто». Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое жужжание бьющихся о стекло мух, пауков да ос.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втолкнула в пристроенную к сеням кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах – на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половики, притих.

Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натыканной во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала, и оттого, видно, в кладовке было немного таинственно и жутковато.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодающая из-за кота. На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневною жарой собаки приходили в себя, вылазили из-под сеней, крылец, конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там и поёт. У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на варево. У кого-то Левонтьевские «сбодали» жердь? Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас идти далеко.

Ушла тётя Феня, плотно прикрыв дверь в сенцах. Воровато прошмыгнул под крыльцо кот, и под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и уснул.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовки. В луче мошкой мельтешила пыль, откуда-то наносило заимкой, пашнею. Я огляделся, и сердце моё радостно встрепенулось – на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

Я прислушался. На кухне бабушка громко и с возмущением рассказывала:

– …культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягоды все куплю». Я говорю: «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемышный собирал…»

Тут я, кажется, провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать последних слов, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы помереть скорее.

Но сделалось жарко, глухо, стало невмоготу дышать, и я открылся.

– …своих вечно потачил! – шумела бабушка. – Теперь этого! А он уж мошенничает! Что потом из него будет? Катаржанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё Левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

– Не спишь ведь, не спишь! Всё-о вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава тебе господи, и тут же принялась рассказывать:

– Мой-то, малой-то! Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то, малой-то!..»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, проходя мимо дверей кладовки, кричала:

– Не спишь ведь, не спишь! Я всё-о вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдет. Все равно уйдет поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет говорить: «А мой-то, малой-то!..»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: «Ничего, дескать, не робей». Я зашмыгал носом. Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули потоком.

– Ну что ты, что ты? – успокаивал меня дед, обирая большой, жёсткой и доброй рукою слёзы с моего лица. – Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья… Ступай, ступай, – легонько подтолкнул меня дед.

? Как вы думаете, какие уроки усвоил главный герой?
Что для героя рассказа символизирует розовый пряник?

Придерживая одной рукой штаны, а другую прижав локтем к глазам, я ступил в избу и завёл:

– Я больше… Я больше… Я больше… – и ничего дальше сказать не мог.

– Ладно уж, умывайся да садись трескать! – всё ещё непримиримо, но уже без грозы, без громов сказала бабушка.

Я покорно умылся. Долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё непрошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё чего-то делал. Чувствуя его незримую и надёжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула молока в бокал и со стуком поставила посудину передо мной:

– Ишь ведь какой смирненький! Ишь ведь какой тихонький, и молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул – терпи, дескать. Я и без него знал – боже упаси сейчас перечить бабушке или даже подать голос. Она должна высказаться, должна разрядиться.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз раскаянно заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой…

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По замытому, скоблёному кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовою гривой. А от печки слышался сердитый голос:

– Бери, бери, чего смотришь?! Глядишь, за это ещё когда обманешь бабушку…

Сколько лет с тех пор прошло! Уж давно нет на свете бабушки, нет и дедушки. А я всё не могу забыть того коня с розовой гривой, того бабушкиного пряника.

Задания:

1. Расскажите от лица разных героев о том, как ребята собирали ягоды и как сложилась ситуация, из-за которой герой был вынужден сказать бабушке неправду:
а) от лица героя;
б) от лица Саньки;
в) от лица бабушки.

2. Представьте, что вам предложили нарисовать понравившийся эпизод из рассказа. Объясните, почему вы выбрали именно эту часть.

3. Для того чтобы совершить виртуальный тур в мемориальный комплекс Виктора Астафьева и познакомиться с личностью писателя, отсканируйте этот QR-код при помощи камеры телефона.

АБДУЛЛА КАХХАР

Годы жизни	1907–1968 (Коканд)
Род деятельности	узбекский писатель, драматург, переводчик
Направление	реализм
Уникальность	мастер короткого рассказа. Искренность в творчестве. Писатель не стремился замалчивать неприятные темы из жизни людей, их неблаговидные поступки
Визитная карточка	«Прозрение слепых» (1934) «Воры» (1936) «Учитель словесности» (1937)

Абдулла Каххар – известный узбекский писатель, его называют «узбекским Чеховым» за мастерство в создании ярких образов в своих рассказах. Сюжеты для своих произведений писатель брал у самой жизни – из быта народа Узбекистана: дехкан, ремесленников, земледельцев – людей труда, простых жителей узбекских кишлаков. Он не стеснялся описывать людей такими, какие они есть: с их достоинствами и недостатками, и в этом изюминка творчества писателя.

Детские годы прозаика были трудными. Семья его, переживая тяготы времени и бытовые проблемы, была вынуждена переезжать из одного кишлака в другой. Повесть «Сказки о былом» посвящена детству и юности узбекского писателя. В своих рассказах Аббдулла Каххар повествует не только о себе, но и о нашем народе. Герои повести наделены качествами, которые характерны для жителей Узбекистана, – это и доброта, и гостеприимность, и трудолюбие, и искренность.

Основу сюжета повести составляют изложенные в последовательном порядке отдельные рассказы, которые связаны внутренней логикой, но при этом каждый в достаточной степени самостоятелен. «Сказки о былом» богаты юмором, иронией, сатирой.

СКАЗКИ О БЫЛОМ

(отрывок)

1
НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

В Яйпане мы жили во дворе пекаря деда Алима. Посреди тесного маленького дворика, половину которого занимала пекарня, росли астры, желтоцвет, райхон, чабрец, заботливо ухоженные моей мамой.

Низкий глинобитный забор был весь испещрён дырочками, похожими на ласточкины гнёзда. Дверь в доме была одностворчатая; маленькое, низкое, почти у самой земли, окошко выходило на айван – небольшую террасу. Чтобы скрыть от чужого взгляда то, что делается в доме, на окно была наклеена промасленная бумага. В доме было сыро и настолько темно, что нельзя было различить друг друга на расстоянии двух шагов. Вторая половина двора, которую занимал сам хозяин, тоже была небольшая, но вся увитая густыми виноградными лозами. Правда, это не спасало от изнуряющей жары в летнюю пору.

Жена деда Алима, женщина уже немолодая, целыми днями пряла пряжу, изредка забегая к нам перекинуться словечком-другим с мамой. В её глазах мы были несчастными людьми. Она знала, что мой отец, кузнец Абдукаххар, без конца кочует с места на место в поисках хорошей работы, и потому жалела нас. Утешая маму, она говорила:

«Кто не странствовал за солнцем следом?
Прожил жизнь, не быв ничьим соседом?
Кто себя, осевши на чужбине,
Чужаком не чувствовал при этом?»

Старики жили одни. Сын деда Алима батрачил у кого-то из баев, дочь они недавно выдали замуж. Алим-бува вставал рано, ещё до восхода солнца, пёк лепёшки и, сложив их в корзину из ивовых прутьев, выносил и раскладывал на прилавке перед домом. Потом он исчезал в саду и появлялся только перед вечерней молитвой. Пересчитывал деньги, и, если выручки не хватало, он начинал ворчать, но не потому, что денег было

? Почему дед Алим оставлял свой товар без присмотра? Есть ли сейчас такие продавцы?

мало по сравнению с проданными лепёшками, а просто он жалел человека, который попадёт в ад за то, что украл хлеб у ближнего своего.

Стояли жаркие дни. Хотя двор наш был тенистым, в доме было полно мух. Однажды отец, закрыв наглухо дверь и окна, устроил дымовую завесу. Дым был настолько едким, что отец, еле дыша, вышел из дома и долго кашлял. Узнав о его действиях, дед Алим обиделся и, подойдя к дувалу, сказал:

– Не обижайте божьих тварей, уста. И мух тоже бог создал, вселил в них души!

Отец тотчас же прекратил травить мух.

Как-то к нам заглянул мой двоюродный брат – племянник отца, который охотился недалеко от нас, в Пасткурике. Патроны у него кончились, и он забежал к нам набить новые. Несмотря на то что мама мне строго-настрого наказала не подходить близко к брату, я с любопытством наблюдал, как он заправляет гильзы. Брат поджёг немного пороха и показал мне, как он горит, и, взяв пистон, сверху красный, а внутри белый, стукнул по нему камнем – раздался выстрел, я от испуга вздрогнул, а потом запрыгал от радости. Улучив момент, когда брат был занят набивкой патронов, я спрятал два пистона под палас. Когда он уехал, не знаю почему, я поймал муху и, зажав её между двумя пистонами, положил на наковальню и изо всех сил стукнул по ним молотком – так грохнуло, что мама, которая, разговаривая с женой Алима-бува, перекапывала цветник, схватилась за поясницу и упала в кусты райхона. А старуха от испуга свалилась на мою маму и закричала: «Что ты наделал, сорванец! Иди сейчас же позови отца!»

Мама лежала, охая, и всё же не забыла крикнуть мне: «Надень чарыки!». Я быстро на босу ногу надел чарыки и выбежал на улицу. Кузница наша стояла на перекрестке возле самого базарчика, и оттуда слышался стук молотка о наковальню. Отец раздувал мехи кузнечного горна; увидев меня, он испуганно подбежал и спросил: «Что случилось?» Ничего не объясняя, я сказал ему, что мама плачет. Развязав фартук, отец вышел из кузницы и, вскочив на свою «шайтан-арбу», как тогда называли велосипед, помчался домой. От испуга я остался стоять как вкопанный. На другой стороне перекрёстка, там, где располагались лавки торговцев, на деревьях висели разноцветные клетки, и оттуда доносилось несмолкаемое кудахтанье кекликов – горных куропаток и пение перепелов.

Чарыки – обувь, чаще сапожки из мягкой кожи.

Я вышел из кузницы, перешёл на противоположную сторону, и только успел подойти к лавке, где кудахтала горная куропатка, как меня позвал отец. Он слез с «шайтан-арбы», завязал фартук и укоризненно покачал головой: «Что же ты в маму стрелял?! Разве можно стрелять в маму, которая тебе подарит братика?» Папа сунул мне в руку конец верёвки кузнечного горна. Я понял, что ничего страшного не произошло, и молча принялся раздувать мехи.

Папа взял из печи докрасна раскалённый кусок металла, положил его на наковальню и стал пробивать дырку. Маленький, с горошину, шарик скатился с наковальни на пень, а с пня прямо мне в чарыки. Чарыки впопыхах я надел неправильно: левый на правую ногу, а правый на левую. Шарик прилип к моей ступне. Я закричал от боли. Папа быстро стащил с моих ног чарыки

и, подняв меня на руки, положил на скамью. Когда я опомнился, надо мной уже сгрудилось несколько человек. Один обмахивал меня полотенцем, другой дул на рану... Кто-то сказал: «Да этот мальчик герой, он совсем не плачет, а ржёт, как жеребёнок!»

К вечеру папа закрыл кузницу, посадил меня на спину, и мы отправились домой.

Мама, узнав о том, что я обжёг себе ногу, чуть не лишилась чувств. Да так и не вспомнив, зачем она меня посылала к отцу, стала ругать себя за то, что отпустила меня одного в кузницу. Похоронившая восьмерых детей, мама не доверяла меня никому и потому не отпускала от себя ни на шаг. Теперь она даже забыла, что утром я напугал её. Отец с матерью, удивляясь, говорили о ловкости и смелости такого маленького существа, как я, который один сумел сходить в кузницу. Словно все беды и несчастья, какие только есть в мире, поджидали меня на моём пути, а я, ловко увернувшись от них, добрался до отца.

После этого в глазах родителей – слава аллаху! – я заметно вырос и уже вполне самостоятельно мог выходить на улицу, но с условием далеко от дома не забредать. Правда, ещё ни разу я не возвращался с улицы весёлым. В первый же день моей самостоятельной прогулки я свалился в канаву. На узком мостике через канаву лежала связка стеблей кукурузы; пытаясь сбить её ногой в воду, я поскользнулся и полетел вниз. Кто-то из прохожих вытащил меня.

Со слезами на глазах я возвратился домой со своей первой прогулки. Мама

Казаки

была напугана больше, чем я; она подвела меня к очагу, побрызгала мне в лицо водой, даже забыв снять с меня мокрую, прилипшую к телу рубашку; потом подожгла кусок тряпки и, повертев ею несколько раз вокруг моей головы, выбросила – так она меня лечила от испуга. После этого случая мне долгое время не разрешали выходить на улицу.

А однажды я сидел на пороге дома и лепил из глины разные фигурки, как вдруг со стороны базарчика показалось несколько всадников. Это были казаки. Я никогда раньше не видел их. Заглядевшись на синие фуражки с красными околышами, из-под которых торчали длинные чубы, на их необычную одежду, я и не заметил, как далеко ушёл от дома. Когда я огляделся – вокруг было поле. Я сразу повернул назад, но вскоре убедился, что ни дома, ни даже своей улицы мне не отыскать. Я сел на развилке дорог

? Мальчик украл пистоны – можно ли считать его поступок детской шалостью?
Как вы считаете, почему в те времена велосипед могли называть «шайтан-арба»?
Почему дед Алим называет Абдукаххара «уста»? Какое значение имеет это слово?

и заплакал. На моё счастье, подъехала арба. Сойдя с лошади, арбакеш обо всём расспросил меня. Оказалось, что он знал моего отца; посадив на арбу, он отвёз меня домой. Об этом случае я матери не рассказал – знал, что она перестанет пускать меня на улицу. Но арбакеш всё рассказал моему отцу, и мама, узнав о моих злоключениях от папы, страшно обеспокоилась:

– Боже ты мой, повезло тебе на этот раз! Что бы мы делали, если бы казак взял тебя за ногу и ударил бы об землю? Или увёз бы тебя с собой! Запомни, если увидишь казака, беги домой. Лучше не попадайся ему на глаза!

А папа похвалил меня:

– Молодец! Да ты, я вижу, смелый парень. Взрослый и то робеет при виде казака.

И то, что я не испугался казаков, и то, что я уже мог самостоятельно ходить в кузницу, радовало моего отца. После этого мне позволялось свободно ходить на прогулки и даже захаживать на соседние улицы. Если ребята не принимали меня в свой круг, я наблюдал за их игрой со стороны и, когда мне надоедало это занятие, спокойно возвращался к себе домой.

Пришёл месяц рамазан. По утрам нас будила барабанная дробь или звуки сурная, чем-то напоминающие мне блеяние козы. Я представлял себе уразу как что-то интересное и загадочное. Несколько раз я поднимался рано, до восхода солнца, вместе со взрослыми пробовал соблюдать пост. Но самым интересным для меня оказались базаршабы – ночные базары. Отец однажды водил меня на такой базар.

От перекрёстка и до самой площади во всех ларьках и будках горело бесчисленное множество керосиновых ламп и свечей. Народу видимо-невидимо. Крик, шум, смех, песни неслись отовсюду. «Хлеб горячий! Горячий хлеб!», «Самса горячая! Полезна и питательна! Особенно на завтрак! Бери у меня, глотай не жуя!» – зазывали продавцы. Между ними, рассыпая по земле искры, сновали ребятишки с бенгальскими огнями. Взлетела из-за деревьев к небу ракета и, взорвавшись, рассыпалась на множество огоньков, похожих на яркие звёзды.

Папа повел меня в чайхану. Там тоже было много народу. Большая лампа, висевшая прямо над головой, ярко горела. Мы прошли мимо сури – низких деревянных настилов, на которых сидели люди, и поднялись на айван. Кто-то подхватил меня под мышки и посадил на ковёр. Рядом со мной освободили место моему отцу. То ли под сури, то ли над ней кто-то очень тонким, но звонким голосом пел песню. Я стал озираться по сторонам.

Папа толкнул меня в бок и указал на небольшой ящик с огромной трубой, по форме напоминающей цветок повилики, оттуда доносилась песня. Я много раз слышал о заводном ящике, который поёт, но видеть его мне раньше не приходилось. Раскрыв рот от удивления, я долго глядел на граммофон. Когда песня кончилась, чей-то голос из трубы произнёс: «Молодец, Хамрокул-кары!» Мне показалось, что в этом жёлтом ящике было заперто много-много маленьких человечков.

А потом вдруг совсем рядом раздался какой-то треск. От испуга я прижался к отцу, но он успокоил меня: «Не бойся, сынок, это ракета!» Я посмотрел в ту сторону, где была толпа. По кругу, как лягушка, прыгал огненный шар. После каждого треска он подпрыгивал выше человеческого роста. Многие, как и я, испуганно шара-

хались в стороны, а толпа весело смеялась. Тут заговорили о ракетах, фейерверках, и один бородатый старик рассказал такой случай. Был в Ходженте знаменитый мушакбоз-пиротехник. Пригласили его на свадьбу к одному баю устроить фейерверк, так этот самый мушакбоз, привязав к поясному платку четыре ракеты, взлетел выше тополей. Хорошо, люди поймали его за верёвку, привязанную к ноге, да спустили на землю. Все слушали старика и удивлённо качали головами.

Снова завели граммофон. В другом углу чайханы завертелась волчком ракета, извергая дым и пламя. Потом началось представление, которое называлось «Бува-ковок».

Маленький человечек с узкими глазами, вероятно киргиз, появился из-за камышовой циновки. Он положил на сури три бурдюка с кумысом, расстелил коврик и, удобно расположившись, пощёлкивая пальцем по косе, стал расхваливать свой товар. Из-за той же циновки верхом на белом ишаке выехал высокий человек с большим животом, с длинной бородой, расчёсанной на две стороны. Это и был Бува-ковок. Проезжая мимо киргиза, он спросил: «Сколько стоит твой кумыс?» Киргиз, расхваливая свой товар, ответил: «Одна коса две таньги!» Бува-ковок недовольно покачал головой и предложил за десять кос одну таньгу. Киргиз не согласился и даже накричал на него. Люди стали смеяться над продавцом кумыса. Бува-ковок сошёл с ишака, подошел к киргизу, развязал один бурдюк и попробовал кумыс. Потом подошёл ко второму бурдюку, проделал то же самое. Киргиз, схватив развязанные бурдюки, крепко зажал им горловины, чтобы кумыс не выливался. А Бува-ковок тем временем оттащил в сторону третий бурдюк и снова наполнил кумысом косу. После каждой осушенной чаши он приговаривал: «Десять кос одна таньга! Согласен?» Киргиз топал ногами, кричал, но отпустить развязанные бурдюки не мог. Люди же весело смеялись.

Теперь за меня не беспокоились. Я целыми днями бегал по соседним улицам, играл с мальчишками в разные игры и возвращался домой поздно вечером весь вывалянный в пыли, с порванной рубахой и штанами. Но мама не ругала меня. Она радовалась, что я начал проявлять самостоятельность. И вот, когда я нашёл себе хороших друзей на нашей улице, мои родители решили вдруг переехать из этой махалли.

Перевод И. Симонова и К. Хакимова

? Какие традиционные обычаи описаны в рассказе? Доводилось ли вам бывать на базаршабах?
Оцените поступок Бува-ковока. Как вы думаете, почему люди вокруг смеялись над продавцом?

? **Задания:**
1. Как вы думаете, почему рассказ назван «Нет худа без добра»? Придумайте своё название этому рассказу.
2. Представьте себя папой / мамой, описанными в рассказе. Посмотрите на своего «сына» глазами родителя и опишите его. Почему вы так думаете?
3. Предположите, как сложилась жизнь у мальчика и других героев рассказа.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Годы жизни	1937-2015
Род деятельности	русский писатель
Направление	реализм – деревенская проза
Уникальность	поднимает в своём творчестве этические проблемы жизни людей.
Визитная карточка	«Деньги для Марии» (повесть, 1967) «Последний срок» (повесть, 1970) «Живи и помни» (повесть, 1974) «Прощание с Матёрой» (повесть, 1976) «Пожар» (повесть, 1985)

Валентин Распутин – один из лучших русских писателей второй половины XX века, поднимавший в своём творчестве вопросы нравственности и духовности русского общества. Его проза посвящена людям, которые живут в гармонии с природой, искренни душой и чисты сердцем.

Рассказ «Уроки французского» писатель считал лучшим своим рассказом, он был написан на основе невыдуманной истории. «Дорог он автору, видимо, не только своею узнаваемой автобиографичностью, напоминанием о детстве, но и тем, что здесь происходит утверждение добра, которое для героя не проходит бесследно, остаётся в нем энергией памяти, одной из побудительных сил души», – справедливо считает Иван Алексеевич Панкеев – один из крупнейших исследователей творчества Валентина Григорьевича Распутина.

Исследователь также, анализируя рассказ «Уроки французского», справедливо отмечает, что «название рассказа мало отражает его суть, ведь об уроках французского языка в тексте говорится мало, да и не в них дело. Главное в рассказе – воспитание главного героя в русском духе, поэтому это не столько уроки французского языка, сколько уроки русской доброты».

Панкеев считал, что первые такие уроки для героя произведения носили характер нравственный и были получены им в голодном деревенском детстве от матери и односельчан. Эти люди дали ему понять, что образование чего-то стоит, что умный человек достоин уважения. Живя среди них, он учился помогать ближнему: «Писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того, добавляя от себя».

Следующий урок, жестокий, преподали ему городские сверстники. Это злые, сильные и несправедливые предводители мальчишечьей ватаги. Чему они могли научить? Подчиняться силе, отстаивать своё место в «стае», завидовать и мстить более удачливому, хитрить и ловчить, чтобы и прибыль иметь, и не попадаться… Звериные уроки. Но всё же один – человеческий: не будь жаден

до денег, даже если они тебе очень нужны.

Наконец, самые важные и запоминающиеся уроки дала герою учительница Лидия Михайловна – уроки «русского»: помогай ближнему, причём в той форме, в которой он может принять твою помощь; твори добро, даже вопреки общепринятым нормам профессиональной этики: вначале человек, а потом профессионал. Для Распутина человеческая сущность, богатство души превыше всего. Это и есть уроки Распутина» [2].

Чтобы совершить виртуальный тур в музей Валентина Распутина, отсканируйте этот QR-код при помощи камеры телефона. Вы сможете узнать не только о биографии, семье, увлечениях и творчестве русского писателя, но и увидеть его родную улицу, дом, рабочий кабинет, личные фотографии и многое другое.

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой.
Странно: почему мы так же, как и перед родителями,
всякий раз чувствуем свою вину перед учителями?
И не за то вовсе, что было в школе, – нет,
а за то, что сталось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки́ проросшей картошки и зёрна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, – тогда не придется всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

[2] Панкеев И. Валентин Распутин: По страницам произведений. –М.: Просвещение, 1990. – С.126.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет – некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё невольно перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали; однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки – под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

– Башковитый у тебя парень растёт. Ты это… давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал, как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? – за тем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить – я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но

самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормошили ребята, вместе с ними – хочешь не хочешь приходилось двигаться, играть, а на уроках – работать.

Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска – тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! – хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном – домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

– Собирайся, – потребовала она, когда я подошёл. – Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалеку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут – кажется много, хватишься через два дня – пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил – так и есть: был – нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал – тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, – я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков – от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил – что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тети Нади стоял горячий чайник; пошвыркав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала по-

? В какое время происходит действие рассказа?
Опираясь на текст, расскажите об особенностях жизни людей в то время.

луторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

– Ты в «чику» играть не боишься?

– В какую «чику»? – не понял я.

– Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

– Нету.

– И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку, и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного – рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

– Этого ещё зачем привел? – недовольно сказал он Федьке.

– Он свой, Вадик, свой, – стал оправдываться Федька. – Он у нас живёт.

– Играть будешь? – спросил меня Вадик.

– Денег нету.

– Гляди не вякни кому, что мы здесь.

– Вот ещё! – обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все – то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, – тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул – твоя, бей дальше, нет – отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и, если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся – шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы

монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата – десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке – на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять поллитровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал,

что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла теплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогодья слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы у́же, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает – всё равно тянет. Вызовут – молчит.

– Что ж ты руку поднимал? – спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

– Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное – от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один – потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу,

возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя – так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

– Ты что это – загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

– Мне уроки надо, Вадик, делать, – стал отговариваться я.

– Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

– Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своем деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы – если не окажется орла – собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

– Не в склад! – объявил Вадик.

Я подошел к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, – иначе он не стал бы её закрывать.

– Ты перевернул её, – сказал я. – Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

– А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнется драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся,

тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, – решил я. – Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

– Чего-о ты?!

– Кто тебе сказал, что это я? – отпёрся он. – Приснилось, что ли?

– Давай сюда! – Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

– Давай сюда! – потребовал Вадик.

– Ты перевернул ту монетку! – крикнул я ему. – Я видел, что перевернул. Видел.

– Ну-ка, повтори, – надвигаясь на меня, попросил он.

– Ты перевернул её, – уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

– Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

– Иди отсюда, пока живой! – скомандовал Вадик. – Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыркая омертвевшим носом, поплёлся в гору.

– Только вякни кому – убьём! – пообещал мне вслед Вадик.

?

Расскажите о жизни героя в райцентре по плану:
- Почему мальчик, герой рассказа, оказался в райцентре?
- Каковы были успехи героя в школе?
- Каково было душевное состояние мальчика?
- Как складывались отношения героя с окружающими его ребятами?

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И, только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи – так что слышал, наверное, весь посёлок:

– Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся – видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

* * *

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и, если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

– Ну вот, – сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. – Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

– И что случилось? – спросила она.

– Упал, – брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

– Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

– Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

– Хи, упал! – выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. – Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что – совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность – нечего сказать.

– Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, – не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. – Иди к доске, раз уж ты разгово-

рился, и приготовься отвечать. – Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: – После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни творил: разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть поперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Смотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» – «Что меня побудило?» – «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя». Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело – если бы я сам бросил школу… Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

– Это правда, что ты играешь на деньги? – сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

– Правда.

?

Издавна общество рассматривает игры на деньги, то есть азартные игры, как безнравственное занятие.
Как вы понимаете значение слова безнравственный ?
Как вы думаете, почему азартные игры – безнравственное занятие?
Какие эмоции вызывает человек, проигравший в карты или рулетку ?
Какие чувства вы испытали бы к человеку, проигравшему в карты?
А вызывает ли такое чувство герой рассказа Распутина?
Как называется чувство, противоположное безнравственности?

– Ну и как – выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

– Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

– Вы… выигрываю.

– Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он в волюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе – она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдется и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

– Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

– Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

– И больше не играешь?

– Нет.

– А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

– Покупаю молоко.

– Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самоё дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Чи́рки – обувь, сшитая из одного куска кожи, с невысоким голенищем или совсем без него.

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

– И всё-таки на деньги играть не надо, – задумчиво сказала Лидия Михайловна. – Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

– Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карман и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зуди́ло посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль – уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

– Чего пришёл? Давно не били?

– Играть пришёл, – как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

– Кто тебе сказал, что с тобой, – Птаха выругался, – будут тут играть?

– Никто.

– Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

– Чего ты пристал к человеку, Птаха? – щурясь на меня, сказал Вадик. – Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

– У вас нет по десять рублей, – только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

– У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

– Дать ему, Вадик?

– Не надо, пусть играет. – Вадик подмигнул ребятам. – Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое – доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его са-

молюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать-тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но, как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

– Хватит, ой, хватит! – испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. – Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной, и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «beaucoup» («много»), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как про́клятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, бо́льшей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор. Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился – меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, это она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дождаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем – редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю?

Теперь я думаю, что она к тому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке – мягкой, но уверенной, свободной, по всему её поведению в ней чувствовались смелость и опытность. А кроме того, я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким.

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не

какой-нибудь манной небесной, настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, непохожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, – какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог – вот и оставил в раздевалке.

Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? – мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня – чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не покрошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё, и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны… Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахару и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия – мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол – получай

продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочкóм влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

– Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

– Это вы сделали, – сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

– Что я сделала? О чём ты?

– Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

– Почему ты решил, что это я?

– Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

– Как! Совсем не бывает?! – Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

– Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

– Действительно, надо было знать. Как же это я так?! – Она на минутку задумалась. – Но тут и догадаться трудно было – честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

– Горох бывает. Редька бывает.

– Горох… редька… А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. – Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. – Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми…

– Не возьму, – перебил я её.

– Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной… Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

– Я совсем не голодаю.

– Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмешь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михай-

? Почему главный герой отказался от посылки?

ловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

– Хорошо, – подбадривала меня Лидия Михайловна. – В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей – обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже́. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, – я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол – напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарик, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстегивало самолюбие: не получалось – получится, и получится – не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне… Я бы сам, сам…

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

– Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

– Как же сейчас играть?! – удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

– А что это была за игра? В чём она заключается?

– Зачем вам? – насторожился я.

– Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли, вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

– Нет, – Лидия Михайловна покачала головой. – Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Вот смотри. – Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. – Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. – Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. – Теперь, – Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется «замеряшки». Достанешь – значит, выиграл. Бей.

Я ударил – моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

– О-о, – махнула рукой Лидия Михайловна. – Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, – я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

– Чего тут непонятного?

– Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

– Как же я с вами буду играть?

– А что такое?

– Вы же учительница!

– Ну и что? Учительница – так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя, – Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. – Иной раз полезно забыть, что ты учительница, – не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное – не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. – Она встряхнулась и сразу повеселела. – А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

– Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

– Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление – не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

– Ну что – попробуем? Не понравится – бросим.

– Давайте, – нерешительно согласился я.

– Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену: ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло

и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

– Нет, так неинтересно, – сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. – Играть – так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

– Но тогда это будет игра на деньги, – несмело напомнил я.

– Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

– Неужели боишься? – подзадорила меня Лидия Михайловна.

– Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что – не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимаясь на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня – одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя – не то позор, позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилались во всю длину, – там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотягивался без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

– Нет, – заявил я, – так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

– Но я действительно не могу их достать, – стала отказываться она. – У меня пальцы какие-то деревянные.

– Можете.

– Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство – от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обом-

лел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

– Что вы делаете? – возмутился я.

– Я? А что я делаю?

– Зачем вы её подвинули?

– Да нет же, она тут и лежала, – самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать-двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы не мешкая переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко – теперь уже в мороженых кружка́х. Я осторожно среза́л с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всем теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали и счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится…

…Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

– Пойми ты, голова садовая, – наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, – зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

– «Чика» не считово.

– Почему это не считово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донесся удивлённый,

? Почему главный герой чувствовал себя неловко, принимая выигранные деньги от Лидии Михайловны, но спокойно относился к игре с ней в «замеряшки»?
Как отнёсся к игре учительницы с учеником директор школы?

если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

– Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

– Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

– Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

– Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать, как директор.

– Играем в «пристенок», – спокойно ответила Лидия Михайловна.

– Вы играете на деньги с этим?.. – Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. – Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

– Правильно.

– Ну, знаете… – Директор задыхался, ему не хватало воздуха. – Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Совращение. И ещё, ещё… Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое…

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

– Поеду к себе на Кубань, – сказала она, прощаясь. – А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, – она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, – то увидел, что аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Задания:

1. Игра-задание «Суд присяжных»

Разделитесь на три команды: прокуроры, адвокаты и присяжные. Команда прокуроров обвиняет учительницу из рассказа в том, что она играла на деньги со своим учеником. Команда адвокатов защищает свою подзащитную. Обе команды находят в тексте по три фразы, подтверждающие их правоту. Команда присяжных выслушивает обе стороны и выносит вердикт, объясняя всем, почему решила так, а не иначе.

2. Продолжите фразы:

а) После прочтения рассказа я понял, что...

б) Самый главный урок для героя рассказа – это...

в) Рассказ называется «Уроки французского» потому, что...

г) Я бы назвал этот рассказ...

3. Письменно ответьте на вопрос: «Каким должен быть учитель, чтобы остаться в памяти ученика?» (6-8 предложений).

4. Выпишите из текста все незнакомые вам слова. Для того чтобы узнать толкование незнакомых слов, отсканируйте этот QR-код при помощи камеры телефона.

ГАФУР ГУЛЯМ

Годы жизни	1903-1966 (Ташкент)
Род деятельности	поэт, прозаик, переводчик, публицист
Направление	реализм (соцреализм)
Уникальность	поэт и писатель, воспевший красоту родного края и мудрость узбекского народа.
Визитная карточка	«Юлдаш» (поэма, 1930) «Иду с Востока…» (цикл стихотворений, 1943) «Ты не сирота» (стихотворение, 1942) «Озорник» (повесть, 1936–1962)

Гафур Гулям – народный поэт и публицист Узбекистана. Его талантливые произведения полны оптимизма, жажды жизни, философских размышлений и любви к узбекскому народу. В его творчестве воплощены не только события из жизни Узбекистана 20–60-х годов XX века, но и интересные факты из биографии поэта.

Гафур Гулям ещё мальчиком потерял отца и мать, и очень рано испытал бедность, тяжёлый труд, ответственность за судьбу младших сестёр. «Моя собственная судьба, – вспоминал он, – заключала достаточно контрастов. Беззаботное буйство детских игр – и раннее сиротство. Скучные часы учёбы – и сладкие минуты собственных открытий. Сотни весёлых проделок в базарной сутолоке – и яростный шаг в толпах шестнадцатого года. Свинцово-тяжкая мальчишечья работа (ученик наборщика в типографии) – и сияющие миры книг. Меня, как и каждого, сформировали впечатления детства. Но от многих других я отличался, вероятно, особым талантом помнить: образы, краски, коллизии пережитого сохранялись во мне во всей неприкосновенной яркости и силе».

Детские впечатления легли в основу самой известной его повести «Озорник». В ней Гафур Гулям создал образы озорных и смекалистых детей, жизнь которых была отнюдь не из лёгких. Приключения главного героя выписаны с мягким юмором. Автор произведения обращается к традициям узбекского фольклора, чтобы правдиво изобразить жизнь простых людей.

ОЗОРНИК

(отрывки)

Часть первая. Дети старой махалли

Народу в торговых рядах уйма.

В большой чайхане Ильхама-чайханщика, что стоит как раз на повороте от молочного ряда к махалле Махкама, играет граммофон, без у́молку звучат старинные песни в исполнении Туйчи-хафиза, Хамракула-коры, Ходжи Абдул-Азиза или ферганских певиц. Места в чайхане всегда не хватает. Тут проводят свободное время байские сыновья из торговых рядов.

Они собираются вокруг дастархана, посреди которого на большом медном подносе разложены сахар, миндаль, фисташки, разные сладости, стоит в посуде варенье... Усаживаясь, они весело горланят, рассказывают анекдоты, сопровождаемые громовым ржаньем. Дехканам, бедным кустарям, казахам, киргизам, приехавшим набазар издалека, нечего сюда и соваться.

Чайханщик – худощавый парень по прозвищу Асра-лысый, в лёгком халате нараспашку, подпоясанном голубым шёлковым платком, услужливо носится среди посетителей. Через плечо у него перекинут кисейный платок в горошек, на ногах – кавуши. Стоит кому-нибудь из гостей крикнуть: «Асра!» или «Лысый!» – он уже тут как тут:

– Что угодно Мулла-ака, чай или чилим?

И не успеешь оглянуться, как он снова появляется – с маленьким чайником в одной руке и двумя китайскими пиалами в другой или наполняет табаком головку сверкающего медного чилима, шумно раскуривает и, кланяясь, подает гостю: «Мулла-ака, пожалуйте...»

Много удивительных вещей можно увидеть в этой чайхане. Но, конечно, самое замечательное в ней – это подвешенная к потолку у входа большая клетка, позолоченная, украшенная амулетами от дурного глаза и пёстрыми флажками. В клетке живёт попугай, ей-богу, настоящий, живой попугай! Перья его переливаются всеми цветами радуги, как шёлковые нити в шкатулке вышивальщицы: синий, красный, голубой, жёлтый, белый, розовый, коричневый, тёмно-вишнёвый, фисташковый – все цвета, какие только есть на свете! Но главное, он разговаривает! Подумать только, он болтает так бойко и смешно, что я и сейчас ещё слышу его голос, звонкий и раскатистый, как у трёхлетней девчонки, только что научившейся говорить:

– Асра, Асра, услужи гостю, один чай, один чилим, пожалуйте, Мулла-ака, пожалуйте, байвачча...

Мы, мальчишки, бродим по базару чумазой босоногой стаей, в рубахах и штанах из буза: мы снуём всюду, но ко входу в чайхану нас тянет неизменно:

– Попка, эй, попка!

Асра-лысый кидается на нас, делая свирепое лицо. Кто попадётся, и

? Выпишите эпитеты, которые помогают автору создать портрет попугая.

впрямь получит изрядную порцию тумаков. А попугай посылает вслед нам крепкое ругательство:

– Ах, бабушку твою…

Впрочем, главным нашим развлечением на базаре служат джинни – юродивые. Сколько их в Ташкенте – и-и! Начнешь считать – собьёшься! Карим-джинни, Рыжий, Пара Голубей, Майрамхан, Юродивый из Юродивых, Жена Ишана, Хал-паранг, Таджихан, Алим, Аваз… Каждый из них «сходит с ума по-своему», безумствует на свой лад – мы знаем их всех отлично. Пара Голубей, например, помешался на властях. И царя Николая, и Кауфмана, и Мочалова, и полицейского стражника по прозвищу Наби-вор – всех, бывало, соберёт вместе и понесёт, понесёт, с непривычки и слушать страшно. Карим-джинни тоже ругается без умолку. Этому уже всё равно – аллах ли, пророк, ходжи, ишан, казий, – он клянёт всех подряд, клянёт до седьмого колена, разносит в пух и прах! Когда-то он был ткачом, но потом стало полно фабричного ситца, Карим не мог уже кормить семью – и в конце концов помешался. То же, примерно, случилось и с Хал-парангом. Он был родом из Коканда, ткал бархат и, судя по прозвищу, считался искусным мастером. Он сошёл с ума, когда сгорела его мастерская вместе со станком. А Майрамхан? О, это, пожалуй, самый знаменитый из всех джинни! Его настоящее имя – Маматраим, он был слесарем, и таким превосходным слесарем, с такой «лёгкой» рукой, что считалось, удача сопутствует уже тем, в чьей мастерской, лавке или доме он побывал. Говорят, Майрамхан собственными руками и не ел-то никогда, столько находилось охотников кормить его пловом из горсти, как почётного гостя! Бессчётные мастера по изготовлению колыбелей, самшитовых гребней, веретён почитали это за счастье… Словом, он был всеобщим любимцем – потому и прозвали его Майрамхан! – и ходил по улицам и базарам, таща на себе нанизанный на проволоку металлический лом, отпуская шуточки, сияя ослепительной улыбкой. Он прогорел со своим ремеслом, когда металлические изделия стали выпускать заводы, понемногу сделался никому не нужен и помешался от нищеты и тоски…

Джинни по прозвищу Жена Ишана, смуглая, статная, с тонкими чёрными бровями женщина лет сорока пяти, и вправду была когда-то женой ишана Миттихан-турам из Калан-дархоны! Однажды она застала мужа со своей младшей сестрой и сошла с ума.

Один Аваз, пожалуй, не был настоящим сумасшедшим, а только притворялся, не желая работать.

Мы знали все истории этих несчастных – слышали от взрослых, сколько раз всё это при нас пересказывалось! Но у мальчишек нет времени для жалости. Зрелищ на нашу долю выпадало мало, вот мы и выдумывали сами, что могли, а с джинни можно было устроить представление – лучше не надо! Иногда мы уговаривали их спеть или сплясать, но чаще просто безжалостно дразнили. А когда они приходили в исступление, тут-то и начиналось самое интересное. Они бросались за нами вдогонку, мы увёртывались, не всегда удачно, нам-таки перепадали от них побои – поделом, конечно. Словом, остроты ощущений хватало и смеху тоже, особенно, когда сходились два-три джинни вместе.

Как-то раз джинни по имени Таджихан стал гоняться на улице за прохожими, размахивая черенком от

кетменя и требуя, чтобы все шли в одну сторону.

– Эй, не разбредайтесь! – вопил он. – Порядок должен быть, порядок!

Никто ничего не мог с ним поделать, покуда не появился Алим-джинни.

– Эй, джинни, что ты тут мелешь? – закричал он.

– Почему они не идут в одну сторону? – говорит Таджихан. – При царе Николае порядок должен быть! Порядок!

– Ай, и дурак же ты, Таджи, – сказал Алим-джинни, – ну и дурак! Земля у нас знаешь какая? Вроде весов! Если все пойдут в одну сторону, что получится? Наклонится она, как поднос, и все мы утонем тогда в Курдумдарье!

Таджихан остановился, постоял с разинутым ртом, покачал головою – и пошёл прочь. Видно, одну сумасшедшую мысль может выковырнуть из головы только другая, ещё более сумасшедшая, – как иголка занозу.

Так, в развлечениях, проводим мы дни и едва замечаем, как наступает вечер. Забежав домой сразу после третьей молитвы, что перед заходом солнца, мы наскоро хлебаем мучную похлёбку, или затируху , или какое-нибудь варево из маша – с тыквой или рисом, или суп с лапшой, что-нибудь, что оказалось в доме, – и снова убегаем на улицу, над которой начинают высыпать добрые летние звёзды…

Наша махалля с одной стороны выходит к махалле Тиканли-мазар, с другой – к махалле Кургантаги. Мы собираемся в глухих тупичках, расположенных слева от главной улицы, и играем допоздна. Вечером – самая игра, особенно в лунные вечера. Летом, весной, осенью улицы наши пыльные, мягкие, одно наслаждение, только вот зимой – вязкая грязь, кому по колено, а нам так по пояс, и тогда мы переносим свои игры на площадь или в крытые переходы со дворов на улицу. В тусклых фонарях, установленных городской управой, горят семилинейные керосиновые лампы. Каждый вечер проходит фонарщик с лестницей, наливает керосин, подрезает фитили, чистит стёкла: утром он проходит снова – гасит фонари. В темноте, сто́ит чуть отойти, они едва мерцают – точно глаз кошки. Их красноватое пламя не столько освещает улицу, сколько напоминает прохожим, идущим по узкому тротуару: «Эй, не наткнись на меня! Я здесь…»

Ну, что можно делать при свете такого фонаря? И разговаривать-то неудобно! Взрослые, едва сотворив последнюю вечернюю молитву, расходятся по домам. Улицы пустеют. Даже ворона не пролетит. Остаёмся только мы. Самое время для игры в прятки…

Впрочем, у нас множество и других игр: борьба, «батман-батман», тоже что-то вроде борьбы – играющие стоят спиной друг к другу, сцепятся руками и поочерёдно поднимают напарников себе на спину – или ещё игра в «белый тополь, зеленый тополь» – мальчишки разбиваются на две группы, каждая выбирает вожака, загадывает кого-нибудь, а противоположная сторона должна угадать – кого? Отгадавшие садятся на спины противников и едут до условленного места… Что ещё? Ну, вот хотя

Семилинейная керосиновая лампа – это лампа, фитиль которой по ширине равен семи линиям. Одна русская линия равна десяти точкам или 2,54 мм. Значит, ширина фитиля семилинейной лампы составляет примерно 18 мм.

бы «минди-минди», или «вор пришёл», или «головка моей птички»…

По правде говоря, все эти игры немножко похожи друг на друга. И почему это так увлекательно – сидеть верхом на ближнем? Затевая «головку моей птички», ребята опять же разбиваются поровну на две команды, каждая выбирает «матку» – главаря. «Матки» берут какую-нибудь тряпицу, завязывают её узлом, стараясь придать форму птицы, потом, перешёптываясь, загадывают название: козодой, чайка, синица, горлинка, ястреб, пустельгá… А обе ватаги терпеливо ждут, пока «матки» наконец договорятся и, показывая тряпичное чучело, приступят к опросу:

– Головка моей птички во-от такая, а туловище во-от такое, отгадай, что за птица?

– Коршун! – вопит ватага.

– Не-ет, не отгадал!

– Курица!

– Хо! Не отгадал!..

– Иволга.

– Не отгадал!

– Филин!

«Матки» сдаются:

– Отгадал, отгадал…

И ребята из команды, к которой принадлежит отгадчик, усаживаются верхом на соперников, дружно кричат: «Хык, мой ишачок!» – и едут на чужих спинах, куда было условлено. Тут кто-нибудь спрашивает у «матки»:

– Верхом или пешком?

Если «матка» скажет: «Что внизу – то вверх», ослики и всадники меняются местами…

Разъезжая «верхом», мы поём песни, их нам тоже не занимать, ну, хоть вот эта:

Хум, хум, кабы власть,
Пить, есть можно всласть.
Хан, хан, Умарали,
Бек, бек, Мадали,
Нам, нам вашу власть,
Пить, петь станем всласть!

Носимся, поём, кричим, пока не выведем из терпения какую-нибудь старуху:

– Чтоб вам провалиться, дети шайтана!

… Да, есть ведь ещё «гонки нагишом»! Ну, это совсем просто: берём две тюбетейки, привязываем их к вискам, получаются словно бы лошадиные уши! – подол сзади завязываем наподобие хвоста – и устраиваем бег на разные расстояния. Обычно наши маршруты проходят по Тиканли-мазару, по Карашу, по Ялапкари, Алмазару, Деван-беги и снова по Тиканли-мазару: получается круг длиной версты в три. Прибежавшего первым встречают хлопками в ладоши, возгласами похвалы, всяческими знаками почёта. Главное, до следующих «скачек» он считается самым сильным…

Кроме силачей, есть ещё и богачи, но богатство у нас тоже на свой лад. Главной ценностью почитается альчик, раскрашенный, залитый свинцом, или костяная бита, которую нам подтачивают мастера-веретёнщики, или крышка от каких-нибудь старых часов… Эти ценности в ходу главным образом днём, когда бегать по базару да по чужим улицам слиш-

? В какие игры играют мальчишки? Какая из игр понравилась вам? Почему? Расскажите об играх, в которые вы играете на улице.

ком жарко – в разгар лета, или слишком грязно – зимой. И тут своя вереница развлечений: всякие виды игры в альчики, в орехи, в мяч, в чижика, стрельба из лука, игра в конокрадов…

А ведь в месяц поста ко всему этому прибавляется много интересного. Вечерами мы ходим по махалле из дома в дом и поём «Рамазан». После захода солнца, с наступлением намазшама, четвёртой молитвы, и до полуночной трапезы, которая именуется «сахарлик», мы бродим из мечети в мечеть и слушаем, как корú раскачиваясь, распевают Коран наизусть…

И то сказать, времени у нас хватает, в школе задерживают нас ненадолго, а дел… Какие у нас могут быть дела! Наши родители и себе-то подчас не могут найти работу, где уж там пристроить мальчишек!

Махаллю вроде нашей населяют обычно мелкие ремесленники-кожевенники, что обтягивают кожей литавры и бубны или изготовляют потники, верёвочники, мастера, которые чинят фарфоровую или стеклянную посуду (с помощью металлических скрепок), водоносы, носильщики, конюхи, сторожа, массажисты, мелкие служители окрестных мечетей… Правда, в нашей махалле жили главным образом рабочие типографии и кондитерской. Но всё же, кого тут только не было! Это родители моих товарищей, я их помню отлично.

Отец Амана, Турсунбай-ака, изготовлял перочинные ножи. Был он вдовец, жена его умерла рано, и Аман остался единственным сыном. Отец Абида – да, Абидов ведь у нас было двое, мы различали по прозвищам: одного звали «Ит» (пес), другого – «Бит» (вошь) – так вот, отец Ит-Абида, Захид-ака, был старьёвщиком, а у Бит-Абида отец шил ножны. Кожевенным ремеслом занимался и отец Хуснибая, Аманбай: изготовлял хомуты.

Отец Салиха, Юнус-ака, был хафизом – певцом. Расулмат-ака, отец Тураббая, торговал гузой, а отец Абдуллы, Азиз-ака – керосином. Он разъезжал на повозке с огромной бочкой и продавал керосин на улицах. Разумеется, и повозка, и лошадь, и бочка, и керосин ему не принадлежали: он служил в компании Нобеля.

У Пулатходжи отец что-то вроде коммивояжёра, он ездил по разным городам, расположенным по ту и эту сторону границы, и исчезал иногда очень надолго. Говорят, когда Пулатходжа был шестимесячным зародышем, то прирос к утробе матери и оставался там, пока отец – лет пять или шесть – разъезжал по Кашгару. Родился он спустя три месяца после возвращения отца.

Альчик – косточки из коленного сустава рогатого скота. Альчик использовался для разных игр.

Потник – кусок войлока, который кладут под седло лошади, чтобы впитывал в себя лошадиный пот.

Гузá – (здесь) мешковина.

? Спросите у родителей, какие интересные люди живут в вашей махалле? Есть ли интересные истории, легенды о жителях вашей махалли?

Собирались мы в доме у Юлдаша, который жил без старших, мать его давным-давно умерла, потом заболел и умер отец – Бува-ака, сапожник.

Кстати, сапожным ремеслом занимался в махалле ещё Миразиз-ака, меня даже отдавали к нему в ученье. Из примечательной он был семьи. Отец его, Салимбай, с тех пор как поселился в нашей махалле, кормил семью тем, что приносил кости с бойни и вываривал из них жир. Но когда-то он был воином у Якуб-бека и во время Кашгарского восстания захватил в качестве трофея девушку-китаянку. Он привёз её в седле, заставил принять мусульманство и потом женился. Её китайское имя он сменил на Бахтибуви. Миразиз-ака был младшим их трёх сыновей Бахтибуви.

Всех ли соседей я помню?.. Фу-ты, чуть не забыл самых важных птиц! Как, однако, меняются времена! Тогда они были первыми, настоящие богачи: мануфактурщик Карим-коры, торговец воском Якуб-тыква, торговец красками Абдуллаходжи. Они стояли в мечети впереди всех, только вот не помню, кто в какую мечеть ходил – их ведь было две поблизости: одна на Тиканли-мазаре, другая на Кургантаги. При каждой из них была школа, имамы были и учителями: на Тиканли-мазаре – Шамси-домла, на Кургантаги – Хасанбай. Я ходил во вторую, к Хасанбаю-домле, который учил не по «Хафтияку», а по «Устоди-Аввалу» и куда быстрее обучал грамоте…

2
ПЛОВ В СКЛАДЧИНУ

Это злополучное для меня дело затеял Юлдаш.

Мы играли в альчики под навесом, у главного входа в Лайлак-мечеть, и мне необыкновенно везло. Карманы и рукава моего лёгкого халата, да ещё и поясной платок были полны выигранными альчиками. Я упивался победой и, пряча за пазуху очередной выигрыш, радостно вопил:

– А-а, проворонили! Ашички мои!

Конца удаче не предвиделось. Тут-то и появился Юлдаш. Он подошёл, вытирая нос засаленной полой халата, посмотрел на игру и сказал как бы нехотя:

– Что, ребята, устроим плов в складчину?

Все мгновенно к нему повернулись:

– Устроим! Устроим! – Моё везение явно не приводило в восторг никого, кроме меня.

Юлдаш прищурился:

– Где?

– Где хочешь! Ну, хоть в бывшем дворе Ризки-халфи! – Ризки-халфи был помощником учителя.

– Идёт, – сказал Юлдаш и стал распределять, кому что. Хуснибая выбрали поваром: котёл, шумовку, соль, перец, воду должен был обеспечить он. Рис и морковь взял на себя сам Юлдаш. Принести мясо выпало на долю простачка Абдуллы, сало обещал достать я, а прочее (прочего-то почти не оставалось) поручили хитрецу Пулатходже.

Мы разошлись, и я, отягчённый выигрышем, отправился домой за салом.

Мать была на кухне. Она развела огонь в тандыре и лепила самсу с тыквой. Я высыпал альчики в сво-

ём уголке. Припасы и домашние мелочи хранились в чуланчике, позади нашего старенького домика. Путь туда лежал мимо айвана, на айване моя средняя сестрёнка нянчила младшую. Пройди я мимо неё даже с самым независимым видом, она тотчас поинтересовалась бы – куда? – и подняла шум, как сторожевая собака. Пришлось прибегнуть к хитрости.

– Шапаг, – сказал я ей, – а где твой большой мяч?

– Там, где мои куклы, а что?

– А вот и нету там!

– Ах, чтоб тебе пусто было, наверно, ты и взял, отдай сейчас же, отдай!

Я стоял, ехидно улыбаясь. Она кое-как положила сестрёнку и, зашипев в мою сторону, побежала к своим куклам. Я помчался в чулан, мгновенно отковырнул кусок сала в кувшинчике, завернул его в клочок бумаги, которым кувшинчик был накрыт, и сунул добычу за пояс. Главное дело было сделано. Я спокойно пошёл в сарай, где хранились дрова. Оказалось, серая курица снесла яйцо и теперь его высиживала. Мне представлялся прекрасный случай отличиться: кроме сала, я принесу ещё и яйцо, а ведь оно не входило в мою долю! Я согнал курицу, она закудахтала и убежала, я пристроил яйцо под шапкой. Теперь оставалась одна опасность: надо было пройти мимо кухни. Я пошёл к калитке, будто прогуливаясь, в надежде, что мать занята у тандыра. Увы! Она стояла у двери и со страдальческим видом, со слезящимися глазами, отмахивалась рукой от дыма.

– Ах, чтоб ты сдох! – закричала она. – Опять на улицу?

Я покорно остановился.

– Только и знаешь, что бегать, проклятый! – кричала мать. – А ну, иди сюда, помоги мне разжечь огонь. Дымит, чуть не ослепла!..

Делать было нечего, я пошёл к тандыру и стал раздувать пламя. Дым ел мне глаза, яйцо тихонечко перекатывалось под шапкой, точно выжидая удобного случая выкатиться или произвести на свет цыплёнка.

В кухне было жарко. Огонь наконец начал разгораться, когда я почувствовал, что по животу и ноге у меня что-то течёт. Это от жары растаяло сало! Жирная струйка густела и наливалась силой, как арык в половодье. Меня охватили досада и страх. Штанина намокла, растаявшее сало начало капать на землю. Я как раз собирался обернуться, чтобы посмотреть, не видит ли всё это мать, – и тут на мою голову обрушился удар.

– Чтоб ты сдох! – кричала мать, размахивая скалкой. – Такой здоровый балбес, сам мог бы иметь детей, если б женился, – и обмочился здесь, в священном месте, где хранятся принадлежности Фатимы и Зухры. Ах, чтоб…

Тут она осеклась и уставилась на меня. Яйцо под шапкой разбилось, желток, смешавшийся с белком, тёк у меня по виску и правой щеке. Мать слышала лёгкий хруст при ударе, теперь она, видно, решила, что пробила мне голову и это вытекает мозг. Мешкать было нельзя. Я скользнул мимо неё к выходу и помчался со двора. Мать вслед что-то кричала, к её крику прибавился злобный визг сестрёнки, но мне было не до них. Через мгновенье я был уже далеко на улице.

Обогнув третий угол, я остановился, чтобы обдумать своё положение. Было оно такое, что хуже некуда. Идти к ребятам не с чем. Домой я тоже не мог вернуться, мать вот-вот обнаружит пропажу доброй трети сала, тогда мне и вовсе несдобровать. Куда деваться? Я вдруг почувствовал одиночество и тоску. Нет мне приюта в этом мире!

Я стоял, машинально ковыряя пальцем дувал, у которого остановился. За дувалом, во дворе, шла обычная жизнь, слышались спокойные голоса. Какая-то девчонка крикнула: «Ой, тётя!»

И тут меня осенило: тётка на Сагбане! Как я об этом сразу не подумал!

В самом деле, на улице Сагбан жила со своим мужем, скорняком, моя бездетная тётка, сестра отца. Бывал я у них редко, но они во мне души не чаяли. Детей у них нет, в доме вечно тишь и гладь, всё прибрано, всё вылизано, так что иногда даже скука берёт, да и ребят окрестных я там не знаю. Но зато ведь и дом у них как магазин, чего там только нет! Почти всё, что водится на свете!

Три охотничьи птицы с мощными когтями: ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, пустельга. Бойцовый петух. Индюк. Обыкновенный петух, но такой огромный и толстый, что на нём можно прокатиться верхом, с фиолетово-зелёной спиной, чёрными боками и багровым гребешком, похожим на язык пламени. В клетке, плетённой из ивовых прутьев, жил кеклик. В сетке с дном из тыквы, обитала перепёлка. Из

Отсканируйте QR-код, рассмотрите изображение птицы, затем выпишите в тетрадь всех птиц, перечисленных во втором отрывке произведения, найдите их изображения в Интернете.
Какие из этих птиц обитают в вашем районе?

певчих там были соловей, щегол, скворец, горлинки…

Жили в доме и три собаки: одна охотничья, борзая (её держали только из роскоши, дядя с ней никогда не охотился), маленькая комнатная собачонка, которая меня, правда, терпеть не могла, и дворняжка, в старой конуре у ворот. Все они мирно уживались с пышной бухарской кошкой. Когда я был в последний раз у тёти, у кошки появилось пять или шесть котят, и их наверняка тоже оставили в доме.

А какой был во дворе цветник! Портулак, шиповник, ирис, розы, астры, резеда, ночная красавица, георгины, олеандр, ноготки – всего и не упомнишь… Каждый куст дядя с тёткой оберегали как зеницу ока, но я так и не мог понять, как им удавалось спасать свой сад от своего зверинца.

И такими они угощали лакомствами! Я вспомнил всё это, и у меня даже слюнки потекли от предвкушения той полной удовольствий жизни, которой готово было смениться моё грустное существование изгнанника. Я кое-как умылся у ближнего арыка и отправился на Сагбан, то и дело останавливаясь по дороге, чтобы рассмотреть все попадавшиеся навстречу любопытные вещи, и переживая в воображении начало новой прекрасной жизни.

Как я и ожидал, дядя и тётя встретили меня с радостью. Тётка сразу засуетилась и запричитала:

– Ах ты, голубчик мой, заходи, заходи. Как вырос! Каким тебя ветром занесло! Словно брат воскрес и пришёл к нам, недаром у меня веко подёргивалось сегодня!

Я, скромно потупясь, сказал, что очень по ним соскучился и пришёл к ним на несколько дней. От этих слов тётка засветилась, да и дядя обрадовался.

– Ну, молодец! – сказал он ласково, гладя меня по голове. – Вот так молодец! Вспомнил нас! Не зря юлпашша (это такая большая муха) всё кружилась нынче по комнате, я и то думал, что за гости будут? Оказывается, это ты! К добру она прилетала, к добру, ай, молодец!

Осыпая ласковыми словами, они повели меня в дом, и я так разомлел от всего этого, что и сам поверил в объявленную мной причину прихода.

Для меня началась жизнь как в раю.

Впрочем, многие уже убеждались и до меня, что жить в раю скучновато. Я понял это к середине второго дня, выяснив свои отношения со всеми животными и при этом дважды доведя до бешенства комнатную собачонку, перекормив дворняжку, лишив громадного петуха нескольких самых красивых перьев во время попытки совершить на нём путешествие вокруг цветника, дав понять двум кошкам – матери и дочери, где их настоящее место в доме, и так усердно перенюхав цветы, что они лишились доброй половины своего аромата, я попросился на улицу. Дядя дал мне три копейки на мелкие расходы – немалая сумма (а мне было обещано, что я стану получать её каждый день, если постараюсь не попасть под арбу), и я отправился навстречу новым знакомствам.

Махалля была не такой многолюдной как наша, но ребят хватало, и занимались они, в общем, тем же, что и мы, так что я без труда включился в их игры. Два дня мы играли в войну, потом стреляли из лука, играли

в альчики, однако на этот раз мне не везло. На третий день с утра решили стравливать собак. Из двух бродячих псов, которых мы поймали, один оказался таким слабонервным, что дал стрекача, едва ему представилась возможность. Тогда я решил похвастаться дядиной дворняжкой и тайком вывел её со двора. Сначала, чувствуя мою поддержку, она отважно кинулась в атаку, но недавние желудочные неприятности, должно быть, сильно подорвали её силы и веру в себя. Она была побеждена и вернулась с поля битвы с перекушенной ногой. Боюсь, она хромала потом до конца жизни.

Мне было жалко дворняжку, я никак не рассчитывал на такой исход. Теперь пришлось ломать голову, как скрыть эту беду от дяди, но мне снова повезло! Дядю пригласили за город, на бахчу, чтобы поесть дынь прямо с грядки. Дядя решил, что заодно навестит родственников, у которых должен был побывать по случаю хаита, и собрался за город на несколько дней. Он захватил с собой борзую и ястреба-перепелятника, да ещё сачок с длинной ручкой, которым ловят птиц. Дворняжкиной раны он не заметил – бедная собака забилась в глубь конуры, к тому же я тщательно загораживал её спиной. Перед самым отъездом дядя дал мне три бухарских таньги:

– Корми птиц, смотри, чтобы они не сидели голодными. Вот, купишь им ещё корму, если я задержусь…

Я загордился. Я уже взрослый, мне скоро четырнадцать, мне доверяют важное дело. Да ещё не каких-нибудь пташек, а таких хищников, как ястреб и пустельга! Я пошёл на птичник. Ястреб и пустельга сидели на насестах в разных углах, вобрав в себя головы. Я не знал, чем дядя их кормит, но в голове у меня мелькнула одна мысль. Помёт у них совершенно белый. Белый, как молоко. Может, им нужна молочная пища? Конечно, пресное молоко не годится, слишком жидко, а простокваша? Должно быть, в самый раз! Надо попробовать. Нет, определённо эта пища им в самый раз. Иначе помёт не был бы таким белым, и как это никто ещё не догадался?

Тайком от тёти я взял в кухне горшочек, в котором обычно сквашивают молоко, и отправился на базар. Там за две копейки мне наполнили горшочек доверху. Дома я разлил простоквашу в чашки и поставил их каждой птице. Они бросили на пищу равнодушный взгляд и тут же отвернулись. Ещё бы, породистые птицы, гордые, не какая-нибудь мелюзга! Хоть и голодны, а при людях до пищи не дотронутся. Будь это курица, она бы тут же показала бы свой низкий характер, сразу бы накинулась на еду. А эти – нет.

Я вышел из птичника. Часа два спустя я зашел туда снова. Гордые птицы все ещё сидели, отвернувшись от пищи и не слезая с насеста. Я разозлился. Душа-то с воробья, а тоже – важничают, подумаешь, хищники! Я ведь проявил к ним полное уважение, даже вышел, думая, что они любят обедать без посторонних. А они – на́ тебе! Не притронулись!

? Как вы думаете, чем нужно было кормить птиц?

На резном колу в птичнике висели рукавицы дяди: он надевал их, сажая птиц на насест. Я надел рукавицы, взял пустельгу и, зажав её меж колен, стал кормить простоквашей из серебряной ложки. Когда я решил, что пустельга наелась досыта, я посадил её обратно на насест и взялся за ястреба. Ястреб тоже прилично поел.

– Теперь порядок, – сказал я им, уходя. – Когда человек сидит неподвижно на одном месте, он знаете, как утомляется? А когда наешься как следует, тогда хватит сил, чтобы посидеть спокойно. Теперь сидите себе: сыты – и горя нету.

Так, потихоньку от тётки, я кормил их дня два. Пустельга мне особенно нравилась, и я скармливал ей густой верхний слой простокваши. Забот у меня теперь стало многовато, я почти не выходил на улицу. Тётя молча радовалась, глядя на меня, но я делал вид, что не замечаю, как она вся сияет доброй улыбкой.

– Молодцы! – сказал я. – Не всё же сидеть на насесте! Тоже надоедает.

На завтрак птицы опять ели простоквашу. В полдень я решил дать им сюзьмы, они ведь сидели всё время на постном и соскучились по жирной пище. Но когда вечером я снова вошёл в птичник, то не поверил своим глазам! Пустельга лежала мёртвая, подвернув под себя крыло и вытянув ноги. Ястреб лежал в такой же позе, он ещё дышал, но ясно было, что долго не протянет… Меня охватил ужас: что я теперь скажу дяде? Он же так любил этих птиц! И чего им понадобилось подыхать? Неужели из-за простокваши?

Подумаешь, я тоже люблю мясо. А сколько дней я сидел на одном молоке, да и того – не вдоволь? Надо же, какая беда! Что же я всё-таки скажу дяде?.. И тут я понял, что мне сказать ему нечего. Жизнь моя в этом городе кончена. Теперь всё пропало. Надо уходить, пока не поздно. Уходить куда глаза глядят. Как мóлодцы в старых сказках, которые рассказывала мама, когда я был маленький. Пожалуй, не такое уж плохое это было время. И я снова почувствовал себя таким одиноким и несчастным, что мне захотелось плакать. Но делать этого было нельзя, тётка могла заметить.

Для того чтобы посмотреть фильм «Шумбола» по повести Гафура Гуляма «Озорник», отсканируйте этот QR-код при помощи камеры телефона. Сравните отрывки текста с эпизодами из фильма. Есть ли различия?

Задания:

1. Как вы понимаете словосочетание «оптимистическое произведение»? Можно ли считать повесть «Озорник» Гафура Гуляма оптимистичной? Почему?

2. Каким вам запомнился главный герой? В чем сила Озорника?

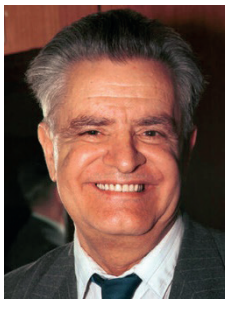
3. Кластер. Разбейтесь на группы. Каждая группа составляет свой кластер. Напишите в середине листа ключевое слово, которое отражает идею рассказа, а вокруг него слова-«спутники» и предложения из текста, которые подтверждают эту идею. Сравните результаты всех групп и обсудите их. Будьте вежливы, уважайте чужую точку зрения.

Из тех денег, что дядя дал на корм, оставалось ещё пять копеек. Я спрятал их в пояс и пошёл к воротам. В крытом проходе висела клетка с горлинками, которых я очень любил. Я посмотрел на них с сожалением, подумал немного и вдруг решился: тихонько снял клетку с крючка, поставил её на голову и вышел. Улица была почти пуста. Я пошёл быстрым шагом, чтоб отойти поскорее от дома. Мне представилась тётя: когда я уходил, она готовила шавлю для кошек. Что она будет делать, когда меня хватится? Уж наверно, заплачет. Чтоб отогнать эти мысли, я в виде напутствия хлопнул себя свободной рукой по заду и – деньги в поясе, полы подоткнуты, клетка с горлинками на голове – пошёл, пошёл, как герой сказки, держа путь далеко… за пределы города.

Я по дальней дороге, рыдая, пойду,
Ты останешься, плача, в печальном саду.
Мы две горлинки малых, два слабых птенца,
И разлука меж нами – как путь без конца.
Ах, печаль моя, пыль да полуденный жар, –
Каково мне, расскажет дорожный комар.
Я же – песню сложу про тоску да жару,
Каково на дороге тому комару.
Ах, спроси не меня, расспроси мудреца,
Каково нам, скитальцам, в пути без конца…

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

Годы жизни	1929–2016
Род деятельности	сатирик, сказочник, эссеист, журналист
Направление	реализм
Уникальность	показывает в своём творчестве, как юмор отражает традиции.
Визитная карточка	«Тринадцатый подвиг Геракла» (сборник, 1966) «Созвездие Козлотура» (повесть, 1966) «Кролики и удавы» (роман, 1982) «Снег в сентябре» (сценарий фильма, 1984)



Свою писательскую деятельность Фазиль Искандер начал, как и многие писатели, через публикацию своих работ в журналах «Юность» и «Литературная Абхазия». Несмотря на то, что первая книга писателя – «Горные тропы» – была стихотворным сборником, в истории литературы Фазиль Искандер остался замечательным прозаиком и непревзойдённым сатириком.

Проза писателя многогранна и разнообразна. Через комичную ситуацию он мастерски поднимает серьёзные темы о противоречиях в судьбах людей, отношении власти. Отдельно в его творчестве раскрывается тема ребёнка, его мир, богатый чувствами, и сложность взросления. В произведениях «Тринадцатый подвиг Геракла», «Детство Чика», «Время счастливых находок», обращаясь к ребёнку, Фазиль Искандер говорит с ним на равных, показывая, что чувства и переживания ребёнка так же важны, как и у взрослого человека. Поэтому проза Фазиля Искандера интересна, а главное полезна, не только детям, но и родителям.

ЧИК И ПУШКИН

(отрывок)

В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и читала «Капитанскую дочку». Даже пылинки в солнечном луче, падающем на стол учительницы, казалось, стали медленнее кружиться, всё пристраиваясь и пристраиваясь к спокойному и милому порядку книги. Александра Ивановна её читала уже много дней, и каждый раз в классе устанавливалась волшебная тишина.

Чик ужасно любил эти минуты. Конечно, и книга была мировая, и Александра Ивановна здорово читала. Но тут было ещё что-то другое. Чик это чувствовал. В голосе Александры Ивановны журчат уют, слаженность всей жизни, где всем, всем людям будет хорошо. Сначала в классе, как сейчас, а потом и во всём мире. И хотя книга была как бы не об этом, но через голос учительницы получалось, что и это в ней есть.

Он чувствовал, что всем классом слушать Александру Ивановну, читающую эту книгу, гораздо слаще, чем одному. Оказывается, когда многие рядом с тобой наслаждаются книгой, гораздо слаще делается и тебе самому. И Чик любил сейчас всех ребят класса за то, что они так послушно наслаждаются. Ну, Александру Ивановну он и всегда любил больше всех остальных учителей.

Он любил её старое, морщинистое лицо в пенсне, её высокую, лёгкую фигуру в аккуратном сером пиджаке и этот ровный голос, старающийся не выдавать того, что она сама чувствует при чтении, чтобы не было взрослой подсказки, где смеяться, а где горевать. Чик и за это ей был благодарен. Чик вспомнил своё далекое, в первом классе, знакомство с Александрой Ивановной. Какой он был тогда глупый! Он пришёл в первый класс с опозданием. Его не хотели принимать, потому что он недотягивал по возрасту. А потом приняли.

И он, не зная школьных правил, в первое время то и дело попадал впросак. Так, он долго не мог понять, что в классе нельзя громко разговаривать. Почему? Разве кто-нибудь спит или больной? Школа предлагала ему во время урока как бы заснуть для жизни, чтобы проснуться для учёбы. А Чик, громко разговаривая, как бы отстаивал прекрасную возможность одновременно жить для жизни и жить для учёбы. И снова начинал громко разговаривать с соседями.

Наконец Александре Ивановне надоела непонятливость Чика, и она ему предложила выйти из класса, тем более что он уже тогда был громкоголосым. И Чик стал собирать портфель, чтобы выйти вместе со своими вещами, а класс вдруг стал хохотать над ним. И Чика больно пронзил этот гогот класса. Он растерялся и посмотрел на Александру Ивановну, не понимая, почему над ним смеются. И вдруг увидел, что она тоже смеётся над ним, но смеётся, любя его. Чик вгляделся в неё: да-да, смеётся любя! И у Чика сра-

Пенсне – очки без заушных дужек, держащиеся на носу посредством зажимающей переносицу пружины.

Попасть впроса́к – по своей оплошности или неосведомлённости очутиться в невыгодном, неприятном положении; сделать про́мах.

зу отлегло! Если бы школьники своим смехом хотели унизить его, она бы не могла вместе с ними смеяться любя! Его любимый дядя Риза тоже часто так смеялся над ним. И Чик точно знал: смеяться любя – это ещё больше любить.

Александра Ивановна, продолжая смеяться, показывала рукой, что портфель можно оставить в парте, а самому выйти из класса. Чик неохотно оставил портфель и вышел. Он всё-таки не мог понять, почему он должен оставить портфель. Видимо, сказывалась детская привычка, выходя из игры, забирать с собой свои игрушки. И все эти годы в школе над Чиком сияла любящая улыбчивость Александры Ивановны, и он привык к этому и думал, что это будет вечно. Чик не знал, что через год литературу и русский язык будет преподавать директор школы Акакий Македонович и тогда не только не будет любящей улыбчивости, но и кончится праздник литературы. Она поскучнеет, как и сам Акакий Македонович.

И Чику будет так странно и грустно видеть, как Александра Ивановна лёгкой и быстрой походкой проходит по школьному коридору, но теперь всегда, навсегда идёт не к ним в класс, а в другой, в другие. И это будет так странно, так грустно, как если вдруг мама, возвращаясь с базара, повернёт в другой двор и каждый раз будет поворачивать в другой двор и никогда не будет поворачивать к себе домой, к нам домой. Чик не знал, что это тоска по вечному. Детство верит, что всё будет вечно: и мама, и солнце, и мир, и любимая учительница. А тут вдруг вечность укоротилась на Александру Ивановну. Она как бы есть, и её как бы нет. И Чик, продолжая любить Александру Ивановну, старался не попадаться ей на глаза. Не то чтобы избегая, но старался не попадаться ей на глаза. Было как-то стыдновато. Получался какой-то обман природы. Только разогнался вечно любить Александру Ивановну, а тут вдруг вместо неё Акакий Македонович со своей вечнозелёной

шляпой. Чик, конечно, не сравнивал. Он это чувствовал.

Но сейчас до этого было далеко-далеко! Этого даже не было вообще. В классе струился и струился голос Александры Ивановны. И чем больше Чик слушал, тем сильнее ему нравился Савельич. Вот чудило! И как он предан своему барчуку, и как бесстрашно готов защищать его. Прямо как наседка цыплёнка!

Чика уже учили, что холопство – это плохо. И он с этим был согласен. Но хоть Савельич по должности был холоп и его преданность барину надо было презирать, Чик не только не чувствовал этого презрения – он просто обожал его.

Сам готов каждую минуту умереть за своего барчука, а сам ворчит, ворчит, ворчит. И то́ ему не так, и это ему не так. Как будто он барин. Он барин своей преданности. Вот таких преданных ворчунов Чик обожал больше всех на свете.

Преданных, которые никогда не поворачивают на тех, кому они преданы, Чик не любил. Они такие скучные! Ходят с таким надутым выражением: мол, преданными быть очень трудно. Смотрите, смотрите, какие мы преданные! Думаете, легко быть преданными? Очень трудно быть преданными! Но вот мы преданные и не ворчим.

Чик даже не очень верил в такую преданность. Да ты лучше поворчи, как Савельич, тогда и видно будет, насколько ты предан. Нет, не ворчат! Ну и катитесь со своей скучной преданностью!

Каждый раз, когда по ходу чтения должен был появиться Савельич, Чик переглядывался с одним учеником. Звали его Сева. Они, переглядываясь, понимающе улыбались друг другу: сейчас, сейчас Савельич учудит что-нибудь смешное. Чик всегда переглядывался с Севой. Когда в классе надвигалось что-нибудь смешное, а другие ученики ещё не понимали, что смешное надвигается, они уже переглядывались и кивали друг другу. Было приятно чувствовать, что они уже знают о приближении смешного, а класс ещё ничего не подозревает. Скрипит себе перьями или шушукается.

Этот Сева был удивительный пацан. Он смешное замечал даже лучше Чика. Он не был шумным шалуном, но не был и тихоней. Он был спокойным,

? Как вы считаете, какие эмоции испытывал Чик, когда узнал, что у его класса теперь будет новый учитель?

вот что удивительно. Учился хорошо, но и не лез в отличники. Одевался довольно бедно, но всегда чистый и аккуратный. Сидит себе такой глазастик с круглой светло-курчавой головой и только посматривает внимательно по сторонам, где бы высмотреть что-нибудь смешное. Даже на контрольной он находил время заметить и обратить внимание Чика на мальчика, который так увлёкся шпаргалкой, что прямо сунул голову в парту, забыв, что учитель его вот-вот накроет.

В прошлом году к ним в класс пришёл новичок, который каждый день перед большой переменой на уроке потихоньку съедал свой завтрак, принесённый из дому. Жадный, боялся, что попросит кто-нибудь на переменке.

Сева первый это приметил, хотя ученик сидел далеко от него и ел исключительно осторожно. И с тех пор Сева и Чик не пропускали ни одного дня, чтобы не полюбоваться глупой жадностью этого мальчика. И мальчик давно заметил, что Сева и Чик следят за его тайными завтраками, и всем своим видом показывал, что неприятно удивлён их вниманием. Незадолго до большой перемены Сева и Чик начинали глядеть на этого мальчика, как бы поощряя его: давай начинай! Мальчик обидчиво надувался, как бы говоря: захочу – начну, захочу – нет! Но всё равно начинал. Особенно смешно было, что он после каникул думал, что Сева и Чик за лето подзабыли о нём. Но не тут-то было! Только он полез одной рукой в парту, чтобы подготовить бутерброд для укуса под партой, как был пойман взглядами Севы и Чика: никуда не уйдёшь, начинай!

Сева сразу заметил, что математик проявляет смешную странность. Если он приходил на урок не в духе, всегда первым вызывал к доске одного и того же мальчика. Самого тихого ученика, единственного очкарика во всём классе. Бывало, входит математик туча тучей, садится за стол, открывает журнал. А Сева уже переглядывается с Чиком и кивает на того мальчика. А тот ничего не подозревает, скромно сидит себе за своей партой.

– Анциферов, к доске!

Анциферов вздрагивает, поправляет очки и идёт к доске.

Однажды на переменке Сева подозвал Чика своей улыбкой. Чик охотно подошёл.

– Видел вчера нашего математика. Он с женой шёл с базара, – сказал Сева, глядя с улыбкой на Чика и предлагая начать веселиться.

Чик решил, что веселиться рановато.

– Ну и что? – пожал он плечами. – Многие мужчины сейчас ходят с женщиной на базар. Это до революции они стыдились ходить на базар с женщиной.

– Я за ними пристроился, – сказал Сева, продолжая лучезарно улыбаться, – они всю дорогу ругались.

Чик и тут не нашёл большого повода для веселья.

– Ну и что? – настаивал Чик на более веских доказательствах. – Многие мужчины ругаются со своей женой. Я слышал.

– Она была в очках, – добавил Сева и расплылся.

– Ну и что? – упорствовал Чик, требуя более чёткого определения

Не в духе – в плохом настроении. Имеется в виду, что человек раздражён, сердит, недоволен и т. п.

Упорствовать – настаивать на чём-либо, проявлять упорство.

повода для веселья, хотя смутно что-то почувствовал. – Многие женщины ходят в очках. Ничего особенного.

Сева, продолжая лучезарно улыбаться, таинственно кивнул на Анциферова. Чик глянул на Анциферова, и вдруг, как молнией, его пробило: тут очки и там очки! Он злится на жену и, приходя в класс, рокочет, как гром:

«Анциферов, к доске!»

Далеко же Сева видел смешное! Ох как далеко!

В другой раз на уроке истории учитель рассказывал об одном древнегреческом полководце. Чик случайно взглянул на Севу. Он сидел в другом ряду впереди Чика. Оказывается, Сева уже вовсю улыбается и кивает на учителя. Оказывается, он уже давно видит смешное. Но это был очень хороший учитель, и полководец, о котором он рассказывал, был грозный полководец. Чик приглядывается к учителю, прислушивается к его словам: ничего смешного! Чик снова прислушивается. Нет, все в порядке, и учитель здорово говорит, и полководец шутить не любит. А Сева все кивает! Скоро урок кончится, а Чик ничего не поймёт! И вдруг его осенило! Очень уж горячо учитель истории рассказывал о греческом полководце! А сам по национальности грек! Своих нахваливает, своих! – вот что означали улыбки и кивки Севы.

И в самом деле, Чик вспомнил, о полководцах других древних народов он так горячо не говорил. Ну, там Дарий, Цезарь, Ганнибал. Было от чего погорячиться, но там он что-то не слишком горячился. Они тогда тихо и хорошо повеселились на уроке. Всё, что ни говорил учитель, становилось смешным. Потому что он был грек и, рассказывая о древнегреческом полководце, горячился. А ребята только косились на Чика, не понимая, почему он трясётся от тихого смеха. Они, конечно, знали, что учитель грек, но им и в голову не приходило, что он болеет за древнегреческого полководца. Очень уж далеко это было!

Сева жил на горе недалеко от того места, где обитали рыжие волчата. Однажды Чик пришёл к нему домой, и они вместе вышли на склон рвать молочай для свиньи.

Севин отец держал свинью. Они набрали целый мешок молочая, и, пока рвали его, Сева успел рассказать Чику про свою свинью столько забавного, что Чик от смеха чуть не скатился с горы. Эта свинья очень дружила с собакой Севы. Если его собака сцеплялась с каким-нибудь бродячим псом, свинья бежала на помощь. Где

бы она ни была, она по голосу узнавала, что её друг в беде, и бежала на выручку, ещё издалека воинственным визгом пугая чужую собаку.

Это была исключительно храбрая свинья и так предана Севиной собаке, как будто она сама её родила. Иногда, завидев бродячую собаку, она первая шла на неё и оглядывалась на своего дружка, стараясь увлечь его на боевые действия. Иногда Севиной собаке неохота было драться. Но неудобно – свинья уже в атаке. Приходится бежать за ней. Она так любила Севину собаку! Иногда, когда собака лежала во дворе, свинья приходила и укладывалась рядом с ней, норовя положить голову на спину собаке. А Севиной собаке неловко встать и уйти, потому что она знает, как свинья её любит и как она предана ей. И вот свинья похрюкивает, положив голову на спину собаке, а собака молчит, терпит, только старается дышать в сторону, чтобы воняло поменьше. Иногда даже перпендикулярно к небу вытягивала голову, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но не уходила, не могла обидеть преданную свинью.

Да, Сева – это Сева! Вот так Чик сидел в классе, наслаждаясь чтением Александры Ивановны и каждый раз переглядываясь с Севой, когда появлялся Савельич.

Вдруг в классе раскрылась дверь и вошёл неизвестный мужчина. Ребята, грохнув крышками парт, вскочили. Мужчина, красиво склонившись в сторону Александры Ивановны, спросил: – Можно? – Пожалуйста, – сказала Александра Ивановна с улыбкой и уступила ему своё место.

Чик заметил, что девочки ожили и зашушукали: «Отелло! Отелло!» Мужчина движением руки посадил ребят и сам сел, скрипнув стулом. Александра Ивановна села напротив него на первую парту.

– Ребята, – сказал мужчина, – я артист местного драматического театра. Зовут меня Евгений Дмитриевич Левкоев. Я сейчас веду драмкружок в вашей школе. Я ищу талантливых, сценически одарённых школьников. Есть они у вас?

Некоторые девочки смущённо подхихикнули. Ребята молчали. Чик впервые видел артиста в такой близости. Он ещё совсем маленьким один раз был в городском театре. И ему там больше всего понравилась изображённая при помощи световых эффектов быстро мчащаяся машина. Было очень похоже.

Артист был в голубом костюме и в голубом галстуке, и глаза у него были голубые. Он был немолодым крупным человеком с длинной жилистой шеей, чем-то похожий на отяжелевшего, одышливого орла. Чик видел таких голошеих орлов в приезжем зверинце. Они неподвижно стояли на камнях, приоткрыв клювы и тяжело

Отсканируйте QR-код, ознакомьтесь более подробно с подробностями жизни Фазиля Искандера, и пройдите тест по биографии и творчеству писателя.

дыша. Чик жалел их. Было ясно, что они привыкли к высоте и им трудно тут в потном летнем городе.

Чика удивило выражение лица артиста. Оно у него было брюзгливое. Чик никак не мог понять, почему у него такое выражение на лице...

– Ну что? – клекотнул Евгений Дмитриевич, задирая голову и оглядывая класс, как если бы ученики сидели не в этом маленьком помещении, а в общей зале человек на двести. Чик и Сева откровенно переглянулись.

Некоторые девочки уже начали подталкивать друг друга, яростно перешёптываясь. Однако все молчали. – Кто у вас выразительно читает стихи и басни? – спросил Евгений Дмитриевич и посмотрел на Александру Ивановну, опять задирая голову выше, чем надо.

Александра Ивановна несколько заволновалась, смущённо улыбнулась, оглядывая класс, потом снова повернулась к Евгению Дмитриевичу и что-то ему сказала. Потом она опять повернулась лицом к классу, поймала глазами Чика и кивнула: – Чик, выходи!

Чик уже знал, что без него не обойдётся. Он был самым громкоголосым в классе и считался начитанным мальчиком. Смешно было бы думать, что дело обойдётся без него. Но Чик не хотел начинать первым. С такой карты не начинают! И он пытался это объяснить знаками, но Александра Ивановна его не поняла, она решила, что он смущается. – Иди, Чик, иди, – повторила она, окидывая его улыбкой.

Ребята начали посмеиваться, тем более что Евгений Дмитриевич, опять задрав голову, искал Чика совсем в другом конце класса.

Чик вышел, встал рядом со столом и прочёл свое любимое революционное стихотворение, где мать и сын сражаются на баррикаде (сын явно не старше Чика) и оба, пронзённые пулями, умирают, обнявшись.

Чику и раньше нравилось это стихотворение, потому-то он его и прочёл. Вообще-то стихи ему редко нравились. Но это стихотворение очень нравилось.

А тут как только он начал читать, какая-то сила вздёрнула его, трепанула, ударила в голову, и Чик загудел стихами, как мотор. Сила откуда-то бралась сама.

Чик только голосу подпускал. И он, читая, заново почувствовал неимоверную жалость к героической маме и героическому мальчику. – Да, – сказал Евгений Дмитриевич, когда Чик кончил читать, и, опять приподняв голову, оглядел Чика так, как если бы Чик был вдвое выше, – да, когда бы все так чувствовали поэзию...

Задания:

Представьте, что вам, как и герою этого рассказа, придётся проходить отборочный тур в драматический кружок. Какое произведение вы выберете, чтобы прочесть его вслух?

Расскажите о своём любимом учителе в начальной школе. Как вы думаете, какие черты характера ему помогли стать хорошим учителем?

В рассказе есть несколько эпизодов из жизни Чика, Севы, их одноклассников и учителей. К какому из них вы захотели бы нарисовать рисунок? Придумайте альтернативное продолжение понравившегося вам эпизода.

АДЫЛ ЯКУБОВ

Годы жизни	1926–2009
Род деятельности	узбекский писатель и драматург
Направление	реализм
Уникальность	активно разрабатывал историко-психологическую прозу в отечественной литературе
Визитная карточка	«Мукаддас» (рассказ, 1961) «Прощание» (рассказ, 1963) «Птица жива крыльями» (повесть, 1973) «Сокровища Улугбека» (роман, 1974) «Совесть» (роман, 1978) «Белые, белые лебеди» (роман, 1986)

Адыл Якубов – писатель многогранный. Широко известны его рассказы и очерки, публицистические статьи, пьесы, новеллы, повести и романы. Особенно ярко талант писателя проявился в жанрах повести и романа. Он продолжил традиции узбекских писателей-классиков Абдуллы Кадыри, Чулпана, Айбека, Гафура Гуляма, Абдуллы Каххара и по-новому развил их. Рассказы Адыла Якубова «Видо» («Прощание») и «Музкаймок» («Мороженое») являют собой прекрасные примеры узбекского искусства рассказа.

Рассказ «Музкаймок» – автобиографический. Писатель показал самый тяжёлый период своего детства, когда его отца несправедливо осудили как «врага народа». Трагедия семьи Жакиповых олицетворяет трагедию народа, пережившего годы сталинских репрессий. Мороженое в рассказе стало символом отнятого детства. Главному герою пришлось рано повзрослеть.

Рассказ помогает понять читателю, что в то страшное время пострадали не только взрослые, но и дети, которых унижали, дразнили, обзывали только потому, что их отцы, матери, братья оказались по ложному обвинению за решёткой.

МОРОЖЕНОЕ

(в сокращении)

В тот день, когда на нашу семью обрушилась беда, я сидел, как на коне, на глинобитной стене напротив нашего дома, и у меня, десятилетнего мальчика, было что-то тревожно на душе.

Тогда мы жили в одном из прекраснейших мест города Туркестана – на Лагерной улице – в неплохом, по тем временам, доме из двух комнат с террасой и большим двором. Кроме нас, в этом дворе с огромными двустворчатыми воротами проживало ещё несколько семей. Над воротами была балахана, где хранилось сухое сено, и мы, дети, по вечерам, играя в прятки, залезали туда и, прячась в сене, «сохраняли душу».

За несколько месяцев до постигшего нас несчастья, мой отец, собрав три-четыре мешка – почти все книги в доме – спрятал их на балахане под сеном, а на дверь повесил замок размером с лошадиную голову. Теперь в балахану доступа не было, только я, изредка тайком пробравшись через отверстие в крыше, листал книги из мешков, особенно любил разглядывать толстые со множеством картинок.

В тот злосчастный день, с затаённой непонятной тревогой в душе вспомнив о книгах, я вновь залез на крышу. Но, приблизившись к знакомому отверстию, увидел в начале улицы красивый фаэтон, запряжённый парой лошадей. Через мгновение фаэтон остановился напротив наших ворот. Из него вышли двое мужчин среднего возраста, одетые в модные, по тем временам, зелёные галифе и гимнастёрки, и женщина в красном платье с раскосыми глазами. Один из мужчин, заметив меня на крыше, спросил:

– Это дом Эгамберди Жакипова?

– Да, – сказал я.

Со двора послышался голос моей матери:

– Добро пожаловать, гости, заходите.

Я, соскользнув с балаханы, спрыгнул на землю. Мама была взволнована. Гости вошли.

– Беги к отцу на работу! – сказала мама почему-то шёпотом. – Скажи: приехали приятели, с которыми он учился в САГУ[3]. Скажи, чтобы быстрее приходил, они ждут! Да, кстати, по дороге зайди в школу и позови сестру с зятем – пусть приходят быстрее! Надо помочь накрывать на стол!

Я, услышав слово «гости», почувствовал облегчение и со всех ног бросился выполнять поручение. Хотя школа, где учительствуют моя старшая сестра и зять, находится дальше, чем учреждение отца, я сначала сбегал туда, передав слова мамы, и, со всех ног, босой, взъерошенный, оставляя за собой клубы пыли, помчался к отцу.

Отец мой сначала работал народным комиссаром национальных меньшинств (в основном узбеков) при Совете Народных комиссаров Казахстана. После окончания университета стал первым секретарём Сайрамского района ныне Чимкентской области, затем первым заместителем начальника Политического управления железных дорог Казахстана. Но впоследствии, обвинённый в том, что он якобы скрыл, что отец был суфием, был смещён, понижен в должности и,

[3] ***САГУ*** – Среднеазиатский Государственный университет (позднее Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

в конце концов, назначен заведующим финансовым отделом Туркестанского района.

Учреждение отца находилось с торца огромного здания, некогда построенного купцом, в настоящее время там располагался комитет партии. Когда я подходил, отец уже выходил из управления. Увидев меня издалека, он остановился около ворот. Отец мой был рослым, статным, солидным человеком, у него был красивый римский нос и модные по тем временам усики. Во что он был одет, сейчас не припомню, но, если не ошибаюсь, на нём был пиджак защитного цвета с нагрудными карманами и галифе, как у Сталина, а на ногах модные хромовые сапоги со скрипом.

Отец показался мне тогда утомлённым, глаза его были красными то ли от бессонницы, то ли от чего-то ещё. Он выслушал меня, запыхавшегося от бега, слегка повеселел и, погладив меня по голове, сказал:

– Идём, сынок! Дай-ка я куплю тебе мороженого!

Как я уже говорил, отец был жёстким, властным и немногословным человеком. Он никогда прежде не гладил меня по голове. Никогда не забуду то время, когда отец, в силу обрушившихся на него неприятностей, был вынужден поменять несколько мест работы и, в конце концов, вернувшись в родной кишлак, впал в глубокое отчаяние. Однажды мама дала мне двух- или трёхлитровый графин (редкая вещь, приобретённая в период работы отца на высокой должности) и сказала:

– Сходи в магазин, принеси кумыса, папа попросил!

В магазине кумыса не оказалось. Я возвращался домой, беззаботно играя графином. Мой путь пролегал через скотный рынок, обнесённый железными и деревянными кольями. Вдруг графин стукнулся о железный колышек и от него откололся кусочек размером в копейку. Сердце моё оборвалось. Домой возвращаться было страшно, и я долгое время бродил по берегу речушки у нашего сада. Наконец, замирая от страха, я направился домой.

Суфий – служитель мечети, призывающий к молитве.

Завидев меня, мама закричала:

– Где ты шляешься, повеса? Несчастный твой отец весь извёлся, ожидая тебя!

Заметив скол на графине, схватила меня за руку и потащила в дом. Отец полулежал на почётном месте большого квадратного зала и листал книгу…

– В магазине нет кумыса, к тому же ваш сын разбил графин…– сказав это, мама поставила графин на столик перед отцом.

Отец быстро выпрямился и, схватив со столика графин, швырнул его в меня. С силой брошенный графин пролетел мимо моего уха (наверное, я успел увернуться!) и, ударившись о стену, с грохотом разлетелся на мелкие куски.

Я бросился наутёк и, убегая, услышал крик матери:

– Будь проклят этот кумыс! Отец, из-за кумыса вы хотите ребёнка убить?

?

Какие ассоциации у вас возникают при слове «мороженое»?
Знаете ли вы свою родословную? Почему так важно помнить своих предков?
Как описывает мальчик своего отца?
Как мальчик описывает внешность капитана? Как капитан себя повёл?

Мама говорила, что отец потом очень сожалел о своем поступке.

На другой стороне улицы был городской парк, у входа на площадке располагались маленькие магазинчики, где продавали разную газировку, фруктовые соки и мороженое. Пришли, а магазины закрыты. Отец искренне огорчился:

– Первый раз в жизни, сынок, решил тебе купить мороженого, и то не довелось, – с сожалением сказал он.

Отец вошёл в дом и сразу же вышел, повеселевший и довольный.

– Приехали мои старые друзья, с которыми я учился в САГУ. Гульшан, есть ли у нас хорошее мясо? – спросил отец, глядя на маму. – Сегодня ты всё, что у нас есть, на стол выставь!

У покойной нашей матери был немного властный характер.

– Вы не суетитесь около очага, а идите в дом, побудьте с гостями! – сказала она, перебивая его.

На мамину несколько искусственную грубость отец лишь усмехнулся и вошёл в дом.

Во дворе рядом с очагом рос карагач, под ним был глубокий колодец, в котором мы хранили мясо в жаркие летние и холодные осенние дни. Мама попросила меня достать его из колодца. Я начал крутить ручку, тянуть к себе крюк с мясом и, вдруг увидел входящих с улицы двух военных. Сердце моё отчего-то ушло в пятки. Они бросили взгляд на мать и сестру, которые суетились у очага, и, топая, поднялись на террасу и вошли в дом. Увидев военных, мама с сестрой на секунду окаменели, а, опомнившись, с криком бросились в дом. Машинально отпустив ручку колодца, я тоже последовал за ними.

В те времена я не знал, что происходит не только в нашей стране, но даже в нашем городе, и, конечно, не догадывался об истинной причине беспокойства и воплей мамы и сестры. Но если не разумом, то сердцем вдруг почувствовал опасность. Потом я узнал, что тогда творилось в Туркестане: каждый день, каждую минуту арестовывали людей. Мама и сестра знали об этом, поэтому и подняли крик, увидев военных.

Войдя в дом, я услышал, как один из военных – красивый, рослый, русоволосый с чёлкой до бровей русский капитан – со скрипом прошёл к двери и, закрыв ее на засов, категорично сказал:

– Пока не закончится обыск, никто не выйдет и не войдёт в дом!

В доме началась суматоха: старшая сестра с плачем повисла на шее окаменевшего отца, мама молча дрожала, прислонившись к его плечу, младшая сестрёнка и братишки, сбившись в углу, как цыплята, испугавшиеся коршуна, вытаращив глаза, льнули друг к другу.

Одна из двух створок средней двери была открыта, посередине комнаты стояли растерянные бледные гости, однокурсники отца по САГУ. А второй военный просматривал книги и альбомы из большого красного шкафа, который стоял в другой комнате.

Военный, (если я не ошибаюсь, это был капитан) глядя то на отца, то на эти фотографии в альбомах, сказал усмехнувшись:

– Видно, уж больно идейный!

А красивый русоволосый капитан, открывая в соседней комнате сундуки, узлы, ящички, вываливая вещи, продолжал что-то искать в этом тряпье. Когда пришла очередь следующего шкафа, военный не смог открыть нижний выдвижной ящик. В доме не было шкафа или сундука, который бы я не смог открыть. Увидев, как

мучится капитан, я взял гвоздь и, подбежав, быстро открыл ящичек.

– Молодец! – сказал он, погладив меня по голове. – В будущем из тебя выйдет достойный человек!

От этой неожиданной похвалы капитана у меня защемило сердце. Впоследствии, уже повзрослев, я ненавидел себя за то, что тогда хоть и на секунду, несмотря на вопли и стенания в доме, обрадовался похвале палачей, которые пришли арестовать моего отца. Но в те минуты, к сожалению, я испытал гордость от слов капитана, и это ужасная правда!

Послышался голос отца:

– Воды! Дайте пиалу колодезной воды, душа горит!

В доме воды не было. Сестра, перестав плакать, сказала всхлипывая:

– Товарищ капитан! Разрешите моему братишке принести воды из колодца!

Капитан, подняв голову от ящиков шкафа, сказал:

– Если перестанешь причитать, разрешу! – и засмеялся. – Такая красивая девушка и такая плакса!

Мне не понравился неискренний комплимент капитана. Но что я мог сделать? Взяв ведро, я бросился из дома. Свет во дворе был выключен, чуть поодаль от террасы между колодцем и очагом кто-то неподвижно стоял.

Когда я вошёл с водой, отец, сидя на стуле, пытался успокоить склонившихся у его ног все ещё громко плачущих маму и старшую сестру.

Прежде смуглый отец вмиг почернел, как сгоревшая арча. Мама подала с полки касу. Отец одним глотком осушил её и, тяжело дыша, сказал:

– Всё, не плачь, дочка, не плачь, Гульшан! Я совершенно не виновен перед правительством, Гульшан! Товарищ Сталин ещё жив, он разберётся в этой клевете и спасёт меня!

Не знаю, как долго продолжался обыск. Но помню точно, как отец, пока не осушил полведра воды, всё повторял снова и снова, жадно глотая колодезную воду: «Товарищ Сталин не позволит унизить своего преданного сына».

Впоследствии, когда я рассказывал об этом, многие не верили:

– Да бросьте, разве может человек выпить полведра воды? – но я десяти-одиннадцатилетний мальчик видел это своими глазами, я слышал отца собственными ушами! Человек, у которого горит душа, сможет выпить не только полведра, но и целое ведро!

Наконец обыск закончился. Отцу приказали одеться. Рыдания мамы и сестры стали нестерпимыми, наш дом дрожал от горьких и отчаянных воплей. Мама накинула на плечи отца пальто. Она собрала снедь со стола, накрытого для бедных гостей – однокурсников по САГУ – подала отцу.

Почерневший, вмиг похудевший и сгорбившийся отец сначала поцеловал в лоб всё ещё рыдающих маму и сестру, затем держащих и сбившихся в кучу младших, а когда очередь дошла до меня, вдруг сказал с полными слёз глазами:

– Эх! Впервые в жизни решил купить тебе мороженого, да и то не удалось, сынок!..

? Почему человек может испытывать муки совести? Было ли у вас такое чувство?

Как вы понимаете выражение «горит душа»?

Я в течение всего обыска не проронил ни слезинки и возгордился от слов «в будущем будешь хорошим человеком», забыл всё: – и то, что отец меня никогда не баловал, и графин, брошенный в меня когда-то – я забыл всё и жалобно вскрикнув, обнял ноги отца.

* * *

…Прошло несколько месяцев. За это время наш дом пришёл в весьма жалкое состояние. Приближается зима, с каждым днём все ближе её жестокое холодное дыхание, а дома нет ни дров, ни угля!.. Мы, построив сандал, кое-как выживаем.

Раз в неделю, если не ошибаюсь, по субботам, принимают передачу для отца. Мама кое-что готовит из наших скудных запасов, и на рассвете мы с ней отправляемся в тюрьму.

Была суббота. Видимо, число арестованных значительно увеличилось, потому что у гауптвахты людей с передачками было гораздо больше. Очередь ожидающих была нескончаема. Может поэтому, а может по другой причине, как только я попросился, мама тотчас отпустила меня домой. Я озяб под непрерывно моросящим мелким дождём и направился в сторону дома, но неожиданно, услышав звуки барабана и карнаев-сурнаев, невольно остановился.

Звуки становились всё громче, видимо, как обычно, начинался большой митинг. Как дрессированная лошадь, я повернул в сторону звучащей барабанной дроби. Несмотря на дождь, со всех сторон шли шеренги детей.

У самых ворот я неожиданно столкнулся с нашим соседом – секретарём комитета молодёжи города. Он был не один, рядом шёл какой-то военный в кожаном пальто и низкорослый седоволосый человек с треугольной бородкой.

При виде секретаря внутри у меня что-то оборвалось, я постарался затеряться в толпе, но секретарь, одним прыжком преградив мне дорогу, схватил меня за руку и:

– А, волчье отродье. Одна поганая овца всё стадо портит! Нацепив на шею красный галстук, хочешь честных пионеров развратить, притворщик? – он больно сжал мне руку и стал тянуть к себе. Но тут вмешался низкорослый пожилой человек.

– Отпусти пацана. Товарищ Сталин сказал же, что сын за отца не в ответе. В чём вина этого малолетки!

Молодой секретарь хмуро поглядывал то на военного в кожаном пальто, то на пожилого и, отпустив меня, прикрикнул: «Прочь с моих глаз!»

Что было после этого – сейчас не помню. Освободившись из безжалостных как тиски рук секретаря, глотая слёзы, я бросился прочь от колонн счастливо шагающих ровесников в сторону большой улицы…

* * *

Даже спустя три-четыре месяца после ареста отца, мы так ни разу не смогли с ним увидеться. Весь город был встревожен, везде, даже в школах продолжался поиск врагов. Никак не могу забыть… В тот год мы праздновали 100-летие со дня смерти великого русского поэта Пушкина. Я не знаю, какие мероприятия намечались, какие книги выпускались, какие собрания, литературные вечера проводились, посвящённые этой печальной дате. Но к этому дню были выпущены тетради для учеников. Миллионы и миллионы тетрадей, на обложках которых была помещена фотография кудрявого поэта, а на последней странице обложки были иллюстрации из его сказок. Сначала всё было спокойно. Потом по городу и по нашей

школе, в частности, поползли разные слухи. Будто эти тетради, выпущенные к пушкинской дате, вернее, на обложках тетрадей есть контрреволюционные высказывания. Будто, если внимательно приглядеться к волосам Пушкина на обложке, а особенно к рисункам из сказок поэта, то можно разобрать хитро спрятанные контрреволюционные призывы!

В нашем 3 «А» классе преподавала пожилая, беззубая, но очень мягкая и добрая русская старушка. Целый месяц она – сейчас не помню её имя-отчество – болела, и вместо неё уроки вёл молодой юноша татарин. Этот паренёк сильно прихрамывал, был братом жены секретаря соседнего райкома, после ареста моего отца он стал поглядывать на меня недружелюбно. Но, ирония судьбы… через неделю после ареста моего отца, арестовали и объявили «врагом народа» зятя нашего молодого учителя. Он ещё больше помрачнел, стал ещё сильнее прихрамывать, но на меня теперь наш учитель смотрел сочувственно, а когда встречал меня в коридоре или во дворе, то поглаживал меня по голове, если рядом никого не было. В день, когда распространилась весть о том, что в «портрет Пушкина вписаны гнусные контрреволюционные высказывания», наш молодой учитель вошёл в класс чернее тучи. Он долго и пристально глядел на детей своими печальными глазами:

– Дети! – как-то уныло сказал он. – А ну-ка возьмите тетради, розданные вам вчера! Эти… я говорю о тетрадях с портретом Пушкина!.. Взяли? Может, слышали, что на них наши заклятые враги хитро зашифровали высказывания против СССР! Эти ужасные высказывания обнаружили некоторые ученики. Их фотографии завтра будут на Доске почёта! Неужели в нашем классе нет ни одного такого бдительного ученика? А ну-ка посмотрите хорошенько на портрет! Возможно вы, разглядев эти отвратительные вражьи слова, поможете разоблачить врагов.

Сказав это, молодой учитель с надеждой посмотрел на меня. Как бы то ни было, мне так показалось, и я, уставившись на портрет на обложке тетради, стал усердно искать хитро спрятанные буквы…

Нервы на пределе, мозг, как тлеющий уголёк. «Неужели я не найду этих гнусных слов, направленных против родной страны, не смогу разоблачить происки врагов? Нет, найду. И найду первым. Вторым быть бессмысленно!.. Подожди, что напоминает этот завиток на плече у писателя? Это же буква «С»!.. А завиток рядом? Тоже «С»! И рядом с ним тоже! А это точно «Р»! О, господи! Эти наглецы написали «СССР», и я до сих пор не мог этого заметить? А эта прядь завитка? вылитая же «Д»! А после неё завиток? Это – «О»! Рядом с «О» должно быть «Л»? Вот «Л»! А рядом с ней стоит два завитка, похожих на «ОЙ»! Вот эти слова: «ДОЛОЙ СССР!»

Задыхаясь от волнения, я вскрикнул:

– Нашёл, учитель, нашёл!

Мой учитель-инвалид, споткнувшись на ровном полу, прихрамывая, подошёл ко мне. Весь класс, повскакав с места, обступил меня.

Я дрожал так, словно нашёл сокровище и стал показывать буквы, выискивая их в кудрявых волосах великого поэта. Наконец, закончив показывать, я с гордостью посмотрел на ровесников.

В абсолютно мрачной тишине в классе внезапно прозвучали слова учителя:

– Маладес! Вот таких называют бдительные пионеры!

Все посмотрели на меня с завистью, я же чувствовал себя настоящим героем.

– А ну-ка соберите тетради! Через час вся школа должна быть на спортивной площадке, будем участвовать в сожжении этих скверных тетрадей!

Прихрамывая, наш учитель вышел из класса, но ни через час, ни через два он не вернулся. Затем пришла новость, что церемония сожжения тетрадей откладывается на другой день, и мы разошлись по домам.

Вечером, захлёбываясь от волнения, я рассказал маме о событиях дня. Вместо ожидаемой похвалы мама вдруг с полными слёз глазами сказала:

– Эх, дитя-я, дитя-я! Что с тобой, дитя моё!

– А что со мной? Почему вы так говорите, мама? – досадуя, спросил я.

– Ничего… не будь таким же жестокосердным как отец. Единственное, о чем молю Бога, дитя моё.

Я не совсем хорошо понял маму. Поутру я побежал в школу, вернее, к Доске почёта в школьном зале. И к великому моему сожалению, пробежав глазами несколько раз кряду список, обнаружил – нет ни моего имени, ни фотографии. Фотографии пионеров, разоблачивших злодейские происки врагов, висели, но моей фотографии не было.

Со времени этих событий прошло вот уже более полувека. Какие только преступления не раскрывались в годы культа личности. И какими бы ужасными ни были эти преступления, на мой взгляд, самое страшное из них – заставлять смотреть на всё с подозрением, везде искать злые происки таких, как я, маленьких детей, будто взрослых для этого мало.

* * *

Наконец, наступил день прощания с отцом. Проститься разрешили только троим: маме, старшей сестре и мне! Наверное, поэтому никто из родственников и близких – ни братья отца, ни близкие друзья – никто не пришёл.

Мама с сестрой всю ночь не спали, готовя для отца пшеничное, пшённое толокно и ещё что-то. К тому времени еле теплившаяся, как свеча, надежда на то, что отца освободят, потухла, маме было ясно, что отца увезут, видимо, далеко.

Утром с мешками и свёртками мы отправились в тюрьму. В этот раз долго ждать не пришлось. Военный с пистолетом на поясе, похожим на чайник, повёл нас по длинному, узкому и тёмному коридору. Когда мы дошли до середины, он, открыв дверь справа, пропустил нас вперёд. В маленькой прямоугольной комнате за столом сидел седой человек в гимнастёрке и что-то писал.

Отец мой сидел в углу на низенькой табуретке (я сначала не узнал его) и как только мы вошли, вскочил с места. От роду крепкий, упитанный, рослый человек за пару месяцев похудел и стал как спичка, щёки впали, глаза ввалились, нос стал отвислым и крючковатым.

Снова, как в день ареста, начались плач и причитания. Мама плакала, прикрывая лицо платком, вздрагивая, но сестра… повиснув на шее отца рыдала так, что тесная комната дрожала.

Впоследствии покойная моя мама часто говорила:

– Бессовестные, хотя бы полчаса дали. Мы даже наглядеться на отца не успели. Четверть часа, разрешённые нам, пролетели как миг…

В этот раз во время свидания отец ни разу не произнёс ни имени Стали-

на, ни слов, повторяемых в день ареста: «Я не виновен перед партией! Товарищ Сталин жив, меня не унизят!» Только несколько раз со слезами на глазах повторял:

– Прости меня, Гульшан! Ты одна остаёшься с пятью детьми на руках, как ты их прокормишь, ума не приложу! Теперь мы не сможем свидеться, прости меня!

Каждый раз, когда отец повторял это, человек, что-то увлечённо писавший, не поднимая головы от бумаг, говорил:

– Эй, Якубов. Что с тобой случилось? Ты что, маленький, Якубов!

Наконец, бросив взгляд на старинные часы, висевшие на стене напротив него, этот человек объявил:

– Свидание закончилось, Якубов. Теперь прощайтесь!

Причитания сестры достигли предела. Мама захватила с собой немного денег и дрожащими руками протянула их отцу, а отец стал упрашивать:

– Потрать на детей, Гульшан! – но мама не соглашалась, и ему всё-таки пришлось их взять.

Это было всего-навсего пятьдесят рублей, десять пятирублёвок. Отец, нехотя взяв деньги, одну пятирублёвку протянул мне. Мама хотела возвратить их отцу, но он не согласился и, положив ладонь мне на голову, сказал со слезами на глазах:

– Ты теперь дома самый старший мужчина, сынок. Помогай маме, присматривай за младшими, – и положил пять рублей мне в карман.

– Первый раз в жизни я хотел тебе купить мороженое, и не довелось. Купи на эти деньги книги, тетради. На оставшиеся купи себе мороженого, сынок!

Что-то надорвалось в моём сердце.

Ребёнок, считавший ниже своего достоинства плакать вместе с мамой и сестрой, как тогда, когда впервые уводили отца, забыл тогдашнюю похвалу сотрудника НКВД, забыл, что он бдительный пионер, раскрывший козни контрреволюционеров – всё забыл и с криком «Папочка!» обнял колени отца.

Перевод с узбекского С. Камиловой

Задания:

Прочитайте цитату:

«Мир, который украдёт у меня спустя годы детскую чистоту и светлую, пропитанную искренней верой наивность, сделает меня жёстче, суше, официальнее».

(Михаил Чижов, «В знакомых улицах», роман, 2018)

Как вы думаете, какое отношение имеет эта фраза к отрывку из рассказа «Мороженое», который вы только что прочитали?

Подумайте, что изменилось в жизни главного героя из-за ареста отца, и как это повлияло на его характер и отношение к жизни?

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Годы жизни	1922–1996
Род деятельности	писатель, сценарист
Направление	реализм
Уникальность	в своих книгах показал пример, как оставаться человеком в любой ситуации.
Визитная карточка	«Умка» (сценарий к мультфильму, 1969) «Где начинается небо» (сборник, 1982) «Семеро солдатиков» (сценарий, 1982)

Свой творческий путь Юрий Яковлев начал как поэт. Его дебютная книга стихов была тепло принята не только читателями, но и критиками. Однако, как и любой талантливый человек, писатель искал себя, расширял творческие способности, и совсем скоро попробовал себя в прозе. Так в 1960 году появляется небольшая повесть «Станция „Мальчики”», после которой Юрий Яковлев становится прозаиком.

Уже в ранних произведениях проявляется и стиль писателя: для него важно показать, насколько наша жизнь удивительна в своей повседневности. При этом писатель правдиво показывает, что порой жизнь состоит из трудных решений и несправедливых ситуаций. Но главное, чему хочет научить нас Юрий Яковлев, – верить в победу, стараться всегда поступать хорошо, оставаться честным мальчиком или девочкой. Так и застенчивый мальчик Вася, который героически спас малыша, решил остаться в тени, потому что геройство должно быть в поступках, а не на словах.

В разных произведениях Юрий Яковлев пытается показать читателю, что жизнь вокруг удивительна. В ней много трудного, а порой и несправедливого. И не все люди хороши, и не всегда везёт. Но если в груди бьётся горячее сердце, оно, как компас, приведёт к победе над несправедливостью, оно подскажет, как надо поступать, поможет отыскать в жизни хороших людей.

Также автор учит, что совершать благородные поступки очень трудно, но каждый такой поступок возвышает тебя в твоих же глазах, и в конечном счёте именно из таких поступков складывается новая жизнь.

В рассказе «Рыцарь Вася» автор призывает быть более чутким к своим родным, друзьям, а ошибки совершают все – вопрос только в том, какие уроки мы из них извлекаем.

РЫЦАРЬ ВАСЯ

(в сокращении)

Приятели называли его тюфяком. За его медлительность, неповоротливость и неловкость. Если в классе писали контрольную работу, то ему всегда не хватало времени – он раскачивался только к концу урока. Если он пил чай, то на столе вокруг его блюдца образовывалась большая чайная лужа. Он ходил вразвалку и обязательно задевал за край стола или сбивал стул. И новые ботинки за неделю стаптывал так, словно вместе с Суворовым совершал в них переход через Альпы. Вид у него был сонный, будто он только что проснулся или собирался уснуть. У него всё валилось из рук, всё не ладилось. Одним словом, тюфяк. Куртка в обтяжку, штаны плотно облегали ноги. На толстом лице выделялись три бугорка: два – над глазами, у начала бровей, а третий – между носом и верхней губой. Когда он напрягался или приходил с мороза, эти бугорки краснели в первую очередь. Все считали, что причина его полноты – обжорство: с чего ещё он такой толстый? Но на самом деле ел он мало. Не любил есть. Терпеть не мог это занятие.

То, что он тюфяк, было написано у него на лице, угадывалось в его медленных, вялых движениях, звучало в глуховатом голосе. Никто не догадывался, что скрывается под этой некрасивой толстой оболочкой. А в его груди билось благородное сердце рыцаря. В заветных мечтах он видел себя закованным в блестящие стальные доспехи, в шлеме с опущенным забралом, на белом коне с раздувающимися ноздрями. В таком виде он мчался по свету и совершал множество подвигов, защищая слабых и обиженных. Он был безымянным рыцарем. Потому что у рыцарей обычно были звучные иностранные имена – Ричард, или Родриго, или Айвенго. Его же звали просто Вася, и это имя не подходило для рыцаря. В мечтах из толстого и косолапого он превращался в стройного и гибкого, а в движениях появлялись ловкость и сноровка. Все его недостатки мгновенно пропадали под блистательными доспехами. Но стоило ему подойти к зеркалу, как всё возвращалось на место. И перед ним вместо прекрасного рыцаря снова возникал мешковатый мальчик с круглым толстым лицом, на котором краснели три бугорка. В эти минуты он ненавидел себя за неподходящую для рыцаря внешность. Кроме насмешливого зеркала, к действительности его возвращала мама. Услышав из кухни его шаги, от которых жалобно звенели стаканы, мама кричала:

– Осторожно! Слон в фарфоровой лавке!

Разве так обращаются с благородным рыцарем? Он пробовал было поделиться мечтами с приятелем, но не встретил у него поддержки. Услышав о доспехах, приятель покривился и сказал:

– На такого толстого никакие доспехи не налезут. – Друг и не подозревал, что ранил Васю в самое сердце.

В свободное время он бегал в музей. Здесь в просторных залах висели большие картины в тяжёлых золотых

? Прав ли приятель Васи, что не поддержал своего друга?
Как бы вы поступили в этой ситуации?

рамах, а по углам стояли статуи из пожелтевшего мрамора. Он хладнокровно проходил мимо полотен великих мастеров, словно это были примелькавшиеся плакаты, и направлялся к заветному залу. В этом зале не было никаких картин. Здесь на стенах висели мечи и копья, а на полу стояли рыцари, закованные в латы. Тайком от дежурной старушки он трогал холодную сталь доспехов и пробовал на палец, хорошо ли заточены мечи. Он медленно переходил от чёрного рыцаря к золотому, от золотого к серебряному. К одним рыцарям он относился по-дружески, к другим – со сдержанным холодком. Он кивал им головой и мысленно справлялся, как прошёл очередной турнир. Ему казалось, что рыцари следят за ним сквозь смотровые щели опущенных забрал и никто из них не смеётся и не называет его тюфяком.

Почему природа перепутала и вложила гордое сердце Дон-Кихота в толстую, неуклюжую оболочку Санчо Пансы? Он мечтал о подвигах, а жизнь его проходила однообразно и буднично. Каждое утро он нехотя свешивал ноги с постели и, подгоняемый маминым окриком: «Поторапливайся, а то опоздаешь!» – натягивал на себя штаны и рубаху. Потом он плёлся к умывальнику, мочил нос – «И это называется вымылся?!» – и нехотя садился к столу. Поковыряв ложкой кашу – «Не усни над тарелкой!», – он вставал и шёл в школу. Он с грохотом скатывался с одной ступеньки на другую, и во всех квартирах знали, кто́ спускается по лестнице.

Дон Кихот **–** герой романа Мигеля де Сервантеса, странствующий рыцарь.
Санчо Панса – оруженосец и слуга Дон Кихота.

В классе он появлялся после второго звонка. Бросал тяжёлый портфель и протискивался на скамью, сдвигая с места парту. Всё это он проделывал с невозмутимым спокойствием человека, привыкшего к однообразному ходу жизни и не ждущего никаких неожиданностей. На уроках он не болтал, так как вообще не отличался разговорчивостью, но это не мешало учителям постоянно делать ему замечания:

– Рыбаков, о чём ты мечтаешь?

– Рыбаков, повтори, что я сказала.

– Рыбаков, выйди к доске и объясни решение задачи.

Он плёлся к доске, задевая ногой парты, и долго сжимал в пальцах мел, словно хотел из него что-то выжать. Решая задачу, он так сопел, словно в руке у него был не мелок, а тяжёлый камень, который он без конца опускал и поднимал. Он думал так медленно и тяжело, что у учительницы лопалось терпение, и она отправляла его на место. Он садился, и парта мгновенно превращалась в боевого коня, а пухлые короткие пальцы сами начинали рисовать мечи и доспехи.

На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек. Через «коня» ему не удавалось перепрыгнуть. Он застревал на чёрной кожаной спине и некоторое время восседал, как всадник в седле. Ребята смеялись, а он неуклюже сползал на животе на пол и шёл в строй. Ему не везло буквально во всём. Даже на школьном утреннике, где он читал стихотворение «Человек сказал Днепру», тоже вышло недоразумение. Он готовился целую неделю. Особенно хорошо у него получались заключительные строки. Он набирал побольше воздуха и с выражением произносил:

Чтоб на улице и дома
Было вечером светло!

Когда он вышел на сцену, всё «выражение» сразу пропало. Он заторопился, чтобы поскорее добраться до конца. Но именно в конце его подстерегала неприятность. Он вдруг заволновался, задёргал плечом и прочитал:

Чтоб на улице и дома
Было вечером темно!

Зал засмеялся. Он вздохнул и тяжело спрыгнул со сцены.

Он привык к судьбе неудачника. Обычно неудачники сердятся на других, а он сердился на самого себя. Он давал себе слово измениться и начать новую жизнь. Старался быстрее двигаться, говорить почти криком и ни в чём не отставать от ребят. Но из этого ничего хорошего не выходило. Дома со стола летели чашки, в классе проливались чернила, а от резких движений его куртка лопалась где-нибудь под мышкой.

...Трудно провести границу между осенью и зимой. Бывает так, что ещё не опали листья, а на землю ложится первый слабый снег. А иногда ночью подморозит, и река к утру покроется льдом. Этот лёд, зеркальный и тонкий, мани́т к себе, и тогда радио предупреждает ребят, что ходить по льду опасно. Но не все ребята слушаются радио. И вот на льду появляются первые смельчаки. Лёд прогибается и предупреждающе трещит, но они верят, что родились под счастливой звездой. А счастливая звезда иногда подводит.

Внимание тюфяка привлекли крики, которые долетали от реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег. Там он увидел Димку Ковалёва, который размахивал руками и кричал:

– Тонет! Тонет!

– Кто тонет? – не спеша спросил тюфяк.

– Не видишь, что ли? – огрызнулся Димка. – Пацан тонет. Под лёд провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалёва: «Что же ты́ не поможешь ему?» Но он был тюфяком и не догадался этого сделать. Он посмотрел на замёрзшую реку и заметил маленького первоклашку, который был по пояс в воде и только руками цеплялся за край льда. Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лёд. Лёд слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче. Димка Ковалёв оживился. Он снова стал махать руками и кричать:

– Заходи справа!.. Осторожно!.. Не топай ножищами, а то сам...

Он кричал для того, чтобы заглушить свой страх. А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, который не мог выговорить и сло́ва. Около полыньи на льду образовалась лужа. Он дошёл до края и, не раздумывая, выставил одну ногу вперёд. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лёд может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном. Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу и очутился по щиколотку в воде. Теперь Ковалёв уже не кричал и не размахивал руками, а напряжённо выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как стал обламываться лёд. Наконец первоклассник очутился на льду.

? Какие первые действия нужно совершить, если кто-то начинает тонуть? Верно ли поступил в этой ситуации Дима?

Он шёл, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы его стучали, а по лицу текли слёзы. Когда они вышли на берег, Ковалёв оживился.

– Ты ноги промочил, – сказал он товарищу, – беги домой, а пацана я сам доведу.

Тюфяк посмотрел на спасённого им парня, перевёл взгляд на мокрые ботинки и сказал:

– Валяй!

Ковалёв схватил за руку мокрого, перепуганного мальчишку и куда-то потащил его. Тюфяк поплёлся домой. Его переживания быстро притупила усталость. И теперь оставались только промокшие ноги и лёгкий озноб.

Дома он с трудом стянул с себя ботинки. Из них полилась вода.

– Что это? – спросила мама, недовольно глядя на перепачканный паркет.

– Промочил ноги, – растягивая слова, ответил мальчик.

– Где это тебя угораздило? – Мама пожала плечами и пошла за тряпкой.

Он хотел было рассказать маме, как было дело, но его начало клонить ко сну и одолевала зевота, и даже в тёплой комнате не проходил озноб. Он не стал ничего объяснять, лёг на диван и зажмурил глаза. Неожиданно он подумал, что если бы на нём были тяжёлые рыцарские доспехи, то лёд сразу бы проломился и он не сумел бы спасти пацана. Он быстро уснул.

...На другой день, когда после второго звонка он вошёл в класс, там никого не было. Оказывается, все ушли наверх в актовый зал, на общую линейку. Он бросил портфель на парту и поплёлся на четвёртый этаж. Когда он вошёл в зал, все уже построились большой буквой «П». Он протиснулся между ребятами и стал в заднем ряду. В это время заговорил директор школы.

Он сказал, что вчера на реке ученик Дима Ковалёв спас первоклассника, провалившегося под лёд, и что он, директор, восторгается смелым поступком ученика. Потом выступала старшая вожатая. Она говорила о пионерском долге, о чести красного галстука и наконец зачитала письмо матери провалившегося пацана, в котором Димка назывался спасителем сына. Стиснутый со всех сторон ребятами, тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалёва.

В какую-то минуту ему хотелось сказать, что Димка врёт – никого он не спасал, а просто махал руками и кричал. Но от одной мысли привлечь к себе внимание ему стало стыдно, и все три бугорка покраснели. В конце концов он и сам поверил, что Димка – герой вчерашнего происшествия: ведь он первым заметил тонущего. И когда все захлопали Димке, тюфяк захлопал тоже. Линейка кончилась. Ребятам велели расходиться по классам. И тюфяк, подталкиваемый товарищами, поплёлся обратно на второй этаж. Он с трудом протиснулся за парту – сдвинул её с места, – а когда начался урок, взял в короткие пухлые пальцы тоненькую ручку и в тетрадке по арифметике стал рисовать рыцаря.

Этот рыцарь был фиолетового цвета, как школьные чернила.

? Почему Вася не сказал, что это он рисковал своей жизнью, спасая мальчика? Какая черта характера помешала Васе?

Аналитическая работа:

1. Сравните характеры Димы и Васи. Почему именно Вася достоин быть рыцарем?

2. А как бы вы поступили в этой ситуации? Всегда ли надо громко рассказывать о своих геройских поступках? Разделитесь на две группы: одна группа пусть объяснит, почему это нужно делать, а вторая – почему это необязательно или ненужно. Обсудите доводы обеих групп. Будьте вежливы, уважайте чужую точку зрения.

3. Прочтите цитаты известных людей:

- «Мудрость дороже золота, но честность, справедливость и достоинство важнее всякой мудрости.»

Али Апшерони, казахстанский общественный деятель, миротворец 1962–настоящее время.

- «Стараясь о счастье других, мы находим своё собственное».

Платон, древнегреческий философ, 427–347 гг. до н.э.

4. Как вы думаете, что хотели сказать эти люди своими цитатами? При ответе используйте фразы из рассказа «Рыцарь Вася».

ЛУИС ФИТЦЬЮ

Годы жизни	1928–1974
Род деятельности	писатель, иллюстратор
Направление	реализм
Уникальность	первый писатель, который честно рассказал о жизни американских подростков в школе.
Визитная карточка	«Шпионка Гарриет» (роман, 1964) «Долгая тайна» (роман, 1965)

Излюбленная тема произведений американской писательницы Луис Фитцью – детство ребёнка. Её нашумевший роман «Шпионка Гарриет» показывает образ подростка, который ошибся ради достижения своей мечты. Главная героиня, Гарриет, мечтает стать писательницей, и поэтому развивает в себе наблюдательность, собирает яркий материал для практики художественного письма и записывает все свои наблюдения в особый блокнот. Но однажды её одноклассники находят этот блокнот и воспринимают всё буквально. Так началась сложная жизнь: от Гарриет отвернулись все друзья.

Девочка старается не давать себя в обиду и вступает в противостояние с «Клубом ловцов шпионов», однако она понимает последствия всех козней, и это её подавляет. В результате снижается академическая успеваемость и социальная активность, и постепенно Гарриет погружается в депрессию. Автор ярко показывает, как ребёнок в столь сложной ситуации не находит поддержки ни от родителей, ни от отвернувшихся друзей, ни в школе. И только психиатр находит решение – предлагает вернуть бывшую няню девочки – Оле-Голли, которая советует девочке извиниться перед своими друзьями и одноклассниками.

Второй шаг к исправлению ситуации предпринял директор школы, назначив Гарриет редактором школьной газеты. Найдя реализацию своему писательскому таланту и обнародовав художественно-обработанные записи «шпионских маршрутов», девочка вдохнула новую жизнь в газету и принесла ей популярность. Автор избирает счастливый финал для этой истории, и Гарриет возвращает своих друзей.

ШПИОНКА ГАРРИЕТ

(отрывок)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гарриет пыталась объяснить Спорти, как играть в Город:

– Пойми, сначала придумываешь название Города. Потом записываешь имена всех жителей. Только не слишком много имён, а то будет трудно играть. Ну, скажем, двадцать пять.

– Угу, – Спорти подбрасывал футбольный мяч. Дети стояли во дворе дома, где жила Гарриет, на Восточной Восемьдесят Седьмой улице Манхеттена [4].

– Теперь, когда ты знаешь, кто там живёт, надо придумать, чем они занимаются. Мистер Чарльз Хенли, к примеру, владелец автозаправки на углу, – задумчиво продолжала Гарриет, притулившись спиной к большому дереву. Она так низко склонилась над блокнотом, что её прямые волосы касались страниц.

– А как насчёт погонять мяч? – спросил Спорти.

– Слушай, Спорти, в такую игру ты ещё не играл, это очень здорово. Вот тут, у подножья горы, автозаправка. Ну, если там что-нибудь произойдет, ты знаешь, где она находится.

Спорти взял мяч под мышку и придвинулся к девочке.

– Так тут же ничего нет, кроме дерева и корней. Откуда ты взяла гору?

– Вот тут гора. Отныне и навеки это гора. Усёк? – Гарриет уставилась на мальчика.

Спорти шагнул назад.

[4] ***Манхэттен*** – одна из пяти частей города Нью-Йорк (Соединённые Штаты Америки)

– По мне, так вылитый корень дерева, – пробормотал он.

Гарриет откинула волосы и серьёзно взглянула на него:

– Слушай, Спорти, ты кем собираешься быть, когда вырастешь?

– Ну как, кем? Сама знаешь – футболистом.

– Ну да, а я писательницей. И если я говорю, тут гора, значит, тут гора, – весьма довольная собой, она снова уткнулась в блокнот и занялась своим Городом.

Спорти опустил мяч на траву, присел на корточки и заглянул Гарриет через плечо, пытаясь увидеть, что та с бешеной скоростью писала.

– Ну вот, как только у тебя есть имена всех мужей, жён и детей, пора заняться профессиями. Нам нужен доктор, и адвокат, и…

– И вождь индейцев, – вставил Спорти.

– Ну нет. Кто-нибудь, кто на телевидении работает.

– А с чего ты взяла, что у них есть телевизоры?

– Я сказала есть, значит, есть. Кроме того, нужно, чтобы там был мой отец.

– Тогда вставь и моего. Пусть там будет писатель.

– Хорошо, пусть будет мистер Джонатан Фишбейн, писатель.

– И пусть у него будет сын, который всегда для него готовит, – Спорти раскачивался, сидя на корточках и продолжая нараспев. – Пусть ему будет одиннадцать, как мне, и пусть его мама их бросила и забрала все деньги, и пусть он, когда вырастет, станет футболистом.

– Не-е-е-е, – с отвращением произнесла Гарриет. – Тогда это не придуманное, понимаешь?

– Нет, – помедлив, ответил мальчик.

– Послушай, Спорти. Теперь, когда мы всё записали, я тебе объясню, как это здорово, – по-деловому начала Гарриет. Она было выпрямилась, но тут же опустилась на коленки в мягкую сентябрьскую пыль и привалилась животом к огромному корню дерева. Она то и дело заглядывала в блокнот, но чаще говорила, уставившись на поросшую мхом впадину между корнями, туда, где находился её Город. – Ну вот, однажды вечером, очень поздно, мистер Чарльз Хенли был на автозаправке. Он совсем было собрался выключить везде свет и отправиться домой, потому что уже пробило девять вечера и пора было идти спать.

– Но он же взрослый, – возразил Спорти, уставившись на то место, где предполагалось быть автозаправке.

– В этом Городе все ложатся спать в девять тридцать, – решительно объявила Гарриет.

– Ну-ну, – Спорти продолжал раскачиваться на пятках. – Мой отец идет спать в девять утра. Я с ним иногда сталкиваюсь, когда встаю.

– А в больнице доктор Джонс занимается миссис Харрисон, она собирается родить ребёночка. Вот тут Катервильская больница, – показала девочка. Спорти уставился на другой корень дерева.

– А что делает мистер Фишбейн, писатель?

Гарриет ткнула пальцем в центр города.

? Если вам предложат поиграть в игру «Город», то какие профессии вы выберете в первую очередь? Какие, на ваш взгляд, в «Городе» самые важные?

– Сидит в городском баре, вот тут, – Гарриет, как заворожённая, глядела на Город. – И вот что случилось. Когда мистер Хенли уже почти закрылся, к заправке подкатил длинный старый кадиллак, а в нём мужчины с ружьями. На бешеной скорости подъехали, и мистер Хенли ужасно испугался. Выпрыгнули из машины, ворвались на автозаправку и взяли все деньги. Мистер Хенли не мог даже пошевельнуться. Потом заправились бензином, конечно же, не заплатили и исчезли в ночи, оставив мистера Хенли связанного и с кляпом во рту.

– А что потом? – Спорти даже рот открыл от волнения.

– А в ту самую минуту миссис Харрисон родила ребёночка, и доктор Джонс сказал: «Замечательная девочка, миссис Харрисон, ну, просто великолепная, ха-ха-ха».

– Пусть это будет мальчик.

– Нет, девочка. У неё уже есть мальчик.

– А как она выглядит, эта девочка?

– Ужасно страшненькая. А теперь, в эту самую минуту, совсем в другой части Города, вот тут, за заправкой, где начинается гора, грабители остановились у фермы. Её хозяин – старый фермер Додж. Они вошли и видят, что он ест овсянку, потому что у него зубов давно нет. Они бросили кастрюльку с овсянкой на пол и потребовали другой еды. Но у него ничего не было, только овсянка, так что они его побили. И решили переночевать там. Так вот, в эту самую минуту начальник полиции Катервиля, сержант Герберт, решил прогуляться по главной улице. Он почувствовал, что происходит что-то не то, и решил проверить…

– Гарриет! Не сиди в пыли, – послышался резкий голос из окна третьего этажа.

Гарриет посмотрела вверх. На лице ее промелькнула тревога.

– Ой, Оле-Голли, я вовсе не сижу в пыли.

Лицо няни, показавшееся в окне, никто бы не назвал красивым, но как бы оно ни хмурилось, через все его острые углы и складки проступала доброта.

– Гарриет Велш, а ну, поднимись с колен.

Гарриет немедленно встала на ноги.

– Послушай, нам тогда придётся играть в Город стоя, – жалобно произнесла она.

– Ну, и отлично, – донёсся резкий голос, и голова исчезла.

Спорти тоже встал с колен.

– Почему бы нам тогда не сыграть в футбол?

– Смотри, если я сяду вот так, я не буду в пыли, – она примостилась на корточках рядом с Городом. – Ну вот, он почувствовал, что происходит что-то не то…

– Как он почувствовал? Он же ничего не видел, это же совсем в другом месте.

– Ну, просто почувствовал. Он хороший начальник полиции.

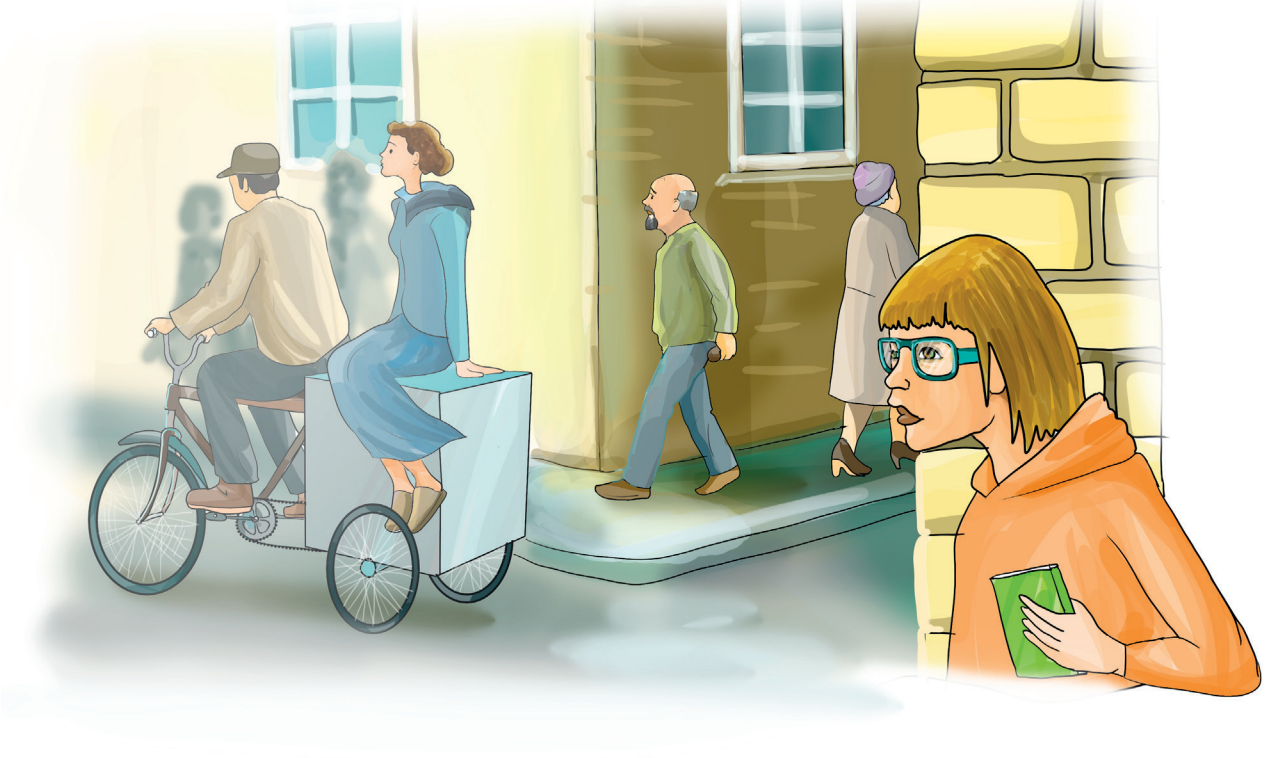
– Ну-ну, – с сомнением пробормотал Спорти.

– Поскольку он единственный полицейский в городе, он пошёл с обходом и всех, кого встретил, позвал на помощь, говоря: «Что-то подозрительное происходит в городе. Я это нутром чую». И все пошли за ним и оседлали коней…

– Коней? – закричал мальчик.

– Ну, влезли в большую машину и поехали по городу, пока…

[После встречи с другом Гарриет, воодушевленная своей няней Кэтрин «Оле-Голли», внимательно наблюдает за другими и записывает свои мысли в блокнот в качестве практики для своей будущей карьеры, которой она собирается посвятить свою жизнь. Она следует послеобеденным «шпионским маршрутом», во время которого наблюдает за своими одноклассниками, друзьями и людьми, которые живут по соседству – например, за мест-



ным магазином, где младший сын Фабио ничего не может сделать в своей карьере, в отличие от трудолюбивого и преданного Бруно, и где биржевой мальчик Джо Карри, или «Маленький Джо», ест в кладовой и кормит бездомных детей вместо работы].

К вечеру солнце выглядело одновременно грустным и приятным и внезапно напомнило Гарриет о кануне Нового года. Не то чтобы этот день был особенный, просто когда девочка взглянула в тот день на солнце, оно выглядело точно так же. Она откинулась на кровать. Приятно быть в таком месте.

МОЖЕТ БЫТЬ, КОГДА Я ВЫРАСТУ, У МЕНЯ БУДЕТ КАБИНЕТ. НА ДВЕРИ Я ПОВЕШУ НАПИСАННУЮ ЗОЛОТЫМИ БУКВАМИ ТАБЛИЧКУ «ШПИОНКА ГАРРИЕТ». ЕЩЁ НА ДВЕРИ БУДУТ МОИ ПРИЁМНЫЕ ЧАСЫ, КАК У ЗУБНОГО, И ЕЩЁ ОДНА ТАБЛИЧКА – «ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ШПИОНСКИЕ УСЛУГИ». Я НЕ БУДУ УКАЗЫВАТЬ РАСЦЕНКИ ПРЯМО НА ДВЕРИ, ОНИ ВСЕГДА МОГУТ ВОЙТИ И СПРОСИТЬ, СКОЛЬКО ЭТО СТО́ИТ. Я БУДУ СИДЕТЬ В КАБИНЕТЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ С ОДИННАДЦАТИ ДО ЧЕТЫРЁХ И ДЕЛАТЬ ЗАПИСИ В БЛОКНОТЕ. И ПУСТЬ ЛЮДИ ПРИХОДЯТ И ПРОСЯТ МЕНЯ ЗА КЕМ-НИБУДЬ ПОСЛЕДИТЬ. Я МОГУ ЭТИМ ЗАНИМАТЬСЯ В ТО ВРЕМЯ, ПОКА Я НЕ СИЖУ В КАБИНЕТЕ. ИНТЕРЕСНО, БУДУТ ЛИ У МЕНЯ КАКИЕ-НИБУДЬ СЛУЧАИ С УБИЙСТВОМ? ТОГДА МНЕ НЕПРЕМЕННО ПРИДЁТСЯ НОСИТЬ ПИСТОЛЕТ И СЛЕДИТЬ ЗА ЛЮДЬМИ. ТОЛЬКО ЭТО НАВЕРНЯКА БУДЕТ ПО НОЧАМ, А МНЕ ПО НОЧАМ НЕ РАЗРЕШАЮТ ВЫХОДИТЬ.

– Эй, Джени, если бы ты задумала перерезать кому-нибудь глотку, ты бы это ночью сделала?

– Я бы их отравила, – ответила та, не повернув головы.

Доктор Джекил – персонаж детектива Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

«Ну, это уж точно», – подумала Гарриет.

– Но, Джени, они всегда могут найти следы яда.

– Не моего изготовления.

– Ты сделала новый?

– Да.

Гарриет вернулась к блокноту.

НУ, МОЖЕТ, И ВПРЯМЬ В ХИМИИ ЧТО-ТО ЕСТЬ. Я БЫ МОГЛА ОТРАВИТЬ ПИ́НКИ, И НИКТО БЫ НЕ УЗНАЛ. НАВЕРНОЕ, ИМ НЕ ПОВРЕДЯТ НОВЫЕ ЯДЫ. НО ОЛЕ-ГОЛЛИ СКАЗАЛА, У НИХ В ВАШИНГТОНЕ УЖЕ ЕСТЬ МАЛЕНЬКАЯ ПРОБИРОЧКА С ЧЕМ-ТО, ЛОЖКИ ЧЕГО ДОВОЛЬНО, ЧТОБЫ ВЗОРВАТЬ ВСЮ ЗЕМЛЮ ИЛИ ДАЖЕ ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ. ЧТО ТОГДА СЛУЧИТСЯ? МЫ ВСЕ ВЗЛЕТИМ НА ВОЗДУХ? В КОСМОСЕ ТЫ ПРОСТО ЛЕТАЕШЬ И ВСЕ. ТОЛЬКО МНЕ ТАМ БУДЕТ ОДИНОКО.

– Меня это с ума сведёт, – Джени отскочила от лабораторного стола и уселась со сложенными на груди руками.

Гарриет знала, о чем Джени говорит. Миссис Гиббс высмеивала всё и всех. Миссис Велш всегда называла маму Джени «эта всезнайка, Мэйбл Гиббс». Гарриет думала, что есть только один тип людей, который она совершенно не переносит, – тех, кто считает себя остряками, а на самом деле совершенно не остроумные.

– Понимаешь, если она сумеет убедить своих подруг в моей необычайной оригинальности, тогда это не её вина, что я не хожу в школу танцев, – продолжала Джени. – А меня ничуть не заботит, научусь я танцевать или нет. Представляешь себе такую картину – Ньютон учится танцевать чарльстон.

У Джени был удивительно чёткий ум. Этого никто не мог отрицать. Гарриет страшно нравилась её манера рассуждать.

В дверь постучали.

– А, брат, – Джени пошла к двери, чтобы впустить его.

За дверью оказалась мама. Войдя в комнату, она одарила девочек широкой улыбкой.

– Ну, как поживает наш доктор Килдар? – воскликнула она и разразилась бурным хохотом.

«Хорошо, хоть она смеётся, – подумала Гарриет, – потому что никому другому не смешно». Джени поглядела на мать с каменным выражением на лице. Гарриет сделала то же самое.

– Ну вот, это моя дочка, такая смешливая, – с этими словами миссис Гиббс хлопнула Джени по спине, да так, что та чуть не грохнулась. Снова утвердившись на ногах, девочка взглянула на мать, и на лице её появилась кривая усмешка.

– Вот моя дочурка, вот моя красотка, – весело запела миссис Гиббс, а девочкам стало так неудобно, что они от смущения уставились в пол. Заметив в конце концов отсутствие аудитории, миссис Гиббс остановилась и прокричала:

– Давно тебя не видела, Гарриет, как лето прошло? – Миссис Гиббс никогда не ждала ответа от детей, считая их всех слишком застенчивыми (да и кто бы не был застенчив с ней?), но продолжала выстреливать вопросы. – Говорила недавно с твоей мамой. Джени уже сказала тебе про школу танцев? Твоя мама согласна, и я тоже. Вам, девочки, нужно немножко грациозности, чтобы превратиться в молодых женщин. Вы же не захотите неуклюже танцевать, ничего нет хуже, чем стенку подпирать во время танцев. Твою маму беспокоит, как ты двигаешься, Гарриет. – Она внезапно сосредоточила своё внимание на

Гарриет, и это вывело девочку из задумчивости.

– Быстро, – сказала Гарриет, – я двигаюсь быстро. Что тут неправильного?

Миссис Гиббс уставилась на девочку. Джени уже опять была у лабораторного стола. Миссис Гиббс не знала, как реагировать на замечание Гарриет, и решив, как всегда, обратить всё в шутку, закатилась громким хохотом. Девочки недоумённо пожали плечами.

– Ну, ты и штучка! Надо пересказать это Гарри. Ты ещё похлеще Джени будешь, – она снова расхохоталась. – Ну, мы посмотрим. Вам, девочки, надо кое-чему подучиться. Я думаю, вам стоит вспомнить, что вы девочки. Похоже, нам, матерям, надо собраться и немножко почистить вам мозги, – она положила руку на ручку двери, – но, конечно, доктор Джекил, не с помощью химии.

Задания:

1. Подумайте, какие качества важны для будущего писателя? А для будущего химика?

2. Мама Джени разговаривает с девочками, объясняя им, «какими они должны быть» и что для этого, по её мнению, надо сделать. А как считаете вы – права она или нет? Разбейтесь на две группы: одна против мнения мамы Джени, а вторая – наоборот, за то, что она права. Каждая группа приводит свои доводы, используя прочитанный текст. Сравните результаты обеих групп и обсудите их. Будьте вежливы, уважайте чужую точку зрения.

УТКУР ХОШИМОВ

Годы жизни	1941–2013 (г. Ташкент)
Род деятельности	узбекский писатель, драматург, переводчик
Направление	реализм
Уникальность	писатель, создавший уникальный художественный образ Матери в узбекской литературе. Его творчество сосредоточено вокруг вопросов духовного здоровья народов Узбекистана.
Визитная карточка	«Последняя жертва войны» (рассказ, 1972) «Свет не без тени» (роман, 1976) «Дела земные» (повесть, 1982) «Между двумя дверьми» (роман, 1986)

Уткур Хошимов – народный писатель Узбекистана, раскрывавший в своих произведениях внутренний мир простого человека. Его творчество пронизано любовью к своей Родине, трепетным отношением к природе Узбекистана, глубоким почтением к традициям и обычаям узбекского народа, преклонением перед богатством узбекского языка.

Повесть «Дела земные» можно назвать лирическим дастаном[5], посвящённым узбекским матерям – это гимн Матери. Повесть состоит из тридцати небольших рассказов, каждый из которых имеет свой сюжет и композицию (построение). И вместе с тем все они логически связаны друг с другом, каждый последующий рассказ дополняет предыдущий. Образ Матери, созданный Уткуром Хошимовым, – это символ беззаветной любви, символически воплощающий всех матерей мира.

Мать дарит свою любовь, тепло сердца не только своим, но и всем детям независимо от национальности и пола. В этом качестве она индивидуальна и неповторима. Писателю удалось в главной героине воплотить самые лучшие качества, присущие всем Матерям земли.

[5] **Дастан** – эпическое (от слова «эпос» – род литературы, описывающий легенды, былины, сказания) произведение в фольклоре или литературе Востока.

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ

(отрывки)

Эта повесть состоит из больших и маленьких новелл. Но объединяет их образ самого дорогого для меня человека – матери. Тех людей, о которых пишу, я видел своими глазами. Только изменил некоторые имена. И судьба этих людей в какой-то степени тоже связана с моей матерью.

Все матери мира одинаковы по отношению к своим детям. Раз так, то повесть эта посвящается вам, дорогие Матери.

Автор

* * *

Может, и с вами порой случается такое: просыпаетесь вы вдруг среди ночи. И лежите, лежите без сна, уставившись в потолок... И кажется, что даже монотонно тикающие часы постепенно замолкают. Тихо в комнате, за окном, тихо в чёрном небе. Не слышно и шороха ветерка. Воцаряется такая тягостная тишина, что у вас начинает звенеть в ушах. Тишина эта тяжким грузом наваливается на вас, пригвождает к постели – и вы чувствуете себя одиноким, бессильным существом. Будто вы остались один в целом мире... В такие минуты перед моими глазами внезапно возникает мать. Она выходит из тёмного угла комнаты, грустно улыбается и склоняется надо мной. И гладит мой лоб огрубевшими от многолетнего тяжёлого труда пальцами... Слёзы подступают к горлу, мне трудно сдержать себя. Словно сон, наплывают смутные обрывочные воспоминания, и с бешено колотящимся сердцем я вскакиваю с постели.

СВЕТЛЫЕ ЛУННЫЕ НОЧИ

Сто́ит начать вспоминать своё детство, как сразу оживают перед глазами тёплые летние ночи. Во дворе у нас рос один-единственный миндаль. Расцветал ранней весной, но не плодоносил. Мать разъясняла мне: «Миндаль оттого не даёт плодов, что одинок». Под этим самым миндалём находилась супа́.

Перед самым заходом солнца мать щедро поливала двор водой, и запах прогретой дневным солнцем земли смешивался с запахом растущего возле супы́ базилика, кругом распространялся удивительный аромат, и стояла тишина.

А потом в небе, усыпанном крупными звёздами, всплывал молодой месяц, похожий на тиллякош.

Мать глядела на него и тихо шептала:

«О, луна, светлая луна,
Крылья – золотые,
Мы шлём тебе благословенье,
А ты нам – здоровье».

Супа́ – глиняное возвышение в саду или во дворе для сидения или лежания.

Тилляко́ш – женское налобное украшение.

При этом она гладила меня по голове... А луна, словно желая ещё раз услышать эту песню, неподвижно повисала в небе, и звёзды с нежностью смотрели вниз задумчивыми глазами, а мама рассказывала сказку.

Несчастная девочка из сказки, которую обратили в камень, горько плача, пела песню:

? Какое дерево росло во дворе дома автора?
Как вы думаете, что подразумевала мать героя, объясняя, почему дерево не даёт плодов?

«О камни, белые камни,
Выпустите меня из плена,
Я хочу увидеть маму,
Я соскучилась по маме».

– Я выбрал в небе свою звезду. Вот она, мама. Самая яркая звезда Большой Медведицы – моя…

– Ладно, сынок. Пусть она будет твоей. А вон та, четвёртая, моя.

– Почему? Ведь она самая маленькая!

– Потому-то она и моя… Четвёртая звезда – звезда-сиротка. Видишь, она совсем не выросла. А сирот надо жалеть.

Звёзды таинственно мерцали, тоненький месяц тайком выглядывал из-за облака, ветерок осторожно шептал о чём-то, от земли и базилика исходил таинственный аромат, и небо и земля были полны тайн.

Иногда с неба падали звёзды. Только что сиявшая звезда внезапно исчезала, оставляя в небе тоненький светлый след. В такие мгновения мама вздрагивала:

– Как жалко… Кто-то испустил дух, бедняжка!..

Я пугался и прижимался к матери. Только б не упала другая звезда.

…Вспоминаю своё детство, и оживают перед глазами тёплые летние ночи. Не знаю, может, именно в те светлые лунные ночи мама в первый раз вложила мне в руку перо.

Гляжу в усыпанное звёздами небо. Быть может, самые яркие звёзды – это души наших матерей. Быть может, погасшие звёзды матерей соединились вместе и превратились в солнце. И может, поэтому солнце сравнивают с матерью.

КВАКВА – НОЧНАЯ ПТИЦА

«Что-то вы очень затосковали, надо проветриться», – с этими словами друзья мои утащили меня в горы. Странно, каждый раз, когда я вижу нависающие над головой величественные горы, острые скалы, напоминающие громадные леденцы, я думаю о том, что жизнь не вечна. Эти скалы, замершие неподвижно, словно чёрные тени в чёрном небе, сколько таких, как мы, они видели?.. Жаль, говорить они не умеют. Иначе поведали бы много интересного.

В доме, где мы расположились на ночлег, было холодно. Я долго не мог уснуть. Во дворе шумели тополя. Где-то поблизости слышался шум реки. Вдруг до ушей моих донеслись печальные, трогающие душу звуки: хак-ку, хак-ку… На несколько мгновений воцарилась тишина, и снова откуда-то издалека донеслось: хак-ку, хак-ку…

Был я ещё совсем ребёнком, когда мама рассказала мне чудесную легенду о двух братьях. Однажды будто бы жили два брата. Старшего звали Ильхак, а меньшего – Исхак. Не любили братья друг друга и жили очень недружно. Мать вконец извелась, не зная, за кого заступаться. И тогда всемогущая природа обрушила на них свой гнев, ослепила обоих и превратила в птиц. И лишь тогда поняли братья, что не могут жить друг без друга, что нуждаются друг

в друге. И с тех пор будто горько плачут по ночам, кличут друг друга, но тщетно…

Во дворе по-прежнему шелестели тополя. Шумела река. И в этой наполненной шелестом и шумом реки тишине раздавался исполненный страдания, проникающий в самое сердце крик: «Иль-хак. Ис-хак!..»

Бедная моя мама! Как желала ты, когда рассказывала ту волнующую притчу, чтобы пятеро детей твоих, слушавших тебя, приподнявшись в постели, словно птенцы ласточки, были дружны между собой!

…Все матери мечтают, чтобы дети их жили вместе. Но судьба распоряжается по-своему: едва оперятся, они разлетаются в разные стороны. Жизнь даже в этом безжалостна к матерям.

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ

Нашего брата газетчика я мог бы сравнить и со скаковой лошадью, и с лошадью, назначение которой – пахать землю. Он мчится к цели и в то же время изо дня в день тянет за собой плуг…

Я дежурил в редакции. Сидел один в кабинете и работал, как вдруг вошла уборщица тётя Вера.

– Это ваш стол? – спросила она, почему-то нахмурившись.

– Мой.

– Почему пепел бросаете на пол? Ежели у вас пепельницы нет, сказали бы, я б принесла из дома!

Я смутился. И правда, пепел упал на пол. И мне ли не знать, как тяжёл труд уборщицы!

Мама моя тоже работала уборщицей. Возле нашего дома находился пионерский лагерь. Мама вставала задолго до рассвета и подметала территорию лагеря. А мы, братья, помогали ей, поливая землю. В сущности, это не бог весть как трудно. Становишься в арычок, протекающий вдоль дорожки, и поливаешь её водой из алюминиевого тазика. После этого мама начинает подметать метлой с длинной ручкой. Ранним утром вода в арычке холодная как лёд, ноги прямо режет от холода. Но это ещё не самое страшное. Самое страшное – это вставать чуть свет. Ведь до полуночи мы носимся по кишлаку до изнеможения. Мама тихонько будит нас как раз в тот момент, когда сон особенно сладкий.

– Вставай, сынок, день уже занимается.

И вот твои сверстники спят себе преспокойно в палатках, а тебе приходится поливать, подметать… Обидно почему-то становилось. Может быть, поэтому я порой хитрил. То притворюсь, что голова болит, то ноги… А мама всегда верила и вместо меня

Сандáл – низкий квадратный столик, который ставится поверх углубления в земляном полу; углубление заполняется горячими углями, а стол накрывается одеялом.
Обкáш – (здесь) коромысло.

? Кем работала мать писателя? Как он оценивает её труд?
Как вы думаете, почему брат писателя стыдился профессии своей матери?
Каким образом мать прививает у автора чувство уважения к труду уборщицы?

брала с собой моего друга по имени Абдувахид, который частенько ночевал у нас, или старшего брата. Иногда папа очень сердился. «Что он, лучше всех, что ли? Пускай тоже работает», – говорил он про меня.

Когда старший брат поступил в институт, я учился то ли в пятом, то ли в шестом классе. Как только брат стал студентом, я понял, что он стесняется того, что мать у него уборщица. Наконец он как-то сказал об этом открыто:

– Мама, бросьте вы эту работу…

Мама на минутку задумалась.

– Ты что, стыдишься? – сказала она после паузы. – Я ведь не воровством занимаюсь. Разве ж труд позорен?

И отец, и братья промолчали.

…Не знаю почему, но в тот день я снова почувствовал себя маленьким. Вспомнилось, как в детстве мама ставила колыбель, в которой лежал мой младший братишка, возле своей постели, а я пристраивался рядом с мамой.

В зимние вечера я лежал, просунув ноги под сандал, и упрашивал маму:

– Мама, расскажите сказку.

– Спи, сынок, устала я.

– Ну, пожалуйста!

– Ладно, закрывай глаза и слушай… Давным-давно жили-были…

Я сразу догадываюсь, что это за сказка.

– Опять про обкаш?

– Нет, про солнце.

– Но вы ведь про него рассказывали.

– А другой я не знаю…

– Ладно, рассказывайте.

– В далёкие времена жило-было солнце…

– Наше солнце?

– Да, наше солнце. Не перебивай! Но ему совсем не хотелось вставать над землёй. И поэтому оно каждый день молило бога – жаловалось, мол, много на земле мусора, не желаю я видеть это. А бог успокаивал его, ты всходи, солнышко, не бойся, на земле есть люди, которые не только разбрасывают, но и убирают мусор, чистят землю, берегут её. Это очень хорошие люди.

Анхор – большой оросительный канал в Ташкенте.

– Вы хорошая, да? Вы чисто подметаете улицы.

– Слушай дальше, сынок… А солнце каждый день по-прежнему роптало на то, что на земле никак не переведутся плохие люди. Оно не желало их видеть. А бог всё успокаивал его и говорил: «Ты должно освещать землю, и чем ярче ты будешь светить, тем меньше останется на земле плохих людей!»

– Мама, а старший мой брат плохой, да?

– Почему?

– Он ведь пнул ногой Деда Мороза, которого я слепил, и развалил его!

– Нет, твой брат хороший… Плохие люди бывают другими.

– А какими?

– Вырастешь, узнаешь. Ну, хватит, теперь спи.

Фитиль семилинейной лампы приспущен, в комнате пахнет тлеющими углями и керосином… Полумрак. А мне всё не спится.

– Мама, расскажите про коромысло.

– Поздно уже, спи…

– Расс-каа-жиите.

– Ну ладно, слушай. Было нé было, жил-был в давние времена один паренёк. Хороший, говорят, был паренёк, но вот однажды обидел свою мать.

– А что он сделал?

– Обидел, и всё. Выходит он утром на улицу и видит, как соседская старушка, согнувшись в три погибели под тяжестью коромысла, несёт воду. Паренёк подбежал к старушке и хотел было взять у нее коромысло. А старушка вместо благодарности сильно ткнула этим коромыслом паренька в плечо.

– Наверно, болело?

Мама умолкла.

– Что болело? – спросила она после долгой паузы.

– Да плечо у того парня.

– Болело. – Мама засмеялась. Потом вздохнула: – «Ты, – сказала старушка пареньку, – прежде чем утешать кого, сперва научись не обижать мать свою».

– А он больше не обижал мать?

– Нет, никогда не обижал. – Мама опять замолчала, а затем тихо продолжила: – Видишь ли, человек перво-на́перво должен любить близких своих. В мире много хороших людей. Очень много. Но ежели ты не будешь любить отца своего, сестру, братьев…

– И вас тоже, – прерываю я её.

– И меня тоже… – говорит мама смеясь. – Если мать свою не будешь любить, ты и вообще никого на свете любить не научишься.

– И дом наш, – говорю я как всезнайка.

Но мать не сердится.

– И дом наш, – соглашается она. – А как же? Наш дом не хуже любого другого, пусть в нём хоть сто этажей будет!

– Теперь не будет протекать, мама?

– Крыша, что ли? Отец починил. Теперь не будет протекать.

Воцаряется тишина. Я думаю. Думаю о том, каким может быть дом в сто этажей, и никак не могу его себе представить.

– Мама, – спрашиваю я тихо, – а в Ташкенте есть стоэтажный дом?

– Нет.

– А в Москве?

– Наверное, есть.

– А что, Москва самый большой город?

– Да.

– И больше его нету?

– Может, и есть. Чтобы любить Москву, ты должен любить Ташкент. А чтобы любить Ташкент, люби свой родной Домбрабад, ладно?

– Ладно. А почему?

– Вырастешь, узнаешь. – Мама гладит мой лоб. И почему-то вздыхает.

У меня совсем прошёл сон.

– Мама, – пристаю снова. – А что больше: река или море?

– Море.

– А река?

– Река тоже большая.

– Больше нашего Конкуса?

– Больше.

Задания:

1. Чей образ объединяет все новеллы повести «Дела земные» Уткура Хошимова, которые вы только что прочли? Обоснуйте свою точку зрения, используя фразы из текста.

2. Найдите в тексте легенду о двух братьях, которую рассказывала мать писателю. Попробуйте придумать продолжение этой легенды.

3. Вы согласны, что нельзя научиться любить Москву, если не смог полюбить мать? Обоснуйте свою точку зрения, используя фразы из текста.

– А Ходжа говорит, что в Чирчике есть река…

Мама смеётся:

– Спи, сынок.

Какой уж там сон! Я думаю о реках.

– А летом, – вспоминаю я, – Вали́ чуть не утонул в Конкусе. Его брат мой старший вытащил из воды!

– Всё равно, – говорит мама задумчивым голосом. – Люби Конкус.

– Почему?

– Потому что Конкус – это наш анхор. Мы из него воду пьём.

– Если буду любить, то и другие реки полюблю, да?

Мама снова смеётся:

– Конечно.

– И собачку мою любить, да?

– Люби, сынок.

– Мама, а Адхам сумасшедший?

– Это почему же?

– Вчера он швырнул льдом в кошку. И она стала хромать.

– Нельзя обижать животных, сынок. Хватит, пора спать.

– Ладно… Когда вырасту, в Москву поеду?

– Поедешь, сынок, обязательно поедешь.

Мама потихоньку начинает дремать. А я продолжаю мечтать в полутьме, уставившись в потолок. И в мечтах своих то оказываюсь в больших городах, то плыву по рекам. Тихо поскрипывает колыбель. Братишка заплакал. Мама тут же просыпается. Принимается тихонько качать колыбель и петь песню. Мама поёт колыбельную братишке, но быстрее убаюкивает меня…

Правда подобна воздуху. Вы дышите воздухом, но не замечаете его. Только теперь я понял: в тех двух легендах, которые так часто рассказывала мне в детстве мать, заложена, оказывается, простая, как жизнь, и глубокая, как жизнь, правда.

ПРАКТИКУМ ПО РАЗДЕЛУ «УРОКИ КАЖДОГО ДНЯ»

1. В этом разделе вы познакомились с произведениями писателей XX века. Скажите, что объединяет этих писателей? При подготовке ответа обратите внимание на период творчества и тематику их произведений.

2. Разбейтесь на три группы. Каждая группа должна подготовить презентацию или комикс по трём пройденным авторам, с обязательным содержанием в ней по каждому:

• название произведения;

• имя автора;

• краткое содержание текста (идея);

• иллюстрация к тексту / коллаж иллюстраций (используйте готовые рисунки и фото из Интернета).

Покажите другим группам свою работу. Запишите все советы и предложения. Выберите из предложенных советов лучшие идеи и усовершенствуйте свою презентацию / комикс.

Объедините все презентации / комиксы в один журнал, придумайте, какая у него должна быть обложка. Назовите журнал «“Уроки каждого дня” нашего класса» или придумайте своё название. Будьте при этом терпеливы, вежливы, уважайте мнение других.

3. Расскажите, какое из произведений вам не очень понравилось. Объясните почему.

4. Игра-конкурс «Самый внимательный читатель». В таблице ниже приведены цитаты из пройденных произведений. Перепишите таблицу в тетрадь, не заглядывая в текст, определите, из какого произведения эти цитаты, и укажите автора произведения:

Цитата	Произведение	Автор
Миндаль оттого не даёт плодов, что одинок.		
На толстом лице выделялись три бугорка: два – над глазами, у начала бровей, а третий – между носом и верхней губой.		
Голод здесь совсем не походил на голод в деревне.		
– А, волчье отродье. Одна поганая овца всё стадо портит!		
Оказывается, когда многие рядом с тобой наслаждаются книгой, гораздо слаще делается и тебе самому.		
Дедушка приехал ночью! Красота!		
– Не обижайте божьих тварей, уста. И мух тоже бог создал, вселил в них души!		

ВОЛШЕБНЫЙ МИР СЛОВ

Народные песни

Народная песня – это произведение фольклора, которое передаётся в устной форме и исполняется под музыку. Народные, особенно обрядовые песни чрезвычайно популярны. Они сопровождают жизнь человека от рождения и до глубокой старости. Обрядовые песни делятся в свою очередь на календарно-обрядовые, семейно-обрядовые, заговоры, причитания и плачи. Подобные песни присущи практически всем народам мира.

Народные песни также отражают трудовые будни, исторические события, красоту родной земли и характер народа. Народные песни могут быть результатом коллективного творчества (автор песни – народ) либо полюбившиеся народом песни определённых поэтов. Например, песня «Оренбургский пуховый платок», написанная Виктором Боковым, стала народной. Пуховый платок в данном произведении – это символ патриотизма и любви.

Попробуйте пофантазировать, какие современные песни могут стать народными через сто лет.

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.

Я его вечерами вязала
Для тебя, моя добрая мать.
Я готова тебе, дорогая,
Не платок, даже сердце отдать!

Ветер шарит, как странник, по ставням,
За окном завывает метель.
Для тебя самовар я поставлю,
Для тебя отогрею постель.

В этот час одинокий вечерний
Мне с тобой хорошо говорить.

Как мне хочется лаской дочерней
Все морщины твои удалить!

Чтобы ты в эту ночь не скорбела,
Прогоню от окошка пургу.
Сколько б я тебя, мать, ни жалела,
Всё равно пред тобой я в долгу

Пусть буран все сильней свирепеет,
Мы не пустим его на порог.
И тебя, моя мама, согреет
Оренбургский пуховый платок.

Узбекская народная песня «Лето» относится к разряду календарно-обрядовых. Она посвящена джиги́там, которые сильны, удачливы и в охоте, и в битвах, и в любви. Образ лета создан при помощи описания охоты, местных животных.

Л Е Т О

Эй, джигиты, поживей,
Натрясти плодов с ветвей!
Хмель охотою развей, –
Будет зверь и птица нам!

С сокола колпак – долой!
Волю гончей своре злой!
Гон закончим удалой –
Будет чем хвалиться нам!

Стрелы, камни, нож, аркан, –
Каждый зверь для нас желан!
Попадись, кулан, кабан,
Попадись, лисица, нам!

Если так румянец мил,
Родинка черней чернил,
Если чёрный глаз пленил, –
Как же не томиться нам!

Вижу я любимый лик!
К ране сердца он приник –
Рану исцелил он вмиг…
Ах, всё это снится нам!

Милый призрак, я погиб!
Новой боли в сердце шип.
От рыданий я охрип, –
Счастья нет крупицы нам!

О, вернись ко мне скорей,
Сердце лаской отогрей.
Взор мой пьёт простор морей, –
Что пророчат птицы нам?

Ночью двинемся в поход –
Перейдём Амар мы вброд.
Враг беспечный нас не ждёт, –
Нужно торопиться нам.

На заре передохнём,
Ключевой воды попьём,
Кровь прольём, пожжём огнем, -
Враг да не грозится нам!

Ясмиль-бека окружим,
Спе́шимся – и набежим,
Вражью силу сокрушим,–
Местью насладиться нам!

Будет схватка горяча.
Налетим, как львы, рыча,
Вражью кровь стерев с меча,
Следует смягчиться нам.

Каждый чтоб спокойно жил,
Чтоб закон добру служил,
Волк с ягнёнком чтоб дружил, –
В мире всем ужиться нам!

Задания:

1. Аналитическая работа. Нарисуйте в тетради таблицу анализа строк стихотворения. Укажите идею поэта, затем, согласны вы с ней или нет (+/-), и аргументируйте ваше мнение.

«Оренбургский пуховый платок»			
Строка	**Идея автора**	**+/-**	**Аргументируйте ваше мнение**
Как мне хочется лаской дочерней Все морщины твои удалить!			
Сколько б я тебя, мать, ни жалела, Всё равно пред тобой я в долгу.			

2. Аналитическая работа. Перепишите таблицу в тетрадь и заполните её, проведя анализ стихотворения. Используйте, когда требуется, слова и фразы из стихотворения:

«Лето»	
План:	**Пример из текста / ваши мысли:**
Тема стихотворения (о чём стихотворение?)	
Настроение стихотворения	
Какие картины вам представляются при прочтении стихотворения?	
Герой (герои) стихотворения	
Идея стихотворения (какие мысли и чувства народ хотел донести своей песней?)	
Ваши эмоции после прочтения стихотворения	

3. Придумайте несколько своих названий к песне «Лето».

4. Используя камеру мобильного телефона, отсканируйте QR-код, чтобы увидеть, как выглядит кулан. Найдите в Интернете изображения других животных, о которых говорится в песне «Лето».

АЛИШЕР НАВОИ

Годы жизни	1441–1501
Род деятельности	поэт, музыкант, художник и государственный деятель
Направление	классическая поэзия
Уникальность	солнце узбекской поэзии, основоположник узбекской письменной литературы.
Визитная карточка	«Пятери́ца» (сборник поэм, 1483–1484) «Сокровищница мыслей» (сборник стихотворений, 1498–1499) «Суждение о двух языках» (научный труд, 1499)

Алишер Навои – самый известный поэт Востока. Его творчество почитают во всем мире. Он автор более тридцати произведений, где отражены не только мысли, чувства и переживания великого певца жизни, но и его философские, политические, научные воззрения.

Алишер Навои был зулисонайном, то есть двуязычным поэтом, писавшем на двух языках: на фарси как на языке науки и культуры и на староузбекском (чагатайском) языке. Большинство художественных произведений великого художника сло́ва написано на староузбекском. Алишер Навои считал, что на узбекском языке можно создать великолепные по звучанию и содержанию художественные произведения. И чтобы доказать это, он создаёт выдающееся произведение – пять поэм, именуемое хамсой-пятери́цей. Этот жанр считался самым сложным на Востоке, и написать его могли лишь немногие. Алишер Навои справился с поставленной задачей. Так появилась «Хамса» на узбекском языке. Не случайно Алишера Навои считают основоположником не только узбекской литературы, но и современного узбекского литературного языка.

Алишер Навои создавал произведения в различных лирических жанрах. Основная идея его творческого наследия – любовь к жизни и прославление человека. Излюбленным жанром поэта были рубаи.

РУБАИ

Здесь розы нет, а мне о ней твердят!
Пройти б у сада – вдоль его оград –
Пусть прелесть розы очи не узрят,
Зато вдохну чудесный аромат!

* * *

Осенней красотой расцвечен сад,
И всюду листья жёлтые летят.
Шафраном обернулся изумруд –
Голубизну небес сменил закат.

* * *

Кто службой шаху добывает хлеб,
Тот может быть и хром, и глух, и слеп.
Но тайну скрыть и быть немым, что склеп, –
Труднейшая из всех земных судеб.

* * *

Стихам я о́тдал радость вешних лет,
И летних кущ моих тюльпанный цвет,
И осени печально-жёлтый свет,
И зимний вечер, что от снега сед.

Перевод С. Иванова

Задания:

1. Проведите эксперимент: закройте глаза и представьте себе розу – какой у неё может быть цвет? Какая она может быть на ощупь? Почувствуйте её запах.

2. Нарисуйте в тетради таблицу анализа строк рубаи. Укажите идею поэта, затем, согласны вы с ней или нет, и аргументируйте ваше мнение:

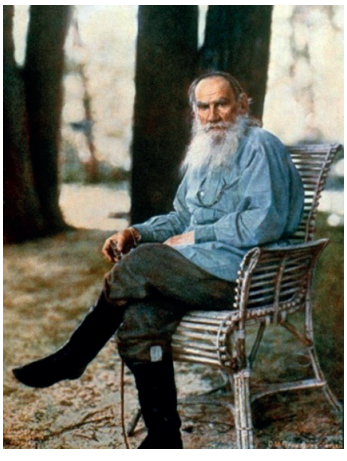
Рубаи Алишера Навои			
Строка	**Идея автора**	**+/-**	**Аргументируйте ваше мнение**
Кто службой шаху добывает хлеб, Тот может быть и хром, и глух, и слеп.			
Шафраном обернулся изумруд – Голубизну небес сменил закат.			

Игра «Буримé». Сочините рифмованное двустишие с предложенными словами:

Розы – морозы
Сад – рад
Тайна – онлайна.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Годы жизни	1828–1910
Род деятельности	прозаик, публицист, философ
Направление	реализм
Уникальность	своим примером показывал, что в любом возрасте можно пробовать что-то новое.
Визитная карточка	«Севастопольские рассказы» (цикл, 1855) «Война и мир» (роман, 1863–1869) «Кавказский пленник» (рассказ, 1872) «Анна Каренина» (роман, 1873–1877) «После бала» (рассказ, 1903)



Портрет Льва Николаевича Толстого (1908)
Художник С. М. Прокудин-Горский

Лев Николаевич Толстой прославился не только своими яркими и интересными романами о судьбах XIX века, но и стремлением познавать новое. Именно эта тяга к личному развитию помогала писателю учиться на протяжении всей его жизни: он изучал музыку, медицину, биологию, знал историю и психологию, вёл переписку на разных иностранных языках с видными философами и просветителями того времени.

Кроме литературной деятельности Лев Толстой занимался развитием школы, которую сам открыл в родном селе Ясная поляна. Для этой школы писатель создал две азбуки и Книгу для чтения, и даже работал в ней учителем. Вообще Лев Толстой не страшился никакой работы: косил траву, пахал поле – и придерживался мысли, что счастье человеческой жизни в её простоте.

Именно для детей русский писатель создал ряд рассказов-миниатюр – «Нашли дети ежа», «Был у Миши и Пети конь», «Муравей и голубка», в которых показывает эпизоды из жизни ребёнка, его способ познать этот мир.

ФИЛИПОК

(быль)

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: «Куда ты, Филипóк, собрался?» – «В школу». – «Ты ещё мал, не ходи», – и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчóк. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал: «Куда ты, пострелёнок, один бежишь?» Филипок ничего не сказал, подобрал пóлы и пустился бежать во весь дух.

Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: что, как учитель меня прогонит? И стал он думать, что ему делать. Назад идти – опять собака заест, в школу идти – учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит: все учатся, а ты что тут стоишь? Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

– Ты что? – закричал он на Филипка. Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил. – Да ты кто? – Филипок

молчал. – Или ты немой? – Филипок так напугался, что говорить не мог. – Ну так иди домой, коли говорить не хочешь. – А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

– Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

– Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

– Ну-ка, сложи свое имя.

Бедо́вый – бесстрашный, отчаянный, озорной.

Филипок сказал:

– Хве-и – хви, ле-и –ли, пе-ок –пок.

Все засмеялись.

– Молодец,– сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

– Костюшка. Я бедо́вый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал: «А молитвы ты знаешь?» – Филипок сказал: «Знаю»,– и начал говорить Богородицу, но всякое слово говорил не так. Учитель остановил его и сказал: «Ты погоди хвалиться, а поучись».

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Задания:

1. Подумайте, почему Филипок так сильно стремился попасть в школу?

2. Вспомните, попадали ли вы в такую ситуацию, когда от волнения не могли произнести ни слова? Как вы справились с этой ситуацией?

3. Синквейн. Сочините стихотворение к рассказу «Филипок», переписав в тетрадь и заполнив таблицу:

«Филипок»		
Этап	**Чем выражено**	**Ваш вариант**
1. Тема рассказа	Одно существительное	
2. Основная тема	Два прилагательных	
3. Действия в рассказе	Три глагола	
4. Ваше отношение	Фраза, афоризм, пословица, цитата и т. д.	
5. Итог	Одно слово. Ассоциация с названием произведения	

По желанию зачитайте получившееся стихотворение своим одноклассникам.

АВАЗ ОТАР-ОГЛИ

Годы жизни	1884–1919 (Хива)
Род деятельности	узбекский поэт и просветитель
Уникальность	яркий представитель восточной литературы, борец за свободу и социальную справедливость
Визитная карточка	«Счастье благоденствия» (сборник стихотворений) «Фалонлар» («Некие») (цикл стихотворений)

Аваз Отар-огли – выдающийся хорезмиец, славный сын своего времени. Это был замечательный поэт, настоящий гражданин и патриот. В своих острых публицистических стихах Аваз страстно обличает пороки и деспотизм. Характерен в этом отношении цикл его стихотворений под общим названием «Фалонлар» («Некие»), где он подвергает резкой критике чиновников, «сильных мира сего». Диван [6] Аваза Отар-огли «Счастье благоденствия» включает более тысячи семисот газелей [7]. Кроме того, поэт писал рубаи, мухаммасы [8] и произведения других жанров.

По своей тематике произведения Аваза отражают характерные изменения переломного времени, на рубеже которого жил и творил поэт. Он был сторонником новаторских идей, новых человеческих отношений, обогащая новую узбекскую литературу прогрессивными идеями общественно-политического характера. Социальная направленность превалировала в его творчестве.

Аваз Отар-оглы был глубоко национальным поэтом. Это выражалось во всём: и в форме, и в образах, и в содержании. Возможно, именно поэтому творчество поэта было широко популярно. Поэт смело и жёстко критиковал существующие порядки, выступал против социальной несправедливости. Он предостерегал, что настанет час, когда народ начнёт активно бороться за свои человеческие права, за нормальную и полноценную жизнь. Аваз выступает с жёсткой критикой социальных пороков общества: взяточничества, невежества, лицемерия, грубости, насилия над человеческой личностью. Выход из рабства и невежества поэт видит в прогрессивных идеях, пропагандирует учение, знания, порядочность, трудолюбие. Несмотря на тяжёлую жизнь, поэт с оптимизмом смотрел в будущее. Вся его поэзия – это гимн жизни.

---

[6] ***Диван*** – сборник небольших стихотворений.

[7] ***Газель*** – вид маленького стихотворения на Востоке.

[8] ***Мухаммас*** – вид стихотворения, каждая строфа которого состоит из пяти строк: первые три принадлежат автору произведения, а последние две – цитата из какого-либо стихотворения.

О ЯЗЫКЕ

Знанье души народа – знанье его языка,
Только обменом речью – связь меж людей крепка.
Юноши, изучайте не только родной язык, –
Станет вам, как родная, чужая страна близка.
Матери, посылайте в дома науки детей,
Радостно черпать мудрость из братского родника.
Знанье делает мудрым – учившиеся всему
Гордостью века стали, и слава их велика.
Да не узнают дети обиды, что знал Аваз,
Вечно его томила по речи чужой тоска.

Перевод В. Звягинцевой

Задания:

1. Подумайте, что даёт человеку знание своего и иностранного языка? Аргументируйте свой ответ.

2. Игра «Нарисуй стихотворение». Разделитесь на пять групп. Каждая группа выбирает себе одно из двустиший из стихотворения «О языке» и слово за словом графически изображает его на листе бумаги, соблюдая строчки. Главное условие: нарисовать нужно так, чтобы без подсказки легко было понять, о чём идёт речь. Затем каждая группа по одной выходит к доске, рисует свои изображения, а другие группы отгадывают графический шифр.

АБАЙ

Годы жизни	1845–1904
Род деятельности	казахский поэт, композитор, просветитель, общественный деятель
Уникальность	великий поэт и духовный наставник казахского народа, основоположник казахской письменной литературы.
Визитная карточка	«Книга слов»

В литературе есть много примеров, когда писатели и поэты проявляют свою мудрость и дальновидность. Их произведения – это кладезь ценных мыслей, которые помогают человеку стать лучше. Творчество великого поэта казахского народа **Абая** Кунанбаева тому пример. Его известнейший труд «Книга слов (Слова назидания)» – это глубоко осмысленный путь к истине. Идея книги проста и величественна. Поэт не устает напоминать читателям о том, что величайшей ценностью мира является человек, и он должен быть прекрасен и гармоничен. Прекрасными должны быть его душа, разум, тело и чувства. Человек призван направлять свои мысли и поступки к добру, только к высоким деяниям. Осознание реального мира и личной ответственности каждого в мире – вот главное, обретенное великим поэтом и оплаченное творчеством и жизнью.

КНИГА СЛОВ
(отрывок)
Слово Семнадцатое

Воля, Разум и Сердце обратились однажды к Науке, чтоб разрешить спор: кто из них важнее.

Воля сказала: «Эй, Наука, ты ведь знаешь, без меня ничто не достигает совершенства: чтобы познать тебя, надо упорно учиться, а без меня этого не сделать; служить Всевышнему, поклоняясь ему, не ведая покоя, можно только с моей помощью. Нельзя, если меня нет, добиться в жизни богатства, мастерства, уважения, карьеры. Разве не я оберегаю людей от мелких страстей и держу их в узде, не я ли предостерегаю их от греха, зависти, соблазнов, не я ли помогаю им собраться и в последнюю минуту удержаться на грани пропасти? Как могут спорить со мной эти двое?»

Разум сказал: «Только я способен распознать, какое из твоих слов полезно и какое пáгубно, будь то в земной или загробной жизни. Только мне дано постигнуть твой язык. Без меня не избегнуть зла, не найти выгоды, не постичь знаний. Почему эти двое спорят со мной? На что они годятся без меня?»

Сердце сказало: «Я – владыка человеческого тела. Кровь идет из меня, душа обитает во мне, без меня жизнь немыслима. Я лишаю сна, заставляю ворочаться тех, кто лежит в мягкой постели, вынуждаю их думать о бедных, не имеющих крова, мёрзнущих и голодающих. По моей воле младшие почитают взрослых и снисходительны к меньшим. Но люди не стараются

сберечь меня в чистоте и от этого страдают сами. Будь я чистым, не стало бы я делать различия между людьми. Я восторгаюсь добродетелью, я восстаю против зла и насилия. Самолюбие, совесть, милосердие, доброта – всё исходит от меня. На что годятся эти двое без меня? Как они смеют спорить со мной?»

Выслушав их, Наука ответила: «Воля, ты всё верно сказала. В тебе ещё много достоинств, о которых ты не упомянула. Ничего нельзя достигнуть без твоего участия. Но ведь в тебе таится и жестокость, равная твоей силе. Ты тверда в служении добру, но не меньшую твёрдость проявляешь и в служении злу. Вот что плохо в тебе.

Разум! И ты прав. Без тебя невозможно добиться в жизни чего-либо. Благодаря тебе мы узнаём о создателе, посвящены в тайны двух миров. Но это не предел твоих возможностей. Лукавство и коварство – тоже творения твоих рук. И добрый, и злой опираются на тебя, ты верно служишь и тому, и другому. Вот в чём твой изъян. Моя задача – помирить вас. Хорошо бы, повелителем и вершителем в этом споре явилось Сердце. Разум! У тебя множество путей-тропинок. Сердце не может следовать по каждой из них. Оно не только радуется твоим добрым замыслам, но и сопутствует тебе в них с охотою. Но оно не последует за тобой, если ты замыслил недоброе, и даже отстранится от тебя с брезгливостью.

Воля! В тебе много силы и мужества, но и тебя Сердце способно удержать. Оно не станет препятствовать в деле благоразумном, но в деле ненужном повяжет тебя по рукам. Вам следует объединиться и во всём повиноваться Сердцу. Если вы все трое мирно уживетесь в одном человеке, то прахом с его ног можно будет исцелять незрячих. Не найдете согласия, я отдам предпочтение Сердцу. Береги в себе человечность. Всевышний судит о нас по этому признаку. Так сказано и в писаниях», – сказала Наука.

Перевод Р. Сейсенбаева и К. Серикбаевой

Задания:

Мозговой штурм. Внимательно прочитайте отрывок из «Книги назидания» Абая и устно ответьте на следующие вопросы:

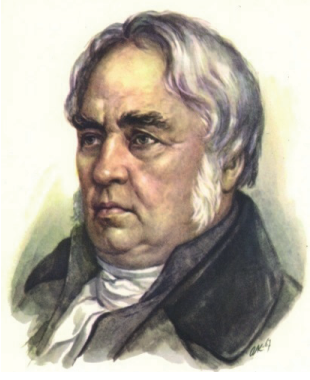
Между кем произошел спор и к кому обратились спóрящие для его разрешения? Почему каждый их них считает себя важнее всех?

Игра-задание «Наоборот». Разделитесь на четыре команды: Воля, Разум, Сердце и Наука. Каждая команда из первых трёх должна доказать, что она не менее важна, чем остальные. Наука выносит свой вердикт.

Как вы думаете, кто ещё мог участвовать в споре?

Кем из спорящих вы видите себя?

ИВАН КРЫЛОВ



Годы жизни	1769–1844
Род деятельности	поэт, баснописец, публицист
Направление	классицизм
Уникальность	написал басни на все случаи жизни.
Визитная карточка	«Почта духов» (1789, журнал) «Басни» (1843, сборник)

«Он не просто изменил язык русской поэзии, он дал ей широту, вывел её из литературных салонов, обществ любителей словесности, университетских кружков на российский простор, вместивший скудные крестьянские поля, курные избы [9], тележные просёлки, почтовые и ямщицкие тракты, губернские и уездные города. Право го́лоса вдруг получила простонародная Россия, ранее только сочинявшая как бы втайне и передававшая из поколения в поколение изустно сказки, былины, песни, легенды. В баснях Крылова нашёл прибежище не только язык этих народных творений, но и сокровенные чувствования, мысли и надежды простого люда, его оценки событий – государственных и частных, общественных и бытовых, его нравственные постулаты, его укоренённый в веках взгляд на всё и вся», – так писал про баснописца Андрей Румянцев (писатель, поэт, переводчик) в статье «Насмешливый мудрец».

«Басни… читают и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети... …ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев», – писал Александр Пушкин.

Именно жанр басни позволяет понять характер любого народа, именно для этого поэт че́рпал язык в гуще народа, начиная с отроческих лет. Для этого баснописец с удовольствием ездил на народные ярмарки и торговые площадки, по типу нашего базара, был частым зрителем площадных кулачных состязаний и народных театров. Именно поэтому мудрость басен Ивана Крылова понятна каждому человеку до сих пор.

[9] ***Курная изба*** – (или чёрная изба) помещение, которое топилось печью без дымохода. Дым выходил через дверь и специальные отверстия в стене или крыше – волоковые окна.

КВАРТЕТ

Проказница-Мартышка, Осёл, Козёл,
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, басá, альтá, две скрипки,
И сели на лужок под липки –
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. – Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альтá,
Я, прима, сяду против втóры;
Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдет.
«Постойте ж, я сыскал секрет! –
Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.
«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привесть:
И ноты есть у нас, и инструменты есть,
Скажи лишь нам, как сесть!» –

Квартет – музыкальное произведение для четырёх инструментов или голосов, или ансамбль из четырёх *музыкантов или певцов.*

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье,
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей, –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

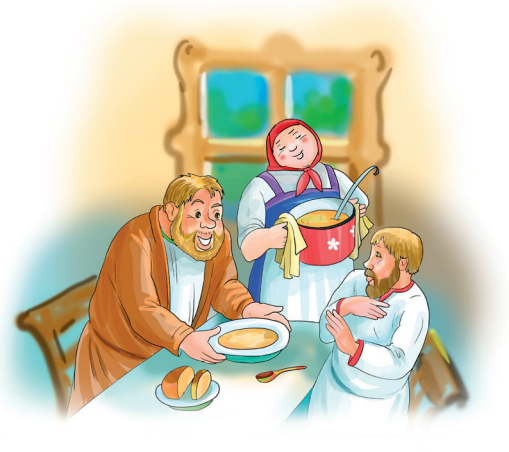
ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». –
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет.
Ещё тарелочку. Послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» –
«Я три тарелки съел». – «И пóлно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты, –
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Поешь же, миленький дружочек!
Вот лéщик, потроха, вот стéрляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед-Демьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же ещё тарелку он берёт.
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак [10] и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь:
Но если помолчать вовремя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза, и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Уха *– суп из свежей рыбы.*

Демьянова уха *– так говорят о назойливом угощении, предложении чего-нибудь, в то время как тот, кому предлагают, уже не хочет больше.*



[10] ***Кушак*** – пояс, обычно широкий.

Задание:
Заполните таблицу по устойчивым выражениям из разных басен Ивана Андреевича Крылова.

Фраза	Из какой она басни?	Что она означает?
В сердце льстец всегда отыщет уголок.		
А ларчик просто открывался.		
У сильного всегда бессильный виноват.		
Ты всё пела? Это дело. Так поди же попляши!		
Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона!		
А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь.		
Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт.		

Отсканируйте QR-код и прочитайте другие басни поэта, чтоб правильно заполнить таблицу.

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ

Годы жизни	1926–1964
Род деятельности	прозаик, колумнист, драматург
Направление	реализм
Уникальность	поднимал тему равенства, когда все об этом молчали.
Визитная карточка	«Попо и Фифина» (повесть, 1932) «Тост в честь Гарлема» (поэма, 1940) «Спасибо, мэм» (повесть, 1958)

Лэнгстон Хьюз – уникальный голос в американской поэзии. Его стихотворения – это яркие образы, джазовые ритмы, повседневная жизнь простых людей в Соединенных Штатах. Каждый образ, каждая деталь в его творчестве – символ свободы. Помимо жанра поэзии, Лэнгстон Хьюз работал также в жанрах драмы и кино.

Уникальность творческого метода писателя в том, что он смело показывал свой личный опыт в поэзии, описывал те трудности, что пережил сам. После чего писатель стал популярным и мог открыто поднимать вопросы о равных правах на образование и условия труда для всех людей, вне зависимости от их происхождения и социального положения.

В 1950-х годах Лэнгстон Хьюз создал свою детскую серию книг, которая была призвана привить чувство гордости и уважения к культурным традициям. Так дети всей страны прочли «Первую книгу джаза» (1954), «Первую книгу ритмов» (1954), «Первую книгу Вест-Индии» (1956) и «Первую книгу Африки» (1964).

Главной темой этих книг является признание сосуществования разных национальных культуры и историй. Автор пытался сделать свои детские книги сознательно патриотическими, чтобы бороться с любым проявлением нетерпимости и неравенства в обществе того времени.

СПАСИБО, МЭМ

По улице шла женщина весьма крупного телосложения с увесистой сумкой через плечо. В этой сумке, казалось, поместилось всё на свете, кроме, разве что, молотка и гвоздей: такая она была огромная. Было около одиннадцати, но, несмотря на такой поздний час, женщина шла совершенно одна. Вдруг к ней со спины подбежал паренёк и попытался вырвать сумку. Ремень лопнул от единственного рывка, паренек не удержался и повалился на тротуар в обнимку со своей добычей. Женщина не растерялась: повернулась и дала обидчику хорошего пинка прямо по джинсовой заднице. После этого она наклонилась, сгребла мальчишку за грудки и тряхнула его так, что у незадачливого вора застучали зубы.

– Подбери мою сумку и отдай её мне, – потребовала она, но так и

не выпустила мальчишку. Только наклонилась, чтобы он мог дотянуться и подать ей разбросанные вещи.

– И тебе не стыдно? – спросила женщина.

– Стыдно, – буркнул мальчишка. Его всё ещё крепко держали за воротник.

– Зачем ты так поступил?

– Я не специально.

– Ну ты и обманщик!

Вокруг них уже стали собираться прохожие: пара-тройка людей остановились поглазеть, что будет дальше.

– Если отпущу, убежишь?

– Угу.

– Значит, не буду отпускать, – сурово сказала новая знакомая и действительно не отпустила.

– Мне очень жаль, леди, простите меня, – пролепетал мальчишка.

– Так-так, посмотрим. Какой же ты чумазый! Мне очень хочется умыть тебя как следует. Разве никто из домашних не велел тебе вымыться?

– Не-а.

– Значит, не зря мы встретились. Сегодня тот самый вечер, когда ты умоешься, – подытожила женщина и решительно направилась дальше по улице, волоча за собой перепуганного воришку.

На вид ему было где-то четырнадцать-пятнадцать, он плелся за ней в голубых джинсах и теннисных туфлях, худощавый и тонкий, как тростинка.

– Сделаем вид, что ты мой сын. И я, как матушка, научу тебя, что хорошо, а что плохо. Итак, самое малое, что я могу сейчас сделать, – это как следует умыть тебя. Кушать хочешь?

– Не-а. Единственное, что я хочу, чтобы вы меня отпустили.

– Струсишь, если мы завернем за угол?

– Не-а.

– И правильно. Ты связался со мной, – сказала женщина. – И если ты думаешь, что легко отделаешься, то подумай получше. Попомните мои слова, молодой человек: когда я с тобой разберусь, ты ещё вспомнишь о миссис Луэлле Бейтс Вашингтон Джонс.

Парнишку прошиб пот. Он начал было сопротивляться, но куда там! Миссис Джонс остановилась, рывком развернула его и ловко зажала шею мальчишки в полу-нельсоне. Так они и шли до самого дома миссис Джонс, но и после того как хозяйка распахнула дверь, она не отпустила своего пленника. Они проследовали дальше по коридору в просторную меблированную кухню. Там хозяйка включила свет, а дверь так и оставила открытой. Парнишка прекрасно слышал, как другие жильцы смеются и болтают где-то в большом доме. Успокаивало только то, что не остался наедине с этой женщиной: она по-прежнему держала его за шею посреди кухни.

– Как тебя зовут?

– Роджер.

– Стало быть, Роджер, сейчас ты подойдёшь к этой раковине и умоешься, – с этими словами женщина, наконец, выпустила парнишку. Роджер глянул на дверь, потом на женщину, потом снова на дверь и обречённо подошёл к раковине.

– Подожди, пока холодная сольётся. Вот чистенькое полотенце.

– Вы меня посадите? – спросил парнишка, наклоняясь над раковиной.

– Умывайся. Пока ты такой чумазый, я с тобой никуда не пойду. Подумать только: шла себе домой, мечтала, как приготовлю что-то перекусить, а тут ты хватаешь мою сумку. Наверное, тебе тоже пришлось пропустить ужин, ведь так?

– Да нет, у меня дома никого.

– Тогда мы вместе покушаем. Мне кажется, что ты голоден, или, по крайней мере, был голоден, когда пытался меня ограбить, – сказала женщина.

– Мне хотелось купить не еду, а синие замшевые туфли, – признался парнишка.

– Ну, для того чтобы иметь какие-то замшевые туфли, не нужно было меня грабить. Нужно было меня попросить, – произнесла миссис Луэлла Бейтс Вашингтон Джонс.

– Мэм?

Парнишка уставился на неё, по его удивлённому лицу всё ещё продолжала стекать вода. Повисло долгое молчание. Очень долгое. Роджер вытер лицо и, не зная, что ещё сделать, вытер его снова. Потом огляделся, гадая, что его ожидает теперь. Дверь всё ещё была открыта. Он мог броситься туда, дальше по коридору. Он мог бежать, бежать, бежать, бежать!

Женщина сидела на кушетке.

– Когда я была молодой, мне тоже хотелось чего-то, что я не могла получить, – сказала она немного погодя.

Снова наступила тишина. Парнишка открыл рот от удивления. Затем он, сам того не понимая, нахмурился.

– Так-так, ты думал, что последует «но», правда? Ты думал, я скажу: «Но я никогда не вырывала у людей сумки». Ну так я не собираюсь этого говорить.

Пауза. Тишина.

– Я тоже совершала плохие поступки, о которых, сынок, не собираюсь тебе рассказывать. Я бы утаила их и перед Богом, если бы он уже этого не знал. Так что присядь, а я пока приготовлю что-нибудь. Не сиди без дела, возьми эту расчёску, причешись, будешь выглядеть прилично.

Миссис Джонс пересекла кухню, миновав телевизионный экран, к газовой плите и холодильнику. Она нисколько не следила ни за своей сумкой, оставленной на кушетке, ни за мальчишкой, который, однако, не собирался больше убегать. Он специально сел туда, где его будет хорошо видно – в дальнем краю кухни. Он чувствовал, что женщина ему доверяет, и теперь ему не хотелось потерять это доверие.

– Не нужен ли вам кто-то, кто сходил бы в магазин? – спросил он. – Может, за молоком или ещё за чем?

– У меня есть консервированное, я собиралась приготовить какао, – ответила она. – Но можешь сходить, если тебе хочется именно сладкого молока.

– Нет, какао – отличная идея, – обрадовался парнишка.

Миссис Джонс достала из холодильника бекон и лимскую фасоль. Разогрев этот нехитрый ужин, сварила какао и уселась за стол рядом с Роджером.

Она не спросила ни о том, где он живёт, ни о его родных, ни о чём таком, что могло бы его смутить. Вместо этого за ужином она болтала о своей работе в салоне красоты при отеле. Рассказывала, каково это. Оказалось, что салон открыт допоздна и в него приходят самые разные посетительницы – от жгучих брюнеток до ярких блондинок. На десерт миссис Джонс отрезала Роджеру половину своего десятицентового пирога.

– Подкрепляйся, сынок.

Когда они закончили ужинать, она встала и сказала:

– Вот, возьми эти десять долларов и купи себе синие замшевые туфли. В следующий раз не повторяй ту же ошибку, не нужно хватать чужие сумки. Красть грешно, потому туфли на краденые деньги будут жечь тебе

Полу-нельсон – спортивный приём в борьбе, захват с фиксацией.

ноги. А сейчас мне нужно отдохнуть. Но я надеюсь, сынок, с этого вечера всё изменится, и ты будешь вести себя хорошо.

Она проводила его до входной двери и выпустила его.

– Спокойной ночи, парень, веди себя хорошо, – сказала она на прощание, выглядывая на улицу.

Роджеру хотелось сказать миссис Луэлле Бейтс Вашингтон Джонс что-то получше, чем просто «спасибо, мэм», но он так и не нашёл подходящих слов. Он только оглянулся на дородную женщину на пороге и едва успел сказать «спасибо», как она скрылась за дверью. Это была их первая и последняя встреча.

Задания:

1. Представьте себе, что на месте Луэллы Джонс оказался мужчина / пожилая женщина / девушка-подросток. Как вы думаете, чем могла бы закончиться эта история?

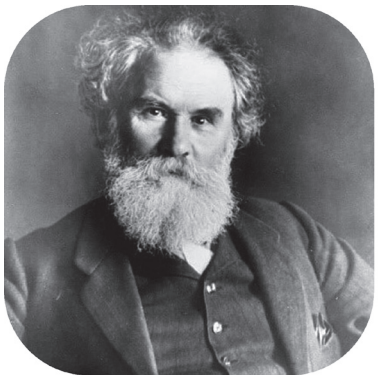
2. Как вы думаете, правильно ли поступила Луэлла Джонс, что не отдала мальчика на поруки полиции? Почему вы так считаете? Как бы вы поступили на месте женщины?

3. Чтение по ролям. Выберите понравившийся момент рассказа и отрепетируйте со своим одноклассником его художественное чтение по ролям. Объясните, почему вы выбрали именно этот момент.

4. Кластер. Разбейтесь на группы. Каждая группа составляет свой кластер. Напишите в середине листа ключевое слово, которое отражает идею рассказа, а вокруг него слова-«спутники» и предложения из текста, которые подтверждают эту идею. Сравните результаты всех групп и обсудите их. Будьте вежливы, уважайте чужую точку зрения.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО

Годы жизни	1853–1921
Род деятельности	прозаик, журналист, редактор
Направление	реализм
Уникальность	делал акцент на то, что помощь оказывается делом, а не словами.
Визитная карточка	«Дети подземелья» (повесть, 1885) «Слепой музыкант» (повесть, 1886) «Лес шумит» (рассказ, 1886)



Про этого писателя говорили, что его лучшим произведением было само его существование. Владимир Короленко всю свою жизнь выступал защитником бедных людей, спас многих людей от несправедливых наказаний. За это его очень любили крестьяне. А однажды ликующая толпа на руках отнесла повозку вместе с писателем к его гостинице. За свою литературную и публицистическую деятельность Владимир Короленко получил звание почётного члена Академии наук. Кроме того, в его честь была названа одна из малых планет, находящаяся в главном поясе астероидов между Марсом и Юпитером, – (3835) Короленко.

Свой творческий путь Владимир Короленко начал как журналист. Он не боялся писать статьи и очерки о проблемах, которые видел вокруг. Но формат статьи не мог отразить все внутренние переживания писателя, поэтому он обратился к литературе. Многие его рассказы, такие как «В дурном обществе», «Слепой музыкант», «Сон Макара» помогли писателю глубже понять душу человека, всю его сложность и противоречивость. При этом писатель показывает, что любой конфликт можно решить путём открытого диалога.

Владимир Короленко очень ярко показывает становление личности в проблемной ситуации. Например, в повести «Слепой музыкант» уже само название показывает, что главный герой отличается от большинства людей. Но работа над собой и поддержка семьи и окружающих позволили мальчику Пете добиться цели – стать музыкантом. А в повести «Дети подземелья» рассказывается о том, что не важно, бедный ты или богатый. Главное, сделать правильный выбор – всегда оставаться честным и добрым человеком.

СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

(в сокращении)

Глава первая

I

Ребёнок родился в богатой семье Юго-Западного края в глухую полночь. Молодая мать лежала в глубоком забытьи, но, когда в комнате раздался первый крик новорождённого, тихий и жалобный, она заметалась с закрытыми глазами в своей постели. Её губы шептали что-то, и на бледном лице с мягкими, почти детскими ещё чертами появилась гримаса нетерпеливого страдания, как у балованного ребёнка, испытывающего непривычное горе.

Бабка наклонилась ухом к её что-то тихо шептавшим губам.

– Отчего… отчего это он? – спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребёнок опять закричал. По лицу больной пробежало отражение острого страдания, и из закрытых глаз скользнула крупная слеза.

– Отчего, отчего? – по-прежнему тихо шептали её губы.

На этот раз бабка поняла вопрос и спокойно ответила:

– Вы спрашиваете, отчего ребёнок плачет? Это всегда так бывает, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каждый раз при новом крике ребёнка и все повторяла с гневным нетерпением:

– Отчего… так… так ужасно?

Бабка не слыхала в крике ребёнка ничего особенного и, видя, что мать и говорит точно в смутном забытьи и, вероятно, просто бредит, оставила её и занялась ребёнком.

Юная мать смолкла, и только по временам какое-то тяжёлое страдание, которое не могло прорваться наружу движением или словами, выдавливало из её глаз крупные слезы. Они просачивались сквозь густые ресницы и тихо катились по бледным, как мрамор, щекам.

Быть может, сердце матери почуяло, что вместе с новорождённым ребёнком явилось на свет тёмное, неисходное горе, которое нависло над колыбелью, чтобы сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Может быть, впрочем, что это был и действительный бред. Как бы то ни было, ребёнок родился слепым.

IV

Ребёнок родился слепым. Кто виноват в его несчастии? Никто! Тут не только не было и тени чьей-либо «злой воли», но даже самая причина несчастия скрыта где-то в глубине таинственных и сложных процессов жизни. А между тем при всяком взгляде на слепого мальчика сердце матери сжималось от острой боли. Конечно, она страдала в этом случае, как мать, отражением сыновнего недуга и мрачным предчувствием тяжёлого будущего, которое ожидало её ребёнка; но, кроме этих чувств, в глубине сердца молодой женщины щемило также сознание, что причина несчастия лежала

? Почему говорят, что рождение ребёнка – это счастье? А почему рождение слепого ребёнка все воспринимают как горе?

в виде грозной возможности в тех, кто дал ему жизнь… Этого было достаточно, чтобы маленькое существо с прекрасными, но незрячими глазами стало центром семьи, бессознательным деспотом, с малейшей прихотью которого сообразовалось всё в доме.

Неизвестно, что вышло бы со временем из мальчика, предрасположенного к беспредметной озлобленности своим несчастием, и в котором всё окружающее стремилось развить эгоизм, если бы странная судьба и австрийские сабли не заставили дядю Максима поселиться в деревне, в семье сестры.

Постепенно мальчик привыкал к окружающим звукам, а когда научился говорить, стал жадно расспрашивать маму и дядю обо всех предметах и животных. Петрика очень интересовало, как они выглядят? Дядя Максим пришёл к выводу, что слепота мальчика – не простая случайность, она дана ребёнку для реализации необыкновенных способностей, в скором времени будет понятно каких. В пять лет Петрик уже достаточно хорошо ориентировался в своём доме. Со стороны сложно было даже предположить, что ребёнок ничего не видит. Могло лишь показаться, что мальчик более сосредоточен, чем другие дети.

Глава третья

I

Благодаря режиму, который был заведён по плану Максима, слепой во всём, где это было возможно, был предоставлен собственным усилиям, и это принесло самые лучшие результаты. В доме он не казался вовсе беспомощным, ходил всюду очень уверенно, сам убирал свою комнату, держал в известном порядке свои игрушки и вещи. Кроме того, насколько это было ему доступно, Максим обращал внимание на физические упражнения: у мальчика была своя гимнастика, а на шестом году Максим подарил племяннику небольшую и смирную лошадку. Мать сначала не могла себе представить, чтоб её слепой ребёнок мог ездить верхом, и она называла затею брата чистым безумием. Но инвалид пустил в дело всё свое влияние, и через два-три месяца мальчик весело скакал в седле рядом с Иохимом, который командовал только на поворотах.

II

Это увлечение музыкой стало центром его умственного роста; оно заполняло и разнообразило его существование. Максим пользовался им, чтобы знакомить мальчика с историей его страны, и вся она прошла перед воображением слепого, сплетённая из звуков. Заинтересованный песней, он знакомился с её героями, с их судьбой, с судьбой своей родины. Отсюда начался интерес к литературе, и на девятом году Максим приступил к первым урокам. Умелые уроки Максима (которому пришлось изучить для этого специальные приемы обучения слепых) очень нравились мальчику. Они вносили в его настроение новый элемент – определённость и ясность, уравновешивавшие смутные ощущения музыки.

Таким образом день мальчика был заполнен, нельзя было пожаловаться на скудость получаемых им впечатлений. Казалось, он жил полною жизнью, насколько это возможно для ребёнка. Казалось также, что он не сознаёт и своей слепоты. А между тем какая-то странная, недетская грусть всё-таки сквозила в его характере. Максим приписывал это недостатку детского общества и старался пополнить этот недостаток.

Деревенские мальчики, которых приглашали в усадьбу, дичились и не

могли свободно развернуться. Кроме непривычной обстановки, их немало смущала также и слепота «панича». Они пугливо посматривали на него и, сбившись в кучу, молчали или робко перешёптывались друг с другом. Когда же детей оставляли одних в саду или в поле, они становились развязнее и затевали игры, но при этом оказывалось, что слепой как-то оставался в стороне и грустно прислушивался к весёлой возне товарищей.

По временам Иохим собирал ребят вокруг себя в кучу и начинал рассказывать им весёлые присказки и сказки. Деревенские ребята, отлично знакомые и с глуповатым хохлацким чёртом, и с плутовками-ведьмами, пополняли эти рассказы из собственного запаса, и вообще эти беседы шли очень оживлённо. Слепой слушал их с большим вниманием и интересом, он сам смеялся редко. По-видимому, юмор живой речи в значительной степени оставался для него недоступным, и не мудрено: он не мог видеть ни лукавых огоньков в глазах рассказчика, ни смеющихся морщин, ни подергивания длинными усами.

[Вскоре в имении, которое было расположено по соседству, поселилась чета Яскульских. Их девочка Эвелина была почти одних лет с Петей. Она большую часть времени проводила в уединении, вела себя здраво и рассудительно, как взрослая женщина. Первое знакомство Эвелины с Петриком у реки получилось неудачным. Мальчик не любил, когда кто-то внезапно нарушал его одиночество, и прогнал Эвелину. Однако через несколько дней дети встретились вновь. На этот раз у них завязался разговор. Во время общения Петя стал ощупывать лицо Эвелины руками. Девочку это напугало. Она поняла, что её новый знакомый ничего не видит. На следующий день Эвелина сама пришла в гости к Петрику. С тех пор дети стали дружить и вместе заниматься под руководством дяди Максима.

Прошло ещё несколько лет. Эвелина и Пётр стали уже молодыми людьми, им хотелось каких-то новых впечатлений, но жизнь в усадьбе была скучной и однообразной. Чувствовал это и дядя Максим. Чтобы как-то развеять скуку, он пригласил в гости своего старого товарища Ставрученко, который жил в семидесяти вёрстах от их усадьбы. Ставрученко приехал в гости с сыновьями-студентами. Молодые люди живо обсуждали различные вопросы, много внимания уделяли Эвелине, а вот Петра вроде и не замечали. Такое отношение больно ранило самолюбие слепого юноши, но он долгое время старался не подавать виду. Однако во время одной беседы Петру стало совсем тоскливо и одиноко, он встал и куда-то ушёл].

Глава пятая
VIII

В дальнем конце сада стояла старая, заброшенная мельница. Колёса давно уже не вертелись, валы обросли мхом, и сквозь старые шлюзы просачивалась вода несколькими тонкими, неумолчно звеневшими струйками. Это было любимое место слепого. Здесь он просиживал целые часы на парапете плотины, прислушиваясь к говору сочившейся воды, и умел прекрасно передавать на фортепиано этот говор. Но теперь ему было не до того… Теперь он быстро ходил по дорожке с переполненным горечью сердцем, с искажённым от внутренней боли лицом.

Заслышав лёгкие шаги девушки, он остановился. Эвелина положила ему на плечо руку и спросила серьёзно:

– Скажи мне, Пётр, что это с тобой? Отчего ты такой грустный?

Быстро повернувшись, он опять зашагал по дорожке. Девушка пошла с ним рядом.

Она поняла его резкое движение и его молчание и на минуту опустила голову. Она даже не заметила его ухода, а кто знает, какими долгими показались ему эти минуты одинокого горя…

Эти мысли прошли в голове молодой девушки, пока она ходила рядом с Петром по аллее. Никогда ещё не было так трудно заговорить с ним, овладеть его настроением. Однако она чувствовала, что её присутствие понемногу смягчает его мрачное раздумье.

– Что с тобой? – повторила она свой вопрос.

– Ничего особенного, – ответил он с горечью. – Мне только кажется, что я совсем лишний на свете.

Парапет – ограда, перила.

Песня около дома на время смолкла, и через минуту послышалась другая. Она доносилась чуть слышно, теперь студент пел старую «думу», подражая тихому напеву бандуристов. Иногда голос, казалось, совсем смолкал, воображением овладевала смутная мечта, и затем тихая мелодия опять пробивалась сквозь шорох листьев…

Пётр невольно остановился, прислушиваясь.

– Знаешь, – заговорил он грустно, – мне кажется иногда, что старики правы, когда говорят, что на свете становится с годами всё хуже. В старые годы было лучше даже слепым. Вместо фортепиано тогда бы я выучился играть на бандуре и ходил бы по городам и сёлам… Ко мне собирались бы толпы людей, и я пел бы им о делах их отцов, о подвигах и славе. Тогда и я был бы чем-нибудь в жизни. А теперь? Даже этот кадетик с таким резким голосом, и тот, – ты слышала? – говорит: жениться и командовать частью. Над ним смеялись, а я… а мне даже и это недоступно.

Голубые глаза девушки широко открылись от испуга, и в них сверкнула слеза.

– Это ты наслушался речей молодого Ставрученка, – сказала она в смущении, стараясь придать голосу тон беззаботной шутки.

– Да, – задумчиво ответил Пётр и прибавил: – У него очень приятный голос. Красив он?

– Да, он хороший, – задумчиво подтвердила Эвелина, но вдруг, как-то гневно спохватившись, прибавила резко: – Нет, он мне вовсе не нравится! Он слишком самоуверен, и голос у него неприятный и резкий.

Пётр выслушал с удивлением эту гневную вспышку. Девушка топнула ногой и продолжала:

– И все это глупости! Это всё, я знаю, подстраивает Максим. О, как я ненавижу теперь этого Максима.

– Что ты это, Веля? – спросил удивлённо слепой. – Что подстраивает?

– Ненавижу, ненавижу Максима! – упрямо повторяла девушка. – Он со своими расчётами истребил в себе всякие признаки сердца… Не говори, не говори мне о них… И откуда они присвоили себе право распоряжаться чужою судьбой?

Она вдруг порывисто остановилась, сжала свои тонкие руки, так что на них хрустнули пальцы, и как-то по-детски заплакала.

Слепой взял её за руки с удивлением и участием. Эта вспышка со стороны его спокойной и всегда выдержанной подруги была так неожиданна и необъяснима! Он прислушивался одновременно к её плачу и к тому странному отголоску, каким отзывался этот плач в его собственном сердце. Ему вспомнились давние годы. Он сидел на холме с такою же грустью, а она плакала над ним так же, как и теперь…

Но вдруг она высвободила руку, и слепой опять удивился: девушка смеялась.

– Какая я, однако, глупая! И о чём это я плачу?

Она вытерла глаза и потом заговорила растроганным и добрым голосом:

– Нет, будем справедливы: оба они хорошие!.. И то, что он говорил сейчас, – хорошо. Но ведь это же не для всех.

– Для всех, кто может, – сказал слепой.

– Какие пустяки! – ответила она ясно, хотя в её голосе вместе с улыбкой слышались ещё недавние слезы. – Ведь вот и Максим воевал, пока мог, а теперь живёт как может. Ну, и мы…

– Не говори: мы! Ты – совсем другое дело…

– Нет, не другое.

– Почему?

– Потому что… Ну да потому, что ведь ты на мне женишься, и, значит, наша жизнь будет одинакова.

Пётр остановился в изумлении.

– Я?.. На тебе?.. Значит, ты за меня… замуж?

– Ну да, ну да, конечно! – ответила она с торопливым волнением. – Какой ты глупый! Неужели тебе никогда не приходило это в голову? Ведь это же так просто! На ком же тебе и жениться, как не на мне?

– Конечно, – согласился он с каким-то странным эгоизмом, но тотчас спохватился. – Послушай, Веля, – заговорил он, взяв её за руку. – Там сейчас говорили: в больших городах девушки учатся всему, перед тобой тоже могла бы открыться широкая дорога… А я…

– Что же ты?

– А я… слепой! – закончил он совершенно нелогично.

И опять ему вспомнилось детство, тихий плеск реки, первое знакомство с Эвелиной и её горькие слезы при слове «слепой»… Инстинктивно почувствовал он, что теперь опять причиняет ей такую же рану, и остановился. Несколько секунд стояла тишина, только вода тихо и ласково звенела в шлюзах. Эвелины совсем не было слышно, как будто она исчезла. По её лицу действительно пробежала судорога, но девушка овладела собой, и, когда она заговорила, голос её звучал беспечно и шутливо.

– Так что же, что слепой? – сказала она. – Но ведь если девушка полюбит слепого, так и выходить надо за слепого… Это уж всегда так бывает, что же нам делать?

– Полюбит… – сосредоточенно повторил он, и брови его сдвинулись, он вслушивался в новые для него звуки знакомого слова. – Полюбит? – переспросил он с возрастающим волнением.

– Ну да! Ты и я, мы оба любим друг друга… Какой ты глупый! Ну, подумай сам: мог ли бы ты остаться здесь один, без меня?..

Лицо его сразу побледнело, и незрячие глаза остановились, большие и неподвижные.

Было тихо; только вода всё говорила о чём-то, журча и звеня. Временами казалось, что этот говор ослабевает и вот-вот стихнет, но тотчас же он опять повышался и опять звенел без конца и перерыва. Густая черёмуха шептала тёмною листвой; песня около дома смолкла, но зато над прудом соловей заводил свою…

– Я бы умер, – сказал он глухо.

Её губы задрожали, как в тот день их первого знакомства, и она сказала с трудом, слабым, детским голосом:

– И я тоже… без тебя одна… в далёком свете…

Он не противился и, опустив её, вздохнул полною грудью. Он слышал, как она оправляет свои волосы. Его сердце билось сильно, но ровно и приятно; он чувствовал, как горячая кровь разносит по всему телу какую-то новую сосредоточенную силу. Когда через минуту она сказала ему обычным тоном: «Ну, теперь вернемся к гостям», он с удивлением вслушивался в этот милый голос, в котором звучали совершенно новые ноты.

IX

Гости и хозяева собрались в маленькой гостиной; недоставало только Петра и Эвелины. Максим разговаривал со своим старым товарищем, молодые люди сидели молча у открытых окон; в небольшом обществе господствовало то особенное тихое настроение, в глубине которого ощущается какая-то не для всех ясная, но всеми сознаваемая драма. Отсутствие Эвелины и Петра было как-то особенно заметно. Максим среди разговора кидал короткие выжидающие взгляды по направлению к дверям. Анна Михайловна с грустным и как будто виноватым лицом явно старалась быть внимательною и любезною хозяйкой, и только один пан Попельский, значительно округлевший и, как всегда, благодушный, дремал на своём стуле в ожидании ужина.

Когда на террасе, которая вела из сада в гостиную, раздались шаги, все глаза повернулись туда. В тёмном четырехугольнике широких дверей показалась фигура Эвелины, а за нею тихо подымался по ступенькам слепой.

Молодая девушка почувствовала на себе эти сосредоточенные, внимательные взгляды, однако это её не смутило. Она прошла через комнату своею обычною ровною поступью и только на одно мгновение, встретив короткий из-под бровей взгляд Максима, она чуть-чуть улыбнулась, и её глаза сверкнули вызовом и усмешкой. Пани Попельская вглядывалась в своего сына.

Молодой человек, казалось, шёл вслед за девушкой, не сознавая хорошо, куда она ведет его. Когда в дверях показалось его бледное лицо и тонкая фигура, он вдруг приостановился на пороге этой освещённой комнаты. Но затем он перешагнул через порог и быстро, хотя с тем же полурассеянным, полусосредоточенным видом, подошёл к фортепиано.

Хотя музыка была обычным элементом в жизни тихой усадьбы, но вместе с тем это был элемент интимный, так сказать, чисто домашний. В те дни, когда усадьба наполнялась говором и пением приезжей молодёжи, Пётр ни разу не подходил к фортепиано, на котором играл лишь старший из сыновей Ставрученка, музыкант

по профессии. Это воздержание делало слепого ещё более незаметным в оживлённом обществе, и мать с сердечной болью следила за тёмной фигурой сына, терявшегося среди общего блеска и оживления. Теперь, в первый ещё раз, Пётр смело и как будто даже не вполне сознательно подходил к своему обычному месту… Казалось, он забыл о присутствии чужих. Впрочем, при входе молодых людей в гостиной стояла такая тишина, что слепой мог считать комнату пустою…

Открыв крышку, он слегка тронул клавиши и пробежал по ним несколькими быстрыми лёгкими аккордами. Казалось, он о чём-то спрашивал не то у инструмента, не то у собственного настроения.

Потом, вытянув на клавишах руки, он глубоко задумался, и тишина в маленькой гостиной стала ещё глубже.

Ночь глядела в чёрные отверстия окон; кое-где из сада заглядывали с любопытством зелёные группы листьев, освещённых светом лампы. Гости, подготовленные только что смолкшим смутным рокотом пианино, отчасти охваченные веянием странного вдохновения, витавшего над бледным лицом слепого, сидели в молчаливом ожидании.

А Пётр все молчал, приподняв кверху слепые глаза, и всё будто прислушивался к чему-то. В его душе подымались, как расколыхавшиеся волны, самые разнообразные ощущения. Прилив неведомой жизни подхватывал его, как подхватывает волна на морском берегу долго и мирно стоявшую на песке лодку… На лице виднелось удивление, вопрос, и ещё какое-то особенное возбуждение проходило по нему быстрыми тенями. Слепые глаза казались глубокими и тёмными.

Глава седьмая
II

В той самой комнате, где некогда родился Пётр, стояла тишина, среди которой раздавался только всхлипывающий плач ребёнка. Со времени его рождения прошло уже несколько дней, и Эвелина быстро поправлялась. Но зато Пётр все эти дни казался подавленным сознанием какого-то близкого несчастья.

Приехал доктор. Взяв ребёнка на руки, он перенёс и уложил его поближе к окну. Быстро отдёрнув занавеску, он пропустил в комнату луч яркого света и наклонился над мальчиком со своими инструментами. Пётр сидел тут же с опущенной головой, всё такой же подавленный и безучастный. Казалось, он не придавал действиям доктора ни малейшего значения, предвидя вперёд результаты.

– Он, наверное, слеп, – твердил он. – Ему не следовало бы родиться.

Молодой доктор не отвечал и молча продолжал свои наблюдения. Наконец он положил офтальмоскоп, и в комнате раздался его уверенный, спокойный голос:

– Зрачок сокращается. Ребёнок видит несомненно.

Пётр вздрогнул и быстро стал на ноги. Это движение показывало, что он слышал слова доктора, но, судя по выражению его лица, он как будто не понял их значения. Опершись дрожащею рукой на подоконник, он застыл на месте с бледным, приподнятым кверху лицом и неподвижными чертами.

До этой минуты он находился в состоянии странного возбуждения. Он будто не чувствовал себя, но вместе с тем все фибры в нём жили и трепетали от ожидания.

Он сознавал темноту, которая его окружала. Он её выделил, чувствовал

её вне себя, во всей её необъятности. Она надвигалась на него, он охватывал её воображением, как будто меряясь с нею. Он вставал ей навстречу, желая защитить своего ребёнка от этого необъятного, колеблющегося океана непроницаемой тьмы.

И пока доктор в молчании делал свои приготовления, он всё находился в этом состоянии. Он боялся и прежде, но прежде в его душе жили ещё признаки надежды. Теперь страх, томительный и ужасный, достиг крайнего напряжения, овладев возбуждёнными до последней степени нервами, а надежда замерла, скрывшись где-то в глубоких тайниках его сердца. И вдруг эти два слова: «Ребёнок видит!» – перевернули его настроение. Страх мгновенно схлынул, надежда так же мгновенно превратилась в уверенность, осветив чутко приподнятый душевный строй слепого. Это был внезапный переворот, настоящий удар, ворвавшийся в тёмную душу поражающим, ярким, как молния, лучом. Два слова доктора словно прожгли в его мозгу огненную дорогу… Будто искра вспыхнула где-то внутри и осветила последние тайники его организма… Все в нём дрогнуло, и сам он задрожал, как дрожит туго натянутая струна под внезапным ударом.

И вслед за этой молнией перед его потухшими ещё до рождения глазами вдруг зажглись странные призраки. Были ли это лучи или звуки, он не отдавал себе отчёта. Это были звуки, которые оживали, принимали формы и двигались лучами. Они сияли, как купол небесного свода, они катились, как яркое солнце по небу, они волновались, как волнуется шёпот и шелест зелёной степи, они качались, как ветви задумчивых буков.

Это было только первое мгновение, и только смешанные ощущения этого мгновения остались у него в памяти. Всё остальное он впоследствии забыл. Он только упорно утверждал, что в эти несколько мгновений он видел.

Что именно он видел, и как видел, и видел ли действительно, – осталось совершенно неизвестным. Многие говорили ему, что это невозможно, но он стоял на своём, уверяя, что видел небо и землю, мать, жену и Максима.

В течение нескольких секунд он стоял с приподнятым кверху и просветлевшим лицом. Он был так странен, что все невольно обратились к нему, и кругом всё смолкло. Всем казалось, что человек, стоявший среди комнаты, был не тот, которого они так хорошо знали, а какой-то другой, незнакомый. А тот, прежний, исчез, окружённый внезапно опустившеюся на него тайной.

И он был с этою тайной наедине несколько кратких мгновений… Впоследствии от них осталось только чувство какого-то удовлетворения и странная уверенность, что тогда он видел.

Могло ли это быть на самом деле?

Он помнил только, как на него спустилась эта тайна и как она его оставила. В это последнее мгновение образы-звуки сплелись и смешались, звеня и колеблясь, дрожа и смолкая, как дрожит и смолкает упругая струна: сначала выше и громче, потом все тише, чуть слышно… казалось, что-то скатывается по гигантскому радиусу в беспросветную тьму…

Вот оно скатилось и смолкло.

Тьма и молчание… Какие-то смутные призраки пытаются ещё возродиться из глубокого мрака, но они не имеют уже ни формы, ни тона, ни цвета… Только где-то далеко, внизу, зазвенели переливы гаммы, пёстрыми рядами прорезали тьму и тоже скатились в пространство.

Тогда вдруг внешние звуки достигли его слуха в своей обычной форме. Он будто проснулся, но все ещё стоял, озарённый и радостный, сжимая руки матери и Максима.

– Что это с тобой? – спросила мать встревоженным голосом.

– Ничего… мне кажется, что я… видел вас всех. Я ведь… не сплю?

– А теперь? – взволнованно спросила она. – Помнишь ли ты, будешь ли помнить?

Слепой глубоко вздохнул.

– Нет, – ответил он с усилием. – Но это ничего, потому что… Я отдал всё это… ему… ребёнку и… и всем…

Он пошатнулся и потерял сознание. Его лицо побледнело, но на нём все ещё блуждал отблеск радостного удовлетворения.

ЭПИЛОГ

Прошло три года.

Многочисленная публика собралась в Киеве, во время «Контрактов», слушать оригинального музыканта. Он был слеп, но молва передавала чудеса об его музыкальном таланте и о его личной судьбе. Говорили, будто в детстве он был похищен из зажиточной семьи бандой слепцов, с которыми бродил, пока известный профессор не обратил внимания на его замечательный музыкальный талант. Другие передавали, что он сам ушёл из семьи к нищим из каких-то романтических побуждений. Как бы то ни было, контрактовая зала была набита битком, и сбор (имевший неизвестное публике благотворительное назначение) был полный.

В зале настала глубокая тишина, когда на эстраде появился молодой человек с красивыми большими глазами и бледным лицом. Никто не признал бы его слепым, если б эти глаза не были так неподвижны и если б его не вела молодая белокурая дама, как говорили, жена музыканта.

– Не мудрено, что он производит такое потрясающее впечатление, – говорил в толпе какой-то зоил своему соседу. – У него замечательно драматическая наружность.

Зоил – злой, придирчивый критик.

«Он прозрел, да, это правда, – он прозрел», – думал Максим.

Среди яркой и оживлённой мелодии, счастливой и свободной, как степной ветер, и, как он, беззаботной, среди пёстрого и широкого гула жизни, среди то грустного, то величавого напева народной песни всё чаще, всё настойчивее и сильнее прорывалась какая-то за душу хватающая нота.

«Так, так, мой мальчик, – мысленно ободрял Максим, – настигай их среди веселья и счастья…»

Через минуту над заколдованной толпой в огромной зале, властная и захватывающая, стояла уже одна только песня слепых…

Но это уже была не просьба о милостыне и не жалкий вопль, заглушаемый шумом улицы. В ней было всё то, что было и прежде, когда, под её влиянием, лицо Петра искажалось и он бежал от фортепиано, не в силах бороться с её разъедающей болью. Теперь он одолел её в своей душе и побеждал души этой толпы глубиной и ужасом жизненной правды… Это была тьма на фоне яркого света, напоминание о горе среди полноты счастливой жизни…

Максим опустил голову и думал: «Да, он прозрел… На место слепого и неутомимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных…»

И старый солдат все ниже опускал голову. Вот и он сделал своё дело, и он недаром прожил на свете, ему говорили об этом полные силы властные звуки, стоявшие в зале, царившие над толпой… Так дебютировал слепой музыкант.

?

Задания:

1. Как вы думаете, какую роль сыграл дядя Максим в жизни Петра? Найдите фразы в тексте, подтверждающие ваши мысли.

2. Выберите в тексте фрагмент, который запал вам в душу, и напишите письмо главному герою со словами поддержки, включая выражения: «Я восхищаюсь тем, …», «Хочу сказать Вам…», «Мне так понравилось, …» и пр.

Работа в классе

1. Разбейтесь на пары. Один учащийся должен закрыть глаза, а второй сказать какое-либо одно слово или одну фразу с разными эмоциями:

- С позитивными – с восторгом, с благодарностью, с радостью;
- С негативными – с тревогой, с испугом, с досадой;
- С нейтральными – с любопытством, с безразличием, с удивлением.

Какие эмоции вам было трудно определить с закрытыми глазами, а какие легко? Поменяйтесь ролями.

2. Вспомните свои привычные действия в течение дня и сосчитайте количество тех, при выполнении которых вы используете зрение. Есть ли у вас знакомые, которые, как и герой повести Пётр, слепы? Как вы думаете, каким образом можно сделать их жизнь проще?

МИР ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Литература – это огромная планета, где живут разные книги. Это и исторические, и философские, и документальные, и приключенческие, и фантастические произведения. Художественные тексты, в которых излагаются необычайные происшествия, захватывающие события из жизни героев, относят к **приключенческой литературе.**

Герои таких произведений смело ввязываются в авантюры, отважно сражаются со злом, защищают слабых. Они – мечтатели и смело идут за своей мечтой. При этом герои всегда способны найти выход из трудных и сложных ситуаций. Читать такие книги очень интересно. Например, произведение Марка Твена «Приключения Тома Сойера» – захватывающий роман о смелом мальчишке-романтике. Или произведение Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан» – роман, наполненный таинственными событиями, увлекательными загадками и тайнами.

Весьма близки к приключенческой литературе жанры **фантастики и фэнтези.** Отличие этих двух жанров состоит в том, что фантастика – плод человеческой мечты об удивительных научных открытиях и изобретениях, а фэнтези основана на сказках и мифах. В любом случае, оба жанра повествуют о событиях, явлениях, героях, которые не существуют в реальном мире. Так, роман Александра Беляева «Человек-амфибия» рассказывает о герое, которому хирург, чтобы спасти мальчика от смерти, пересадил жабры акулы, и тот мог жить под водой. Или цикл фэнтезийных повестей Клайва Льюиса «Хроники Нарнии» рассказывает о приключениях детей в волшебной стране, где животные умеют разговаривать, миром правит магия и добро борется со злом.

Большую популярность среди читателей имеют и **детективы**, где исследуются загадочные происшествия и преступления. В таких книгах сыщик ведет расследование, ищет виновников случившегося либо преступника. Загадки в детективных произведениях всегда разгадываются, зло наказывается, справедливость торжествует. Например, в книге датской писательницы Энид Блайтон «Пять юных сыщиков и пёс-детектив» есть всё: загадки, тайные сообщества, заброшенные особняки, спрятанные сокровища и, конечно, верные друзья.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Годы жизни	1828–1905
Род деятельности	писатель-фантаст, драматург, географ
Направление	фантастика, приключения
Уникальность	предсказал множество технологических открытий XX века.
Визитная карточка	«Дети капитана Гранта» (роман, 1867) «Вокруг света за 80 дней» (роман, 1872) «Робур-завоеватель» (роман, 1886)

Выдающийся писатель-новатор, создатель научной фантастики Жюль Верн должен был выбрать карьеру юриста, но победила тяга к приключениям и литературе. Когда Жюлю Верну исполнилось 22 года, его пьесу «Сломанные соломинки» поставили в Историческом театре – театре для постановок французских героических драм в Париже. С тех пор молодой писатель забыл о юриспруденции и стал творить.

Настоящим открытием французской литературы XIX века, безусловно, стоит считать появившийся в 1851 году рассказ Жюля Верна «Путешествие на воздушном шаре». Так во французскую литературу вошёл приключенческий жанр.

Заключив договор с издательством, Жюль Верн один за другим публикует романы «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие к центру Земли», «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «С Земли на Луну прямым путём за 97 часов 20 минут», «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан» и много других романов, которые публиковались в «Журнале для образования и отдыха» под циклом «Необыкновенные путешествия». Всего в цикл вошло 68 романов и рассказов писателя.

В основе многих произведений Жюля Верна лежит личный опыт, накопленный за годы странствий по миру. Писатель совершал морские и сухопутные путешествия по США и странам Европы. Но в отличие от трудностей, с которыми сталкиваются реальные путешественники, трудности в романах писателя герои решали при помощи смекалки и удивительных изобретений, многие из которых спустя полвека были воплощены учёными в реальность.

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН
(отрывок)

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА ПЕРВАЯ. ШХУНА-БРИГ «ПИЛИГРИМ»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57′ южной широты и 165°19′ западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях. «Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль. Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые тёплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблём. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчёт и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим». Шхуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в её трюмах оставалось ещё много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелёгким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промышлять полосатиками, охота на которых представляет немалую опасность.

Широта и долгота – это географические координаты любой точки Земного шара, которыми пользуются путешественники.

Кампания – (здесь) период плавания.

Ворвань – жидкий жир, который добывают из сала морских млекопитающих.

Полосатик – род семейства полосатиковых китов.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты – если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твёрдо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс. «Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда – сборище довольно тёмных личностей – вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон. Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг не добрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда ещё результаты промысла не были столь плачевны. Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел. Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополна нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», её пятилетний сын Джек и её родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде. Прошло три месяца, три тяжких месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришёл в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло

сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папеэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить её в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан – старухой негритянкой, которая вынянчила ещё самоё миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было ещё благоприятно по обе стороны экватора. Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок – пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна. Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надёжный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился – надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решилась совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать её. Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу – таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных учёных, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

Жорж Кювье **–** французский натуралист, который предложил классификацию животного мира на позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых животных, которая впоследствии устарела.

Мшанки – беспозвоночные животные, которые живут в воде колониями.

Моллюски, мягкотелые **–** тип беспозвоночных животных, к которому относятся улитки, слизни, устрицы, осьминоги и т. п.

Сяжка – усики на голове у насекомых.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть – естественная история – поглощала его целиком. Сказать «естественная история» – это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом. Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова – кем-то вроде Кювье Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырёх типов – позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный учёный разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырёх типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб? Нет и нет! Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны? Тоже нет! Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жёг керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта. А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение. Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви. Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского жёлудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела – голова, грудь и брюшко – и которые снабжены одной парой сяжков и тремя парами ног, почему их и назвали шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Капитан Сэнд

[Почти вся команда корабля погибла во время охоты на кита. Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, корабль, лишившийся капитана и матросов, должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений].

На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!.. На борту судна находились пассажиры – мать с малым ребёнком, их присутствие ещё более осложняло положение. Правда, было ещё пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил как отца. Потом он обвёл взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает всё, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и её сын были бы в безопасности, и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода. Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают ещё далеко, занятые промыслом. Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашая свое положение. Дик глубоко задумался: какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

– Вы хотите поговорить со мной? – спросил Дик Сэнд.

– Нет, – холодно ответил кок. – Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

– Вы же знаете, что они погибли! – воскликнул Дик.

– Кто же теперь командир судна? – нагло спросил Негоро.

– Я! – не колеблясь, ответил Дик Сэнд.

– Вы?! – Негоро пожал плечами. – Пятнадцатилетний капитан!

? Попробуйте объяснить, почему решение стать капитаном судна далось Дику с трудом? Обоснуйте своё мнение.

– Да, пятнадцатилетний капитан! – ответил Дик, наступая на него.

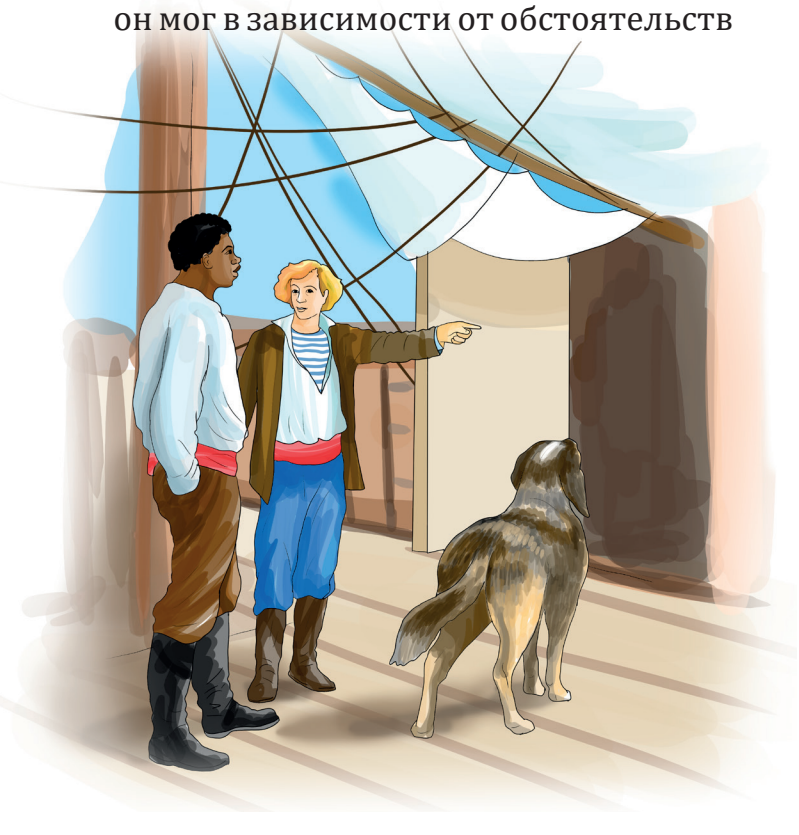
Негоро попятился.

– На «Пилигриме» есть капитан, – сказала миссис Уэлдон. – Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки. Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от неё уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств



ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Ещё года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном – прибором, при помощи которого капитан Гуль ежедневно измерял высоту светил, а по ней определял широту судна. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он высчитывал бы долготу по часовому углу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками – звёзды, ежедневно докладывали бы ему о пройденном расстоянии. По астрономическим наблюдениям он мог бы ежедневно, как это делал капитан Гуль, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс судна и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями бортового прибора для определения скорости хода судна с поправками, вызванными дрейфом.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла всё, что творилось в душе отважного юноши.

– Спасибо, Дик! – сказала она недрогнувшим голосом. – Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасёшь корабль и всех нас! Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет

теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт – вот куда ты должен вести судно!

– Конечно, миссис Уэлдон, – ответил Дик. – Но тревожьтесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

– В какой стороне он находится? – спросила миссис Уэлдон.

– Вон там… – сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

– Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придёт ли судно в Вальпараисо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель – добраться до суши!

– И мы доберемся до неё, миссис Уэлдон! – уверенно ответил юноша. – Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберёмся до берега.

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения. Дик уже собирался созвать своих спутников, чтобы поставить паруса и стать самому за штурвал, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим». Действительно, это была первоочередная задача. Дик сбегал в каюту капитана Гуля и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог показать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35′ южной широты и 164°13′ западной долготы – за истекшие сутки он почти не двинулся с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневое пятно, изображавшее землю, по правую сторону океана. Это был материк Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где умещался не только южноамериканский континент, но и весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед её глазами. Между тем, если бы «Пилигрим» был изображен на этом листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, оказалась бы такой же одинокой и затерянной на карте, каким был и «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

Дик был иного мнения, чем миссис Уэлдон. Он знал, что земля далеко, что много сотен миль отделяют её от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность за судьбы людей преобразила Дика во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться попутным северо-западным ветром, который с каждым часом становился все свежее. Перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что ветер не скоро спадет.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

– Друзья мои, – сказал он, – на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Если вы не пожалеете труда, мы сумеем управлять «Пилигримом». От этого зависит наше спасение.

– Капитан Дик, – ответил Том, – мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас нет недостатка. Всё, что могут сделать пять человек под вашим командованием, мы сделаем!

– Однако мы должны соблюдать величайшую осторожность, – сказал Дик Сэнд. – Я не пойду ни на какой риск и зря не стану поднимать всех парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Такое решение диктуют нам обстоятельства. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности. Сам я буду стоять у штурвала сколько хватит сил. Время от времени я позволю себе поспать часок-другой. Но, как ни короток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Хотите, Том, я обучу вас? Не так уж трудно вести корабль по компасу. При желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

– Я готов, капитан Дик, – ответил старый негр.

– Хорошо, – сказал юноша. – Постойте до вечера со мной у штурвала, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на короткое время.

– А я? – спросил маленький Джек. – Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

– Разумеется, дорогой мальчик! – ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. – И тебя тоже научат управлять судном. Я уверена, что, когда ты будешь стоять у штурвала, уж обязательно ветер будет попутный.

– Конечно, мама, конечно! – воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. – Я тебе это обещаю!

– Да, – улыбаясь, сказал Дик, – старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Что делать?

Итак, после перехода, длившегося не менее семидесяти четырёх дней, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег и разбился о рифы.

Однако миссис Уэлдон и её спутники возблагодарили провидение, почувствовав себя бесконечно счастливыми, когда очутились на суше. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь злосчастном острове Полинезии, куда буря могла бы их забросить. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, всё равно они без особого труда возвратятся на родину.

Но «Пилигрим» погиб безвозвратно: за несколько часов прибой разбросает во все стороны его обломки. Нечего и думать о спасении груза.

Если Дику Сэнду и не удалось сберечь корабль и доставить его владельцу, все же он вправе был годиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту, и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и, если предположение Дика Сэнда окажется правильным, легко будет добраться до какого-нибудь населённого пункта.

Крутой, но не слишком высокий берег у места крушения казался пустынным… Узкая песчаная полоса была усеяна чёрными обломками скал. Кое-где в скалах зияли широкие трещины, кое-где по более отлогим местам можно было взобраться на гребень утёса. В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонились многочисленные ризофоры – разновидность магового дерева, имеющая существенные отличия от своих индийских родичей. Густой зелёный лес, начинавшийся у самого обрыва, тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришёл бы в восторг от бесконечного разнообразия древесных пород – тут росли высокие баобабы, которым раньше приписывали невероятное долголетие, а кору их сравнивали с египетским сиенитом, тут росли веерники, белые сосны, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и непривычных для американцев.

Но любопытным обстоятельством было то, что среди этих древесных пород не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару. Над берегом реяли стаи крикливых птичек – главным образом ласточек с иссиня-чёрным оперением и светло-каштановыми головками. Кое-где взлетали и куропатки – серые птицы со стройным телом и голой шейкой.

Баобаб – большое тропическое дерево с очень толстым стволом. Преимущественно произрастает в Африке и Австралии.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели тишину этого пустынного берега никогда ещё не нарушали ружейные выстрелы?

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана. Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья. Разумеется, здесь водилось также немало насекомых, представлявших интерес для кузена Бенедикта. Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег. Сообщить его название мог только какой-нибудь местный житель. А жителей-то как раз и не было. По крайней мере ни один из них не показывался.

Ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере – по ту сторону речки, ни на юге, ни в густом лесу, уходившем в глубь континента. Ничто не указывало, что этот берег когда-либо посещал человек. Дика Сэнда это очень удивляло.

– Где же мы? Куда мы попали? Неужели не найдется человек, который мог бы нам это сказать?

Но такого человека не было: если бы какой-нибудь туземец находился вблизи, Динго поднял бы тревогу. Между тем собака бегала взад и вперёд по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост. Она глухо ворчала. Её поведение казалось странным, но ясно было, что Динго не чуял ни человека, ни животного.

– Дик, посмотри-ка на Динго! – сказала миссис Уэлдон.

– Как странно! – промолвил юноша. – Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

– Действительно странно, – прошептала миссис Уэлдон.

Пора было подумать о том, что предпринять. Сначала надо было найти какой-нибудь приют, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет держать совет и наметить план дальнейших действий. Легче всего разрешился вопрос о пропитании. Кроме плодов и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться тем, что было в кладовых корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с сушёным мясом. Вода не успела еще их испортить. Маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на всё время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения! Запасы провизии были переправлены в сухое место на берегу, куда не мог достигнуть прилив. В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд попросил Геркулеса принести немного воды из речки. Силач негр принёс на плече полный бочонок. Хотя во время прилива море и заходило в устье речки, вода в ней в час отлива была пресная и вполне годная для питья. Об огне не приходилось беспокоиться: если бы понадобилось развести костёр, кругом было сколько угодно топлива – сучьев и высохших корней мангифер. Старик Том рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывавшуюся жестяную коробку с трутом. В любой момент он мог высечь искру при помощи огнива и кремня, подобранного на берегу моря. Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

Пещера была небольшая: десять – двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, но Джеку она казалась огромной. Потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться. Миссис Уэлдон и Нан с удовольствием отметили, что пещера совершенно сухая. Луна была в первой четверти, следовательно, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли дойти до подножия скал и до пещеры.

Итак, все необходимое для отдыха было налицо…

Ночью не могла заснуть лишь одна миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал надежд, которые она возлагала на него, – не принес ни безопасности для её близких, ни покоя для неё самой.

?

Задания:

1. Как вы думаете, что ожидала миссис Уэлдон и какие её надежды не оправдались? Попробуйте предположить, какие приключения ждали героев дальше.

2. Перечитайте ещё раз описание острова. Как вы думаете, куда попали герои – в Африку или в Австралию? Как вы это поняли?

3. Представьте себе, что подобная история случилась с Диком Сэндом в космосе. Какие трудности ему пришлось бы преодолеть в этом случае? Какие навыки были бы ему необходимы?

4. Отсканируйте QR-код и узнайте, какие ещё приключения ждали героев романа Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». Какие изобретения, описанные в этом романе, используются и в наше время?

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ

Годы жизни	1803–1869
Род деятельности	писатель, философ, музыкальный критик
Направление	романтизм
Уникальность	почти два века назад предсказал появление мобильных телефонов
Визитная карточка	«4338. Петербургские письма» (роман, 1935) «Русские ночи» (сборник фантастических повестей, 1844)

Владимир Федорович Одоевский – писатель и мыслитель эпохи романтизма – стремился проявить себя всесторонне. Он увлекался не только литературой, но и философией, редакторским делом, музыкальной грамотностью и общественной деятельностью. И даже по праву считается одним из основоположников русского музыкознания.

Владимир Одоевский видел прямую связь литературы с другими видами искусства, о чём не раз упоминал в разговорах со своими друзьями – писателями и музыкантами. И идеи писателя нашли отражение не только в его творчестве, но и в творчестве Александра Грибоедова, Михаила Лермонтова и других выдающихся людей того времени.

Первую писательскую славу Одоевскому принесли его «Пёстрые сказки», опубликованные в 1833 году. Сказки пришлись по душе не только литераторам, но и обычным читателям. А вышедшая через год сказка «Городок в табакерке» поставила писателя в один ряд с лучшими сказочниками всего мира. И неспроста, ведь сказки писателя были не только развлекательными, но и познавательными – Владимир Одоевский пытался рассказать детям об устройстве сложных механизмов, взаимосвязи разных процессов.

Заинтересованность в техническом прогрессе В. Ф. Одоевского отразилась в романе «4338 год. Петербургские письма», в котором герои XIX века пользуются аналогами современных благ цивилизации – мобильными телефонами, принтерами и т. п.

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», – сказал он.

Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошёл к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! Пёстренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвёртый – и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встаёт солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

– Что это за городок? – спросил Миша.

– Это городок Динь-Динь, – отвечал папенька и тронул пружинку…

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям – не из другой ли комнаты? и к часам – не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол… Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке.

– Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

– Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

– Ничего, папенька, я такой маленький, только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается…

– Право, мой друг, там и без тебя тесно.

– Да кто же там живёт?

– Кто там живёт? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колёса… Миша удивился: «Зачем эти колокольчики? Зачем молоточки? Зачем валик с крючками?» – спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: «Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе всё изломается».

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики? Между тем музыка играет да играет; вот всё тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого. Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и манит к себе Мишу. «Да отчего же, – подумал Миша, – папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нём живут добрые люди, видите, зовут меня в гости».

– Извольте, с величайшею радостью!

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почёл долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

Табакерка – небольшая коробочка, предназначенная для хранения табака.

Валик – продолговатый предмет со штифтами, вращаемый при помощи заводной пружины. Благодаря вращению валик задевает в нужный момент зубцы гребёнки, заставляя их звучать.

– Позвольте узнать, – сказал Миша, – с кем я имею честь говорить?

– Динь-динь-динь, – отвечал незнакомец, – я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать. Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пёстрой тиснёной бумажки с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, ещё меньше; четвёртый, ещё меньше, и так все другие своды – чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

– Я вам очень благодарен за ваше приглашение, – сказал ему Миша, – но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу, но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними проходите.

– Динь-динь-динь! – отвечал мальчик. – Пройдём, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошёл, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли, свод опустился. Миша был очень удивлён.

– Отчего это? – спросил он своего проводника.

– Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали всё кажется маленьким, а подойдёшь – большое.

– Да, это правда, – отвечал Миша, – я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше её ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: «Динь-динь-динь, как смешно! Не уметь рисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!» Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над

ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

– Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите «динь-динь-динь»?

– Уж у нас поговорка такая, – отвечал мальчик-колокольчик.

– Поговорка? – заметил Миша. – А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал больше ни слова.

Вот перед ними ещё дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пёстренькое, черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдёт, вкруг руки обойдёт и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинками, и под каждою крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше.

– Нет, теперь уж меня не обманут, – сказал Миша. – Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинаковые.

– А вот и неправда, – отвечал провожатый, – колокольчики не одинаковые. Если бы все были одинаковые, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что, кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли, Миша, это тебе урок: вперёд не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили мальчики-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

Надзиратель – человек, который следит за кем-то или охраняет кого-то.

– Весело вы живёте, – сказал им Миша, – век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да ещё и музыка целый день.

– Динь-динь-динь! – закричали колокольчики. – Уж нашёл у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житьё. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялися. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотые деревья; но мы, бедные, насмотрелись на них вдоволь, и всё это очень нам надоело; из городка мы – ни шагу, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкой.

– Да, – отвечал Миша, – вы говорите правду. Это и со мной случается: ког-

да после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день всё играешь да играешь, то к вечеру и сделается скучно; и за ту, и за другую игрушку примешься – всё не мило. Я долго не понимал; отчего это, а теперь понимаю.

– Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

– Какие же дядьки? – спросил Миша.

– Дядьки-молоточки, – отвечали колокольчики, – уж какие злые! То и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем ещё реже «тук-тук» бывает, а уж маленьким куда больно достаётся.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «Тук-тук-тук! Тук-тук-тук, поднимай! Задевай! Тук-тук-тук!». И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да тук. Мише даже их жалко стало. Он подошёл к этим господам, очень вежливо поклонился им и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

– Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Всё ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

– Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков.

– А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша – к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только всё лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадётся ему молоток, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошёл, как надзиратель закричал:

– Шуры-муры! Кто здесь ходит? Кто здесь бродит? Шуры-муры! Кто прочь не идёт? Кто мне спать не даёт? Шуры-муры! Шуры-муры!

– Это я, – храбро отвечал Миша, – я, Миша…

– А что тебе надобно? – спросил надзиратель.

– Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают…

– А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь на́больший. Пусть себе дядьки стукают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, всё на диване лежу и ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры…

– Ну, многому же я научился в этом городке! – сказал про себя Миша. – Вот ещё иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает…

Между тем Миша пошёл далее и остановился. Смотрит, золотой шатёр с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернётся, то развернётся и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

– Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

– Зиц-зиц-зиц, – отвечала царевна. – Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На всё смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы коло-

кольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц.

Мише захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал её пальчиком – и что же? В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень и вдруг пружинка лопнула. Всё умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались… Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и… проснулся.

– Что во сне видел, Миша? – спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

– Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка? – спрашивал Миша. – Так это был сон?

– Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул. Расскажи же нам по крайней мере, что тебе приснилось!

– Да видите, папенька, – сказал Миша, протирая глазки, – мне всё хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на неё прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерку растворилась… – Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

– Ну, теперь вижу, – сказал папенька, – что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это ещё лучше поймёшь, когда будешь учиться механике.

Задания:

1. Нарисуйте на выбор мальчика-колокольчика, дядьку-молоточка или царевну Пружинку, какими вы их себе представляете. Затем найдите описание этого волшебного человечка в тексте и сравните со своим рисунком.

2. Рассмотрите иллюстрации ниже. Найдите в сказке «Городок в табакерке» эпизод, к которому они относятся. Подумайте, в правильной ли последовательности даны рисунки? Как они взаимосвязаны в текущем расположении? А как было на самом деле?

Рисунок А

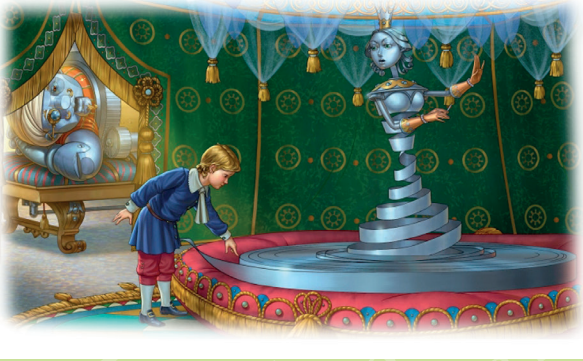
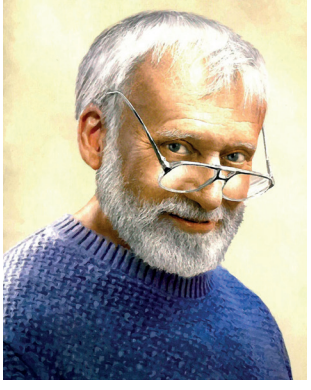


Рисунок Б

3. Представьте себе, что вы оказались на месте мальчика Миши и можете попасть в любой электронный гаджет (телефон, смарт-браслет и другие) или приложение (мессенджер, социальная сеть, платформы для обмена видеороликами и другие). Кого вы там встретите?

КИР БУЛЫЧЁВ

Годы жизни	1934–2003
Род деятельности	писатель-фантаст, драматург, историк
Направление	фантастика
Уникальность	рассказывал о детях, которые жили в фантастическом будущем
Визитная карточка	«Приключения Алисы» (цикл повестей, 1965–2003) «Похищение чародея» (повесть, 1979) «Институт экспертизы» (сборник рассказов, 1984)



Очень долгое время никто не знал, кто же скрывается под псевдонимом писателя-фантаста Кир Булычёв. И уж тем более никто и подумать не мог, что серию книг о мире будущего «Приключения Алисы» нам подарил учёный-востоковед Игорь Всеволодович Можейко.

Именно первая повесть про Алису Селезнёву – «Девочка, с которой ничего не случится», написанная в 1965 году, показала огромный интерес детей к миру космоса и будущего. И писатель решил рассказать нам все приключения, которые случились с Алисой и её одноклассниками. А приключений было много: от странных зеркальных планет и борьбы с космическими пиратами до блужданий по времени. Но настоящая дружба, отвага и честность всегда помогают Алисе и её друзьям выпутаться из самых сложных, а порой и опасных ситуаций.

Кроме того, писатель создал уникальный мир космической фауны. На страницах книг про Алису можно увидеть удивительных животных: Индикатора – шарообразное существо, меняющее цвет по настроению, или Склиссу – корову, которая умеет летать. Так как папа Алисы заведует зоопарком, то девочке передалась любовь к животным, поэтому она им помогает в беде. Ведь нет разницы, земное это животное или космическое, настоящий человек должен заботиться о любом живом существе.

Именно эти книги о взрослении детей в мире будущего увековечили память об этом добродушном человеке – писателе-фантасте Кире Булычёве.

СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЁД
(отрывки)
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

ГЛАВА 1. А ЕСЛИ ЗА ДВЕРЬЮ АНАКОНДА?

Родители у Коли сравнительно не старые – им ещё сорока нет. А сами себя считают совсем молодыми, купили катер, красят его и лелеют, втаскивают на берег, спускают в воду, чинят мотор, созывают гостей, чтобы жарить шашлыки и петь туристские песни. Но путешественники они никудышные, совершенно не умеют пользоваться своим счастьем. В прошлом году две недели ездили по Волге, а проплыли всего сто километров – можно от смеха умереть. Коле с ними неинтересно. Их романтика ему не подходит, очень уж она комфортабельная. Вот и в то апрельское воскресенье он наотрез отказался ехать с ними красить драгоценную «Чайку». Он сказал, что у него завтра контрольная. Родители так умилились его сознательностью, что не стали приставать. И у Коли оказалось совершенно свободное воскресенье, без родителей, без дел, можно жить в своё удовольствие, как греческий философ Эпикур.

Когда Коля проснулся, родителей уже не было. На столе лежала записка с просьбой сходить за кефиром и рубль. С утра свободный день кажется бесконечным. Поэтому Коля не спешил. Он включил на полную громкость радио и стал думать, кому позвонить. Но было ещё рано, все друзья спали, и Коля решил сходить за кефиром. Он взял рубль, сумку, пустые бутылки и вышёл на лестницу.

«Чайка» – модель легкового автомобиля.
Анаконда – самая крупная змея; водяной удав, обитающий в Южной Америке.
Фрегат – тип военно-морских кораблей.

По лестнице прямо к нему шли два санитара и несли сложенные носилки. Санитары были пожилые, крепкие, похожие на грузчиков, только в форменных фуражках и белых халатах. Коля остановился. И тогда он заметил,

что дверь в соседнюю квартиру приоткрыта и оттуда доносятся голоса. Санитары пронесли носилки в ту дверь. Что-то случилось с соседом, Николаем Николаевичем. Сосед жил один, часто ездил в командировки, а где он работал, Коля не знал. Коля решил подождать. Вскоре дверь отворилась, и санитары вынесли на лестницу носилки. На носилках лежал Николай Николаевич, бледный, покрытый простынёй почти до самого горла. Сзади шёл молодой врач с толстым чемоданчиком. Врач остановился в дверях и спросил:

– Что делать с квартирой?

В этот момент Николай Николаевич увидел Колю и обрадовался.

– Здравствуй, тёзка, – сказал он тихо. – Хорошо, что ты мне встретился. Видишь, сердце прихватило. Такая вот незадача!

– Ничего, – сказал Коля, – вы выздоровеете.

– Спасибо на добром слове. У меня к тебе просьба: возьми мой ключ. Ко мне на днях должен друг приехать из Мурманска. Он знает, что, если меня дома нет, ключи у вас.

– Как всегда, – сказал Коля. Потом обернулся к доктору и добавил: – Вы захлопните, а ключ сюда передайте.

Коля проводил носилки с Николаем Николаевичем до улицы. Санитары аккуратно поставили их в «скорую помощь». Сердечникам нужен полный покой. «Скорая помощь» резко взяла с места и умчалась в клинику Склифосовского, как сказал Коле доктор на прощание. Коля постоял, поглядел вслед машине. Ему было жалко Николая Николаевича. Сосед был приличный человек, никогда не изображал из себя наставника малолетних, не учил жить, а поговорить с ним было интересно.

Потом Коля сходил в магазин, купил кефир. Когда платил в кассу, нащупал в кармане ключ от квартиры Николая Николаевича и подумал – не забыть бы повесить его в коридоре на видном месте: когда приедет друг из Мурманска, ключ сразу найдется. Но, вернувшись домой, Коля ключ не повесил. У него возникла мысль.

Дело в том, что на письменном столе Николая Николаевича стояла модель фрегата. Она была из дерева, паруса матерчатые, ванты из шпагата, пушки настоящие, медные. Николай Николаевич сказал как-то, что фрегат сделан из двух тысяч частей и точно скопирован с настоящего. Коля любил смотреть на фрегат. Если чуть присесть и прищурить глаза, можно представить, что фрегат плывёт по океану, а паруса обвисли, потому что вторую неделю стоит штиль.

Когда Фима Королёв из Колиного класса узнал про фрегат, он стал проситься в гости к Николаю Николаевичу, но Коля не спешил вести его в гости. Фиму опасно водить в гости, потому что он страшно нахальный, неуклюжий, обязательно что-нибудь схватит и разобьёт. Фиме надоело напоминать, и он сказал:

– Сними мне мерку с фрегата. Я собираюсь строить парусник, а литературы мало. Что тебе стоит помочь человеку!

Коля закрыл за собой дверь, спрятал ключ в карман, зажёг свет в коридоре, чтобы полюбоваться на африканские маски, которые висели на стене и скалили зубы. Потом Коля не спеша прошёл в большую комнату, которая была кабинетом и спальней Николая Николаевича. Постель на диване была не убрана, простыни смяты, трубка телефона болталась у самого пола. Коля представил себе, как

Николай Николаевич тянется к телефону и набирает «03». Коля положил трубку на рычаг. Коля никогда не был в этой квартире один, и она, в сущности обыкновенная, казалась слишком уж опустевшей и даже чуть зловещей. Стоя посреди комнаты, Коля почувствовал, что поступил не совсем правильно, и ему захотелось уйти и не снимать мерок с фрегата.

А не ушёл он потому, что на стене висел старинный кремневый пистолет. Коля снял со стены пистолет, отвел ударник и прицелился в окно. За окном пролетала ворона. Коля спустил курок, пистолет негромко щёлкнул. Конечно, с пулями и порохом выстрел получился бы громче.

Коля повесил пистолет на место и тут увидел дверь в заднюю комнату. Дверь как дверь, но у неё была особенность: она всегда заперта. Сколько раз Коля бывал у соседа, никогда не видел, чтобы эта дверь открывалась. Коля давно задумывался, что могло бы скрываться за дверью, и раз спросил Николая Николаевича:

– А там у вас что?

– Там спрятаны любопытные мальчишки, – сказал Николай Николаевич. – Семь штук. Есть свободное место для восьмого.

На этом разговор кончился. Коля больше не спрашивал. У каждого своя гордость.

И вот сейчас Коля увидел, что в белой двери торчит ключ. Видно, Николай Николаевич не ожидал, что заболеет, а потом забыл вынуть. Коля подошёл к двери и стал думать. Наверно, какие-нибудь документы, бумаги или ценности. А может быть, коллекция марок. И вообще, если тебе не показывают комнату, нечего туда соваться.

Коля хотел вернуться к фрегату, но вдруг подумал: а что, если сосед держит в задней комнате какое-нибудь редкое животное? Настолько редкое и опасное, что его даже показывать никому нельзя. Допустим, змею анаконду длиной в двенадцать метров. И сейчас это редкое животное сидит голодное и не знает, что его некому кормить целый месяц. Если это анаконда или верблюд, это не так страшно, они могут обходиться без пищи и воды, но если тигр, то он будет несколько дней метаться по комнате и, если не удастся разломать стены, умрет от голода.

Коля немного постоял под дверью, послушал, не слышно ли за ней дыхания или шороха, но все было тихо. Тогда Коля повернул ключ и приоткрыл дверь.

ГЛАВА 4. СИНЯЯ ЛОШАДЬ И ДРУГИЕ ЛИНГВИСТЫ

Коля поглядел по сторонам и увидел знакомый дом. Дом стоял на высоком склоне холма, его колонны белели за деревьями. Сто лет назад дом стоял на Гоголевском бульваре, в нём был Союз художников и даже висела памятная доска, что здесь жил Тургенев.

– Здравствуй, старый знакомый, – сказал Коля. – Приятно встретиться со знакомым домом.

– Здравствуйте, – ответил кто-то рядом. – Разве мы с вами раньше встречались?

Коля оглянулся, но никого рядом не было.

– Я с вами и сейчас ещё не встретился, – сказал Коля. – Вы где?

– Если вы сделаете ещё шаг, то обязательно на меня наступите. И это будет грустно.

Коля посмотрел под ноги и увидел светло-зелёного котёнка с одним сиреневым глазом посреди лба.

– Нет, – сказал Коля, присмотревшись к странному животному. – Мы с вами ещё не встречались. У нас такие не водятся.

– Тогда разрешите представиться: я известный космический археолог, специалист по вымершим языкам профессор Рррр.

– Коля.

– Очень приятно. Почему же вы остались в городе в этот воскресный день? Все мои друзья разъехались кто куда.

– Мы к маскараду готовимся. Из жизни двадцатого века, – сказал Коля. – А вы с другой планеты?

– Разумеется. Я здесь на семинаре по структуральной лингвистике. Вы не интересуетесь структуральной лингвистикой?

– Нет, – признался Коля, – лингвистикой я не интересуюсь. Я интересуюсь футболом.

– И я тоже, – сказал Рррр. – И даже иду на футбол. Какое совпадение!

– А кто играет? – спросил Коля.

– И вы не знаете! – От удивления Рррр развел зелёными пушистыми ручками. – Это же матч века! Сборная Марса со сборной внешних баз. На кубок Системы.

– А когда начало?

– Через полчаса. Мы успеем. У вас есть билет?

– Нет у меня билета, – сказал Коля. И расстроился. На матче тоже стоило побывать. Хотя на космодроме нужнее.

– Погодите немного, мой молодой друг, – сказал археолог Рррр. – Сейчас подойдет доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. Может быть, у него есть лишний билет.

– Хорошо, – согласился Коля. – Подождем доцента. А скажите мне, пожалуйста, как проехать на космодром?

– Не может быть, чтобы вы не знали! – воскликнул Рррр. – Вы шутите!

– Ни в коем случае, – сказал Коля. – Я забыл.

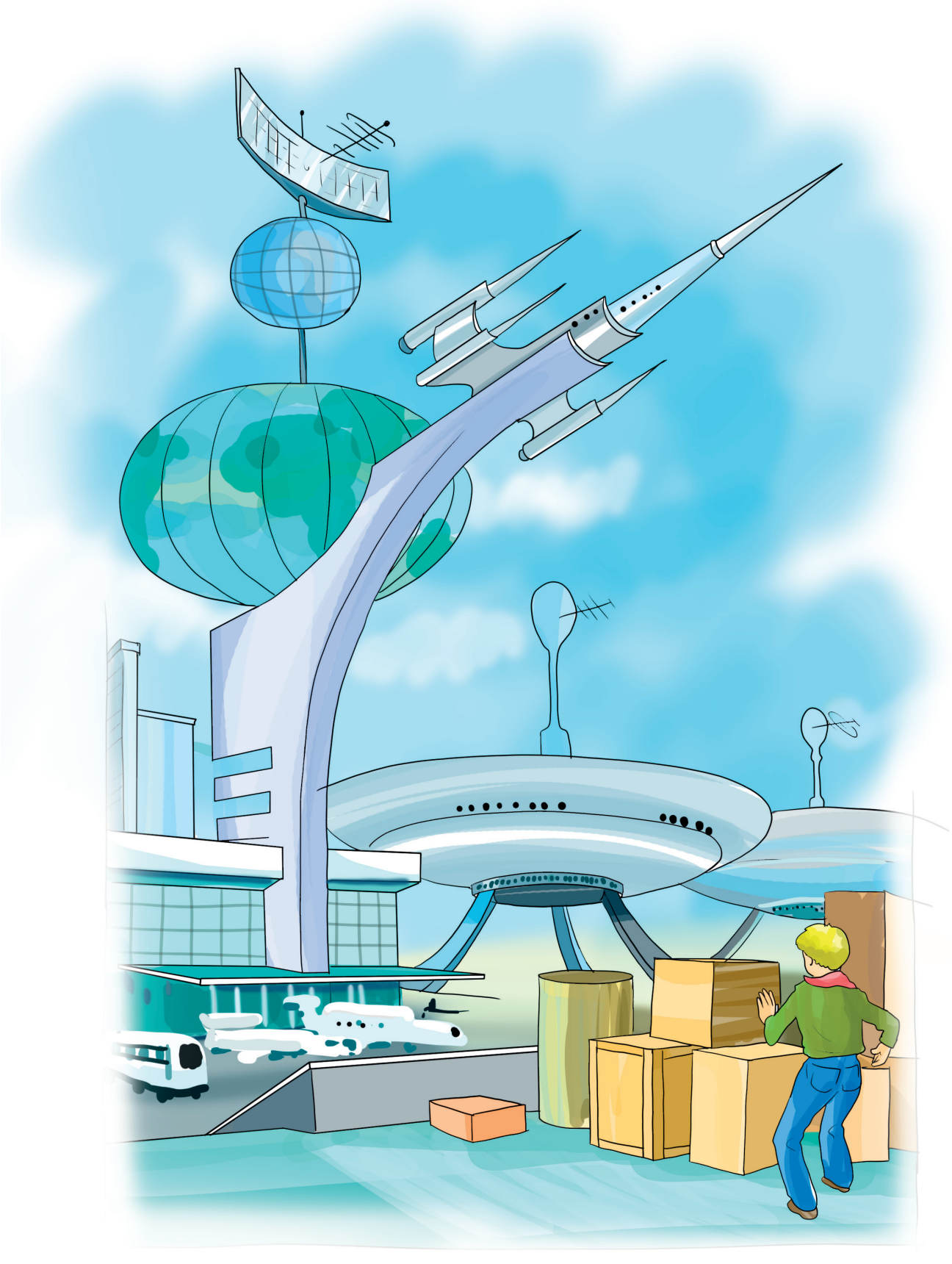
– Так садитесь в третий автобус, – сказал Рррр. – Выйдете на проспекте Мира. А оттуда флипните до космодрома.

– Спасибо, – сказал Коля. – А где третий останавливается?

Рррр засмеялся тонким голоском и не мог остановиться. Видно, слова Коли показались ему очень смешной шуткой. Он собирался смеяться до бесконечности, но тут рядом раздался строгий бас:

– Что смешного? Юноша играет свою маскарадную роль.

– Ах, – сказал археолог Рррр. – Разрешите представить: мой друг доцент Спуси-ва-пус-ва-пас-ва-пос. А это мой новый друг Коля.



– Очень приятно, – сказал двухметровый аквариум на трёх ногах. Внутри аквариума сидела небольшая синяя лошадь. Перед её мордой висел в воде микрофон, а снаружи аквариума высовывался небольшой рупор. – И не смотрите на меня квадратными глазами, молодой человек. Я же не виноват в том, что на Земле никуда не годная атмосфера и приходится ходить в скафандре.

– Конечно, я не удивляюсь, – сказал Коля. – Вы ведь тоже с другой планеты?

– Из другой галактики, – пробасила синяя лошадь.

– Послушай, доцент, – спросил Рррр, – у тебя нет случайно лишнего билетика для нашего друга Коли?

– У меня было четыре билета, потому что я не умещаюсь на одном месте. Но один билет я отдал моему коллеге доктору Команьяну с планеты Кромаңьян. А вот и он идёт.

Коля с некоторой опаской поглядел в ту сторону, потому что ждал уже кого угодно. Но доктор Команьян с Кроманьяна оказался обычной садовой лейкой с ногами и руками.

– Так что же нам делать с Колей? – расстраивался археолог Рррр.

– Он может сесть на меня сверху, – сказал доцент Спуси-и-так-далее, – и спустить ножки в аквариум-скафандр.

– Нет, – возразил Команьян с Кроманьяна, похожий на садовую лейку. – Зрители сзади будут сердиться. Они и без того будут на тебя сердиться за то, что ты застилаешь им зрелище.

– Пускай смотрят сквозь меня. Я частично прозрачный, – сказала синяя лошадь.

– Не расстраивайтесь, – успокоил учёных-лингвистов Коля. – У меня другие дела. Я на космодром съезжу. Ну, до свиданья, – сказал он. – А то вы опоздаете. При встрече всё мне расскажете.

Космические гости поспешили дальше, и, пока они не скрылись, Коля смотрел им вслед. Справа шёл аквариум с синей лошадью, слева – садовая лейка, а посредине – котёнок без хвоста. Они уже забыли о Коле и громко обсуждали проблему расшифровки восьмого главного ряда.

Космических гостей обгоняли другие болельщики. Некоторые шли пешком, иные летели над самой землёй в прозрачных шарах, над головой пронеслась стая мальчишек с крыльями за спиной. Они махали этими крыльями, как стрекозы. Все они были одеты ярко и даже легкомысленно, а некоторые, несмотря на прохладный день, в одних плавках.

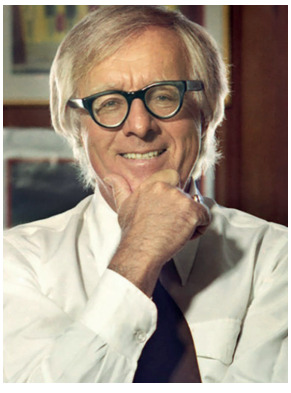
?

Задания:

1. Разделитесь на три группы. Каждая группа должна придумать своё инопланетное животное, нарисовать его на доске и дать ему название. Расскажите по очереди о своём животном. Какие приспособления ему нужны для жизни на Земле?

2. Отсканируйте QR-код и прочтите повесть полностью.

РЭЙ БРЭДБЕРИ



Годы жизни	1920–2012
Род деятельности	прозаик, фантаст
Направление	научная фантастика, фэнтези
Уникальность	стремился уберечь людей от ошибок, чтобы сохранить наш мир.
Визитная карточка	«Марсианские хроники» (цикл рассказов, 1950) «451 градус по Фаренгейту» (роман, 1953) «Лето, прощай» (роман, 2006)

С самого раннего детства Рэй Брэдбери любил читать. Он часто вспоминал, как радовался, получив в пять лет в подарок на Рождество свою первую книгу – «Большую книгу сказок». Уже в школе писатель начал посещать поэтический и драматический кружки, чтобы развивать свой талант. И, когда стал вопрос о будущей профессии: стать актёром или писателем, победила литература.

Но у родителей Рэя не было возможности оплатить учёбу будущего писателя в колледже, поэтому несколько дней в неделю в течение десяти лет он проводил в библиотеке Калифорнийского университета. Именно чтение книг в этой библиотеке заменило будущему писателю недоступное тогда образование. И там же, в тишине библиотечного зала, Брэдбери написал своей первый рассказ «Пожарный», который вырастет в одну из самых популярных повестей-предупреждений о будущем «451 градус по Фаренгейту», где автор покажет бедность и жестокость мира, в котором люди перестали читать книги.

Писатель часто поднимает тему будущего нашего мира и стремится уберечь нас от возможных ошибок. В книгах, культуре и искусстве, по мнению писателя, лежит ключ к спокойствию и стабильности гармоничного мира, когда человек вступит в контакт с другими цивилизациями.

УЛЫБКА

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далёкие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день. Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

– Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? – сказал человек за его спиной.

– Это моё место, я тут очередь занял, – ответил мальчик.

– Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

– Оставь в покое парня, – вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

– Я же пошутил. – Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул её. – Просто подумал, чудно это – ребёнок, такая рань, а он не спит.

– Этот парень знает толк в искусстве, ясно? – сказал заступник, его фамилия была Григсби. – Тебя как звать-то, малец?

– Том.

– Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку. Верно, Том?

– Точно!

Смех покатился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману. Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

– Говорят, она улыбается, – сказал мальчик.

– Ага, улыбается, – ответил Григсби.

– Говорят, она сделана из краски и холста.

– Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, я слышал, была на доске нарисована, в незапамятные времена.

– Говорят, ей четыреста лет.

– Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

– Две тысячи шестьдесят первый!

– Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трехтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И досталась нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

– Скоро мы её увидим? – уныло протянул Том.

– Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четырёх латунных столбиках бархатную верёвку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

– Ладно, сэр.

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

– А зачем мы все тут собрались? – спросил, подумав, Том. – Почему мы должны плевать?

Тригсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

– Э, Том, причин уйма. – Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. – Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города – груды развалин, дороги от бомбежек – словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

– Да, сэр, конечно.

– То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

– А есть ли хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? – сказал Том.

– Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами. Ничего нет, кроме этих наших праздников, Том.

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливчики могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

– Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло – стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

– А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, – продолжал вспоминать Григсби, – было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолёты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

– Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

– Сэр, это больше никогда не вернётся?

– Что, цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

– А я так готов её терпеть, – сказал один из очереди. – Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

– Чего зря болтать-то! – крикнул Григсби. – Всё равно впустую.

– Э, – упорствовал один из очереди, – не торопитесь. Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её починит. Попомните мои слова. Человек с душой.

– Не будет того, – сказал Григсби.

– А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернет нам – нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Ограждённое пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперед – шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

– Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских – четверо мужчин с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

– Это для того, – уже напоследок объяснил Григсби, – чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на неё.

– Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

– Том, давай! Живее!

– Но, – медленно произнес Том, – она же красивая!

– Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

– Она красивая, – повторил он.

– Иди уж, пока полиция...

– Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома – стал как пень! – а теперь все повернулись к верховому.

– Как её звать, сэр? – тихо спросил Том.

– Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно, «Мона Лиза».

– Слушайте объявление, – сказал верховой. – Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

– Эй, Том, ты что же! – крикнул Григсби. Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку. На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит – спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша.

– Том? – раздался во мраке голос матери.

– Да.

– Где ты болтался? – рявкнул отец. – Погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

– Ложись! – негромко прикрикнула на него мать.

Ещё пинок. Том дышал уже ровнее. Кругом царила тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза. Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста. Мир спал, освещённый луной. А на его ладони лежала Улыбка. Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он все ещё видел её, даже после того как осторожно сложил её и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним – Улыбка. Ласковая, добрая, она была Там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

?

Задания:

1. Пресс-конференция. Разделитесь на две группы. Первая группа – *эксперты* – садится за сдвинутые столы лицом к участникам второй группы – *журналистам*. Эксперты кратко и по существу определяют и обсуждают главную проблему общества, описанную в рассказе. Журналисты готовят свои комментарии и вопросы, задавая их после того как участники первой группы выскажут своё мнение. Будьте вежливы, уважайте чужую точку зрения.

2. Отсканируйте QR-код и узнайте историю описанной в рассказе картины «Мона Лиза». Как вы думаете, почему именно это полотно Рэй Брэдбери выбрал для рассказа «Улыбка»? Запишите свой ответ в тетрадь.

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Годы жизни	1859–1930
Род деятельности	эссеист, драматург, врач
Направление	детективная проза
Уникальность	создал образ Шерлока Холмса – великого детектива на все времена.
Визитная карточка	«Приключения Шерлока Холмса» (цикл рассказов, 1891–1900)

Артур Конан Дойл – знаменитый британский писатель, чей персонаж Шерлок Холмс стал образцом великого сыщика для большинства детективных писателей как прошлых лет, так и современности. Именно Артур Конан Дойл придумал необычный ход сюжета детектива, когда читатель с напряжением следит за ходом рассуждений сыщика, поиском улик, строит свои предположения, погружаясь таким образом в сюжет рассказа целиком.

Писать известный детективист начал ещё в студенческие годы. При этом ранние рассказы помогли писателю найти тему, о которой он сможет рассказать хорошо, и отработать писательские приёмы, которые впоследствии мастерски отразились в первом детективном романе – «Этюд в багровых тонах». К тому времени, когда создавался сборник рассказов «Приключения Шерлока Холмса», Дойл был уже известен в Европе как автор четырёх романов о расследованиях гениального сыщика. Шерлок Холмс – один из самых популярных литературных персонажей всех времён: новые фильмы, мультфильмы и сериалы об этом герое снимаются практически ежегодно. Последний пример – современный британский телесериал «Шерлок», основанный на произведениях Артура Конана Дойла, но с перенесённым в наши дни действием.

СОЮЗ РЫЖИХ

(отрывок)

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Ватсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет… Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Ватсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения… причём по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными, – возразил я.

– Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории… Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Ватсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил её у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внеш-

ности, кто он такой. К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный чёрный сюртук был расстегнут, а на тёмном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырёхугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нём ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло моё занятие.

– Конечно, для всякого ясно, – сказал он с улыбкой, – что наш гость одно

Франкмасонство – тайное общество.

Дуга и окружность – тайные масонские знаки.

время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон, что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

– А нюханье табаку? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы, вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности.

– Ах да! Я и забыл про неё… Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протёртое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудрёными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

– Я думаю, Ватсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, всё неведомое кажется нам великолепным, и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен… Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

– Нашёл, – ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца. – Вот оно. С этого всё и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочёл:

Союз Рыжих во исполнение завещания покойного Иезекин Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США).

Открыта новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флитстрит, Попскорт, 7.

– Что это может означать? – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съёжился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

[…]

– Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придётся увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а

Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Всё же, увидев такую толпу, я пришёл в отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе…

– Замечательно интересная с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, ещё более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов, по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник. – Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять её, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперёд, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить, – сказал он. – Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности». Он вцепился в мои

волосы обеими руками и дёрнул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слёзы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, всё в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошёл к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! – мрачно сказал он. – Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах моё лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что всё обойдется: «Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле», – сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» – спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой – человек надёжный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?»

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Всё назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идёт всего о четырёх часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору», – сказал я.

«Это очень важно, – настаивал мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе – или вы теряете службу».

«А в чём всё-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бу-

магу и промокашку вы достанете сами; мы же даём вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно», – ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне ещё раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело – просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чём может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твёрдо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там всё было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена – плату за неделю. Так прошла и вторая неделя, и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придёт, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг всё разом кончилось.

?

Задания:

1. Излюбленным приёмом Шерлока Холмса при расследовании преступлений был *дедуктивный* метод, при котором логическая цепочка умозаключений выстраивалась по принципу «от общего к деталям». Найдите в отрывке выше пример дедуктивного метода.

2. Викторина «Детективы». Используется *индуктивный* метод – от деталей к общему. Разделитесь на три группы. Каждая команда детективов по очереди отгадывает произведение и его автора по ключевым словам. На обдумывание даётся пять секунд. Побеждает та команда, которая отгадала больше произведений.

3. Отсканируйте QR-код и пройдите тест на сообразительность.

ДЭРМОТ О’ЛИРИ

Годы жизни	род. 1973
Род деятельности	писатель, телеведущий, актёр
Направление	приключения, детская литература
Уникальность	писатель настолько любит кошек, что создал серию кошачьих детективов
Визитная карточка	«Великий побег» (2017) «Загадка котов-музыкантов» (2019) «Дело о похищенном сыре» (2018)

Дэрмот О’Лири – популярный телеведущий и актёр, который ведёт передачи на британском телевидении. Но, как известно, талантливый человек талантлив во всём. Однажды Дэрмот О’Лири решил попробовать себя в качестве детского писателя. На написание книги его вдохновили его же питомцы – кошка Тото и кот Сильвер, которые каждую ночь куда-то пропадали. Кошка Тото была слепа, но тем не менее слепота не помешала ей жить полноценной жизнью в любящей её семье и даже стать вместе с Сильвером героями целой серии детективных книг.

Так появился образ кошки-ниндзя Тото и её брата Сильвера, которых в Италии подобрали добрые люди и привезли в Лондон, где они встречают странноватого приятеля Котоморда, который помогает им освоиться в огромном незнакомом городе.

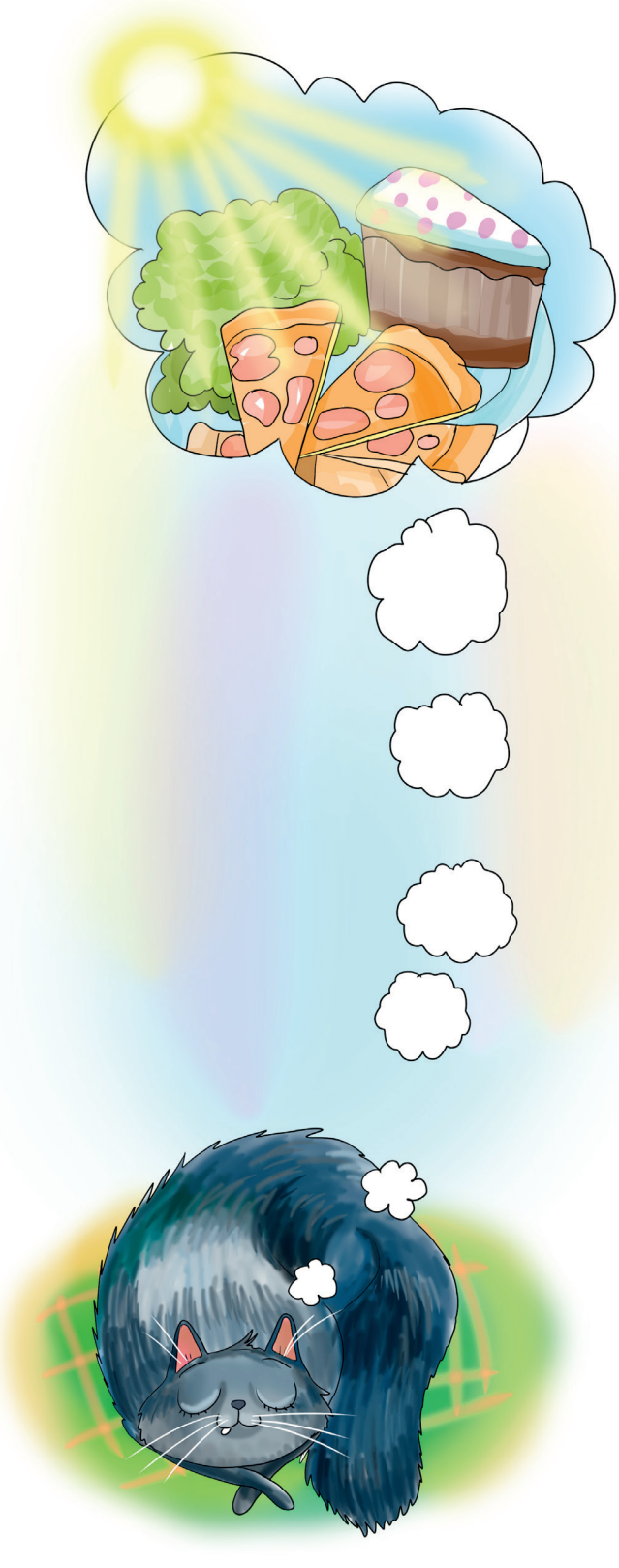
Несмотря на то, что Тото почти ничего не видит, она блестяще справляется с ролью члена тайного кошачьего общества ниндзя – ей нет равной в спасении животных Лондона. Сбежавшая из зоопарка королевская кобра, пропажа сыра во всей Британии, нападение крысиной армии – кошка Тото, благодаря своим навыкам боевых искусств и проницательному уму, блестяще справляется с любыми напастями и обретает новых друзей.

Ниндзя – (японск. скрывающийся) тайный агент в средневековой Японии, прошедший подготовку в искусстве защиты и обороны.

ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ

(отрывок)

Глава 1



Тото снился самый приятный сон в её жизни. В этом сне присутствовала огромная пицца пепперони, целое ведро спагетти со сливочным сыром, а на десерт – гигантское пирожное тирамису, в которое можно было закопаться всей мохнатой мордочкой. И тут её **ОЧЕНЬ ГРУБО** вернули из сладкого сна в холодную лондонскую ночь.

БАХ, БА-БАХ и даже **БАХ-БАРАБАХ** и близко не передают, какой ужасный грохот прокатился по обычно столь тихой городской улице. Эта ночь была из тех, когда и вы, и я лежали бы у себя в постелях, завернувшись в несколько одеял и подсунув под ноги грелку. Такой ночью ни одно разумное существо не вздумает выйти наружу, пока за окном не встанет неторопливое зимнее солнце, сделав новый день мало-мальски приемлемым.

Но это всё относится к людям. Чего уж говорить **О КОШКАХ!** Ни одна кошка на земле не согласилась бы ни за какие блага вылезти из тёплой постели в такую холодрыгу. Приличное кошачье общество немедленно отвергло бы навеки такого безумца! **НЕТ, НЕТ** и ещё раз **НЕТ**. «Оставьте эту суету крысам и лисам, – сказало бы большинство кошек. – Покрепче зажмурьтесь, свернитесь в клубок, и увидимся завтра утром. Не раньше, ох, половины двенадцатого…» Имен-

Итальянский сапог – если посмотреть на карту мира, страна Италия похожа на сапог.

но поэтому Тото так рассердилась и только чуть-чуть испугалась, когда **ВСЕМОГУЩИЙ ГРОХОТ** раздался откуда-то с улицы, со стороны помойки.

Тото повернулась к Маме и Папе. «Они ведь быстро разберутся с этой проблемой, да?» – подумала она. Но они продолжали спать, даже не шелохнулись.

«Возмутительно, – подумала Тото. – Кто здесь кошка, а кто человек? Это же *наше* дело – спать сутки напролёт, а *ваше* – кормить нас, гладить, окружать вниманием, развлекать, расчёсывать, распахивать перед нами двери, открывать для нас краны с водой, массировать нам лапки, и, что самое главное… **НЕМЕДЛЕННО ПРОСЫПАТЬСЯ, КОГДА СНАРУЖИ ШУМИТ КТО-ТО СТРАШНЫЙ!**

Она оглянулась на своего брата Сильвера. У него была серебристо-серая шёрстка, а ещё большой пушистый хвост и белые «носочки» на лапах. Сама Тото, в отличие от брата, представляла собой комок чёрно-серо-коричневого меха. Особенно пушистой она становилась к зиме, когда шубка её делалась совсем густой. Вокруг шеи у неё был пышный воротник, с которым она отлично смотрелась бы при английском дворе времён королевы Елизаветы. Хотя родилась она вовсе не в елизаветинской Англии, а в области под названием Апулия, на самом каблуке итальянского сапога. Они с Сильвером раньше были бродячими кошками и прибыли в Лондон всего три недели назад, когда их подобрали и увезли к себе домой двое добрых людей, которых они теперь называли Мамочкой и Папочкой. Или, как по-итальянски сказала бы Тото, Мамма и Папа.

– Сильвер, – прошептала Тото. – **ЭЙ, СИЛЬВЕР!** Ты что, не слышал? Там снаружи что-то загремело, думаю, это возле помойных баков… **НАШИХ ПОМОЙНЫХ БАКОВ!**

– Ничего я не слышал, – отозвался Сильвер, потягиваясь и зевая.

– Конечно же, слышал, врунишка, ты ведь тоже не спишь. Слушай, теперь это наш дом, а значит – наша территория и наше дело. Нужно пойти и разобраться, что там происходит.

– О'кей, хорошо. Что-то я слышал, но это наверняка лисы! Ты же знаешь, какие они тут огромные? Давай-ка

останемся здесь и подождём, пока всё само не утихнет.

– **ТЫ ТРУСИШЬ!** – воскликнула Тото.

– Гм, м-м... Ну нет. Просто ночь такая холодная, а кошачью дверцу так трудно открывать, и к тому же... Ладно, ты права, признаю. Я *немножко* трушу. Самую малость. Сама подумай, Тото, мы новички в этой стране, мы здесь всего три недели, только начали учиться здешним обычаям... Тут так холодно, а у нас, итальянцев, горячая кровь, нам нужно больше тепла. И вот теперь меня разбудил какой-то неизвестный страшный шум, а ты хочешь, чтобы я встал с постели и пошёл разбираться. Почему бы тебе не сделать это **САМОЙ**?

– Сильвер, в одиночку мне это будет трудновато. Я же ничего не вижу, ты забыл?

Тото говорила правду. Она действительно была слепа, как крот, причём с самого рождения. Хотя, честно признаться, это была не *вся* правда. Во-первых, Тото однажды познакомилась с садовым кротом в деревне, и, хотя у них не было времени как следует поболтать, он пробормотал что-то про вкусных червяков и поскорее закопался в землю – ей показалось, что не так уж он и слеп. А во-вторых, на самом деле Тото *кое-что* видела. По крайней мере у себя под самым носом. А вот предметы вдали расплывались, и она могла различать только тёмные и светлые пятна. Однако Тото узнавала людей (таких как Мамма и Папа), кошек (таких как её брат), птиц (таких вкусных на вид!) – и практически всё, что двигалось. Но ей всегда нравилось, когда Сильвер был рядом.

– Да, сестрёнка, я знаю, что ты слепая, – согласился Сильвер. – Но ещё я знаю, что ты ниндзя.

А вот на этот раз Сильвер говорил правду. Тото в самом деле была одной из самых знаменитых кошек-ниндзя на свете, членом тайного кошачьего ниндзя-общества. Своему искусству она научилась ещё котёнком у итальянского наставника – старого корабельного кота по имени Вентура, который овладел секретами мастерства под руководством сэнсэя из Японии, а тот – у своего наставника, и традиция ниндзя брала начало в глубине веков. В общем, да, Сильвер

был совершенно прав. Тото была более чем способна сама о себе позаботиться.

– Ладно, – сказала Тото. – Давай спустимся вместе. У тебя есть глаза…

– И шарм, – добавил Сильвер.

– Договорились, – сказала Тото.

– **РЕШЕНО**, – сказал Сильвер.

Чернильную темноту рассеивал только свет луны, и в нём были видны очертания огромного существа – вдвое больше, чем брат и сестра, вместе взятые. Верхняя часть его тела опасно свешивалась через край мусорного бака внутрь помойки, в то время как пухлый зад и лапы торчали наружу.

– Значит, так, – прошептала Тото, прячась вместе с братом за машиной на подъездной дорожке. – По крайней мере, это точно не лиса.

– Тото, ты же **НИЧЕГО НЕ ВИДИШЬ!** Как ты можешь быть уверена? – отозвался Сильвер.

– Не груби. Я вижу свет и тьму, могу различать форму предметов; и вот эти устройства, – она сердито указала на свои уши и длинные усы, – они у меня тоже не для красоты, знаешь ли! Я многое слышу и чувствую. Скажешь, я не права, и это существо всё-таки похоже на лису?

– Ну хорошо, не похоже, – согласился Сильвер. – Не лисий у него вид. Но клянусь своей жизнью, я понятия не имею, на что оно похоже! Слишком большое для крысы и, я бы сказал, слишком толстое для кошки…

– Думаю, это всё-таки один из наших, – прошептала Тото.

– Замечательно! – тем временем воскликнуло существо, обращаясь к себе самому. – Похоже, это просто **ВЕЛИКОЛЕПНАЯ** помойка. Думаю, её можно назначить одной из моих самых любимых в Лондоне. Какие вкусные рыбные косточки, чудесный протухший паштет, корочки сыра бри…

[После долгих споров Сильвер и Тото осмелились заговорить с ночным гостем и познакомились с ним].

– Я Тото, – представилась она, слегка удивлённая учтивостью пожилого кота. – А вас как зовут?

– Добро пожаловать в Лондон, юные джентльмен и леди, и позвольте представиться. Вам выпала честь свести знакомство с Александром Крысоффым Тридцать Третьим, но вам, молодёжь, я позволяю обращаться ко мне по-дружески, без чинов. Зовите меня Котоморд.

– Вас зовут **КОТОМОРД**? – хором изумились Тото и Сильвер.

– Именно так.

– Надеюсь, я не покажусь вам грубой, – начала Тото, – но это имя кажется мне достаточно странным. Конечно,

ваша морда – это морда кота, разумеется, потому что… потому что вы и есть КОТ.

– Ну да, ну да, вы же новички в Лондоне, – протянул их новый знакомый. – Спешу вас уверить, в высших кругах кошачьего общества нашей столицы принято называть своих питомцев таким замечательным именем, как Котоморд. Это очень аристократично, – добавил он, выглядя притом достаточно нервно и поправляя шейный платок. – Превосходно. Итак, мои юные друзья, – сообщил Котоморд, слизывая с усов последние кусочки сыра, – вы переехали сюда совсем недавно. Ну и как вам нравится новое место жительства? Вы уже видели сокровища Британской короны? Осмотрели Букингемский дворец? А дом номер 10 по Даунинг-стрит? Там живёт человеческий премьер-министр! Побывали в знаменитом Лондонском зоопарке? Там есть на что посмотреть. Много восхитительных животных, хотя некоторые из них не возражают закусить небольшой кошкой вроде нас с вами, так что лучше таких избегать. Итак, я прямо-таки жажду узнать о ваших первых впечатлениях.

[Но Сильвер и Тото совсем не знали Лондона, и Котоморд вызвался быть их экскурсоводом. Он познакомил кошек со всеми достопримечательностями и своими друзьями, прокатил их в зверином метро. Во время их путешествия выяснилось, что из зоопарка сбежал Брайан – королевская кобра, отчего все животные в городе были в панике, боясь стать его жертвой. В ходе расследования Тото выяснила, что Брайан не хочет сеять ужас в округе, а сбежал из зоопарка, чтоб спасти свою любимую из клеток браконьеров. В результате кошки и крысы объединились с коброй ради помощи].

Глава 8

Крысы, жившие в канализационных трубах на пути к Сент-Джонс-Вуд, с благоговейным ужасом встречали своего короля, который ехал по улицам крысиного царства в компании двух кошек и своего сына-изгнанника… на спине гигантской змеи!

– Думаю, я должен буду кое-что объяснить им, когда вернусь обратно в Крысбург! – сказал король, помахивая со спины Брайана смятенным подданным. – Все репортёры с ног собьются при виде подобной сенсации.

Указания короля были совершенно верными, и компания добралась до Сент-Джонс-Вуд удивительно быстро. Под покровом темноты странный отряд из двух кошек, двух крыс и одной кобры выбрался из канализационного люка. Все они спрятались в кустах, окружавших многоквартирный дом. Бренду, возлюбленную кобры, держали в квартире на третьем этаже.

– Слушайте, вот мой план, – сказала Тото. – Мы с Сильвером вскарабкаемся на стену и исследуем, на месте ли Бренда. Если обнаружим её, позовём вас. Она ведь… э-э… не будет пытаться нас сожрать, правда?

– Дельное замечание, – заметил Брайан. – Кто знает. Пожалуй, мне лучше сразу пойти с вами.

– Вы умеете забираться на стены? – спросил Сильвер.

– Конечно, у меня нет лап вроде ваших, ни когтей, ни пальцев… Но у меня есть свои способы, – пожал плечами Брайан. Вернее, пожал бы ими, если бы у него они были!

Тото и Сильвер начали подъём. Брайан, в свою очередь, обвился вокруг водопроводной трубы и заскользил вверх. Наконец все они добрались до карниза второго этажа и заглянули в окно.

– Да, это та самая квартира, – сообщил Брайан.

Кошки и сами видели, что пришли по адресу. Вернее, видел только Сильвер, но он подробно описал обстановку сестре. За окном была комната, наполненная аквариумами – они стояли рядами, и в каждом виднелись пленники: ящерицы, лягушки и змеи. В самом конце, у дальней стены, можно было различить очертания огромной кобры, похожей на Брайана. Змея, кажется, спала.

– Это она, моя милая, – прошептал Король-кобра. – Правда же, красавица?

Сильвер нервно сглотнул.

– Сестрёнка, я не уверен, что хочу заходить внутрь. Сдаётся мне, для всей этой компании мы будем слишком сильно напоминать ранний завтрак.

– У нас нет выбора, – ответила Тото. Она посмотрела наверх и заметила открытую узкую форточку. – Сейчас я попробую залезть туда и изнутри отопру для вас окно. После чего, Брайан, ты должен войти и разбудить Бренду. Потом ты объяснишь ей, что нас нельзя есть, и мы вместе уберёмся отсюда подальше. Как вам мой план?

Сильвер показал сестре большие пальцы лап, а Брайан заулыбался широкой влюблённой улыбкой, свесив на сторону раздвоенный язык.

– Странный способ выразить одобрение, – заметила Тото, – но я поняла, что вы хотите сказать «да». После чего она быстро вскарабкалась к форточке, протиснулась в неё и бесшумно спрыгнула внутрь комнаты. Со своим плохим зрением Тото мало что могла разглядеть, однако снаружи уже светало, и кошке удалось кое-как осмотреться. Теперь, согласно плану, ей нужно было открыть большое окно и…

Вдруг в коридоре зажёгся свет, и она услышала шаги.

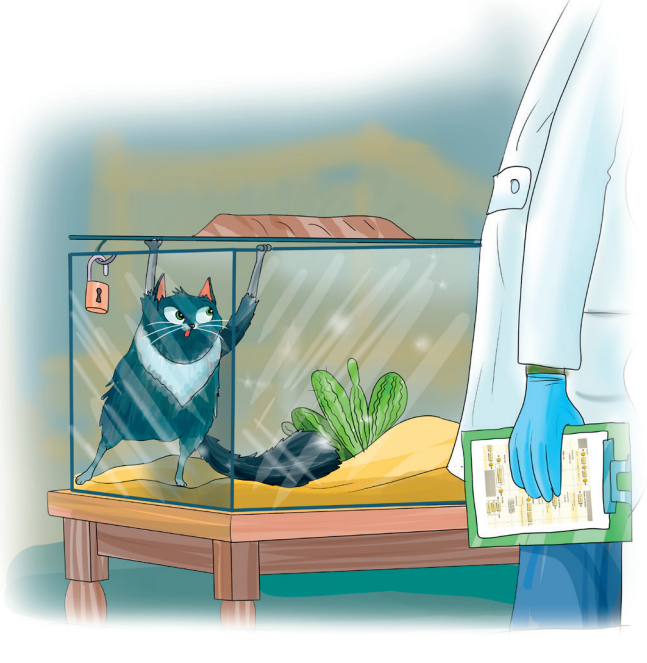
– Кто-то идёт! Прячьтесь! – шепнула она Брайану и Сильверу, и те пригнулись, распластавшись на карнизе.

Но сама Тото не представляла, где бы ей спрятаться – комната была совершенно пуста, если не считать аквариумов. Специальным ниндзя-приёмом она отомкнула замок на крышке ближайшего ящика и прыгнула внутрь, успев за секунду до того, как в комнату вошёл человек с планшетом в руках.

– Эрни! – позвал он кого-то, кто оставался в коридоре. – У нас через час отправка пятидесяти редких экземпляров, как обычно, в закрытом фургоне, чтобы не попасться полиции. Я проверю змей и пауков, и можно начать грузить товар.

«Это и есть нелегальные торговцы животными, о которых рассказывал Брайан, – подумала Тото. – Мне нужно поторопиться! Как бы поскорее добраться до клетки, где держат Бренду? Так, погодите, мне послышалось или он упомянул **ПАУКОВ**?»

Медленно-медленно Тото развернулась к задней стенке аквариума.



То, что она сперва приняла за пушистый чёрный шар, начало постепенно разворачиваться и выпускать наружу длинные лапы – и вот перед Тото уже стоял **САМЫЙ ОГРОМНЫЙ ПАУК,** которого она видела в своей жизни.

Ситуация могла бы быть хуже, да некуда! Конечно, за последние несколько часов Тото уже выиграла сражения с тиграми и гигантской коброй, однако здесь, в закрытом контейнере, у неё совершенно не было места для манёвра. Никакие приёмы ниндзя сейчас помочь не могли.

Паук тем временем пополз в её сторону. Тото оглянулась на человека, который расхаживал по комнате, проверяя ящики с живым товаром. Спрятаться было негде! Тото прижалась к стене и выпустила когти – и тут торговец наконец подошёл к паучьей клетке.

Он взглянул на паука, потом – на Тото, и на лице его отобразилось крайнее изумление.

– **ЭРНИ!** У нас тут кошка! – воскликнул он, обращаясь к напарнику.

Это был шанс Тото, и она не преминула им воспользоваться. Она пулей вылетела из аквариума человеку прямо в лицо, сбивая его с ног. А потом, оттолкнувшись от его головы, прыгнула прямиком на клетку Бренды – и быстро отперла замок.

Кобра проснулась и немедленно ринулась к ней, шипя:

– Пищ-щ-ща!

Тото подпрыгнула как можно выше и повисла на лампочке, освещающей аквариум.

– Нет, я не пища! – сверху крикнула она. – Я пришла, чтобы тебя спасти! Со мной пришёл Брайан, – она махнула лапой в сторону окна, за которым виднелась морда Брайана и его широкая глуповатая влюблённая улыбка.

– **МОЙ СЛАДЕНЬКИЙ!** – восторженно вскричала Бренда.

Сильвер, наблюдая за ними, так хохотал, что едва не упал с карниза во двор.

– Я понимаю, тебе кажется странным, что кошка пришла тебе на помощь, – объяснила Тото, – но у нас мало времени. Так что просто прими это как факт и постарайся, пожалуйста, меня не проглотить.

– Поняла, – кивнула огромная змея.

Тото выпрыгнула из ящика и поспешила к окну. Бренда следовала за ней. Тото не без труда открыла защёлку, и они с коброй выбрались на карниз.

– **КРОШКА! –** воскликнул Брайан.

– **БРАЙНИ!** – отозвалась Бренда, и огромные змеи радостно переплелись друг с другом.

– Мне, в самом деле, неловко вас прерывать, но нам нужно убираться отсюда *прямо сейчас*, – сообщил Сильвер.

– Нет, мы никуда не пойдём, пока не освободим всех остальных! – возразила Бренда.

– Вы с ума сошли? – ужаснулся Сильвер. – Вы что, правда хотите, чтобы мы выпустили на волю толпу ужасных хищных тварей?

– Что вы! Из всех пленников для вас опасна только я, – объяснила Бренда. – Остальные питаются насекомыми и червями, иногда крысами…

– Э-э… лучше не упоминайте об этом при наших товарищах, – посоветовал Сильвер.

– Но если мы бросим их в плену, торговцы продадут их неизвестно кому, и никто из несчастных больше не увидит своих близких! – сказала Бренда.

– Ладно, – отозвалась Тото. – Предоставьте это мне. А вы, ребята, идите – я вас скоро догоню.

Сильвер и обе кобры начали спускаться по водосточной трубе навстречу свободе.

Тото выпустила когти, в несколько ловких ниндзя-прыжков снова вернулась к аквариумам и быстро посбивала с них все замки.

– Вот ты где, мерзкое животное! – рявкнул торговец, который успел подняться на ноги и теперь выглядел ужасно злым.

Тото нужно было как можно скорее выбираться наружу. Одним могучим прыжком она перелетела через комнату, приземлилась человеку на голову, натянула кепку ему на самые глаза и через пару секунд уже была на карнизе.

Тем временем из ящиков на человека повалила целая армия освобождённых ящериц, игуан, лягушек и пауков.

– А-а-а! Пауки! А-а-а! Ящерицы! Эрни, на помощь! Я должен бежать, пока цел! – завопил человек и бросился прочь из комнаты.

– Удачи вам всем, ребята! – на прощание крикнула Тото освобождённым пленникам. – И, пожалуйста, больше никогда не ешьте крыс – среди них попадаются отличные парни!

?

Задания:

1. Есть ли у вас питомец? Кто это? Опишите его качества. Какие у него привычки и повадки? Как часто вы с ним общаетесь?

2. Нарисуйте в тетради таблицу с двумя колонками. Подумайте и запишите в первую колонку, как ухаживать за домашними кошками, а во вторую – как помогать уличным.

3. Игра-задание «Помоги уличным животным». Разделитесь на три команды. Каждой команде достается свой вопрос-задание, согласно которому она должна подготовить свои предложения по теме защиты уличных животных. Затем каждая команда озвучивает своё задание и предлагает решение. Остальные команды выслушивают решение и дают свою оценку.

ПРАКТИКУМ ПО РАЗДЕЛУ «МИР ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

В этом разделе вы познакомились с приключенческими, фантастическими и детективными произведениями.

1. Объясните разницу между жанрами «приключения», «фантастика» и «детектив». Разделитесь на три группы. Каждая группа выбирает себе один из жанров, подбирает соответствующие произведения и готовит ответ, при необходимости используя в качестве подсказки теоретическую часть к этому разделу.

2. Прочитайте названия произведений, по ним попробуйте догадаться, к какому жанру эти произведения относятся, и запишите названия в тетрадь в три колонки: а) приключение, б) фантастика или фэнтези, в) детектив.

«Алиса в Стране чудес», «Белый клык», «Властелин колец», «Вокруг света за восемьдесят дней», «Гарри Поттер и философский камень», «Голова профессора Доуэля», «Дело об отравленных шоколадках», «Десять негритят», «Дом странных детей», «Моби Дик», «Мор, ученик Смерти», «Обитаемый остров», «Остров сокровищ», «Пикник на обочине вселенной», «Преступление и наказание», «Приключения Гекльберри Финна», «Робинзон Крузо», «Собака Баскервилей», «Убийство в Восточном экспрессе», «Шпион, пришедший с холода».

3. Разделитесь на три группы. Каждая группа создаёт свой рассказ в картинках (комикс) по содержанию понравившегося произведения из данного раздела. Придерживайтесь следующего плана.

План:

1. Выберите понравившееся произведение из раздела «Мир фантастики и приключений» и перечитайте его.
2. Выберите эпизод (от двух предложений до двух абзацев).
3. Нарисуйте комикс по эпизодам или создайте комикс / коллаж на компьютере по эпизоду, используя готовые рисунки и фото из Интернета.
4. Покажите другим группам свою работу. Запишите все советы и предложения.
5. Выберите из предложенных советов лучшие идеи и усовершенствуйте свой комикс / коллаж.
6. Защитите свой проект «Мир фантастики и приключений»:

✓ расскажите об этапах своей работы;
✓ обоснуйте свой выбор эпизода;
✓ объясните, что именно вы нарисовали / сколлажировали;
✓ почему выбрали именно такие иллюстрации.

Поблагодарите всех, кто помог вам с выполнением задания.

КРАСОЧНЫЙ МИР ЧУВСТВ

ПОНЯТИЕ О СИМВОЛЕ

В художественной литературе при раскрытии содержания художественного произведения писатели и поэты активно используют символы. В науке о литературе под **символом** понимают слова, предметы, действия, которые условно подразумевают какое-либо явление.

Например, белый цвет – символ чистоты, голубь – символ мира, роза – символ женской красоты. Одни и те же символы в литературе могут появляться у разных авторов, иногда художники слова в своих текстах создают собственные символы. Например, розовый пряник в рассказе «Конь с розовой гривой» Владимира Астафьева выступает как символ детства, бабушкиной любви, а Ласточка в сказке Оскара Уайльда «Счастливый Принц» – символом доброты, милосердия.

Писатели и поэты используют символы, потому что:

✓ благодаря символам текст «оживает», становится эмоциональнее, выразительнее;

✓ благодаря символам автор помогает визуализировать идеи, которые могут показаться сложными.

ОСКАР УАЙЛЬД

Годы жизни	1854–1900
Род деятельности	писатель, поэт, драматург, публицист
Направление	эстетизм
Уникальность	показывал, что внутренняя красота важнее внешней
Визитная карточка	«Кентервильское привидение» (сказка, 1887) «Соловей и роза» (сказка, 1888) «Портрет Дориана Грея» (роман, 1890)

Особую страницу в книге величайших художественных произведений мира составляет творчество английского писателя XIX века – Оскара Уайльда. Многие его современники отмечали отличительные черты его натуры: он утончённо одевался, обладал непревзойдёнными манерами в поведении, умел поддержать любой разговор, видел внутреннюю красоту окружающих его вещей.

Именно такое философское восприятие мира нашло своё отражение не только в самом популярном романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», но и в сказках писателя, которые он рекомендовал читать всем детям от двух до восьмидесяти лет. И эта рекомендация не случайна. Будучи ярким мечтателем, писатель часто сталкивался с непониманием со стороны окружающих. Но он не отказался от своих мечтаний о мире, полном добра и красоты. Эти надежды он и отразил в своих сказках, показывая ребёнку, каким может быть мир, если все научатся понимать и ценить истинную красоту мира и человеческой души.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху до низу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный алый рубин сиял на рукоятке его шпаги. Все восхищались Принцем.

– Он прекрасен, как флюгер-петух! – молвил некий городской советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. – Но, конечно, флюгер полезнее! – прибавил он тотчас же, опасаясь, что его уличат в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

– Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! – убеждала нежная мать своего мальчугана, который всё плакал, чтобы ему дали луну. – Счастливый Принц никогда не капризничает!

– Я рад, что на свете нашёлся хоть единый счастливец! – бормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

– Ах, он совсем как ангел! – восхищались приютские девочки, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и чистых белоснежных передниках.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Её подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она задержалась тут, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Ещё ранней весною она увидала его, гоняясь за жёлтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщённая его стройным станом.

– Хочешь, я полюблю тебя? – спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и, оставляя за собой серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось всё лето.

– Что за нелепая связь! – щебетали остальные ласточки. – Ведь у Тростника ни гроша за душою и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень, и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротою, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

– Боже мой, ведь он как немой, ни слова от него не добьёшься, – говорила с упрёком Ласточка, – и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнётся, так и кланяется.

– Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия.

– Ну что же, полетишь ты со мною? – наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

– Ах, ты играл моею любовью! – крикнула Ласточка. – Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

«Где бы мне здесь остановиться? – задумалась Ласточка. – Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

– Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца:

– У меня золотая спальня! – разнеженно сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на неё упала тяжёлая капля.

– Как странно! – удивилась она. – На небе ни облачка. Звёзды такие чистые, ясные, – откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но он ведь такой эгоист.

Тут упала другая капля.

– Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. – И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля. Ласточка посмотрела вверх – и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слёзы катились по его золочёным щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я Счастливый Принц.

– Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

– Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слёзы, – ответила статуя. – Я жил во Дворце Блаженства, куда скорби вход воспрещён. Днём я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеною, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня всё было так роскошно! «Счастливый Принц» – величали меня приближённые, и вправду я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже не живой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета, какая только есть в моей столице. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слёз.

«А, так ты не весь золотой!» – подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

– Там, далеко, в переулке, я вижу убогий дом, – продолжала статуя тихим мелодическим голосом. – Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая возле стола. Лицо у неё измождённое, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иголкой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шёлковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, её больное дитя. Её мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. У матери же нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! Не снесёшь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

– Меня ждут не дождутся в Египте, – ответила Ласточка. – Мои подруги кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу великого царя. Там почивает он сам, фараон, в своём роскошном гробу. Он закутан в жёлтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зелёной нефритовой цепью, а руки его, как осенние листья.

Рубин – минерал, драгоценный камень красного цвета.
Страстоцветы – разновидность многолепесткового цветка яркой окраски.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Останься здесь на одну только ночь и будь моей посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

– Не очень-то мне по сердцу мальчики. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, швыряли в меня каменьями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увёртливы. К тому же мой род знаменит быстротой, но всё же в этом швырянии камней, по-моему, мало почтительности.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его. И вот Ласточка выклевала крупный рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольней собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею её возлюбленный.

– Какое чудо эти звезды, – сказал ей возлюбленный, – и как чудесна власть любви.

– Надеюсь, моё платье поспеет к придворному балу, – ответила она ему. – Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи так ленивы.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключающих между собою сделки и взвешивающих монеты на медных весах. И, наконец, она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула – она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с напёрстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

– Как мне стало хорошо! – сказал ребёнок. – Значит, я скоро поправлюсь. – И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всём.

– И странно, – прибавила она, – хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

– Это потому, что ты сделала доброе дело, – объяснил ей Счастливый Принц. И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

– Странное, необъяснимое явление! – сказал профессор орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. – Ласточка – среди зимы!

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому принцу.

– Нет ли у тебя поручений в Египет? – громко спросила она. – Я сию минуту улетаю.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – молвил Счастливый Принц. – Останься на одну только ночь.

– Меня ожидают в Египте, – ответила Ласточка. – Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там в тростниках лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует её радостным кликом. В полдень жёлтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зелёным бериллам, а рёв их громче, чем рёв водопада.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – сказал ей Счастливый Принц. – Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним завядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для директора театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

– Хорошо, я останусь с тобой до утра! – сказала Ласточка Принцу. У неё было доброе сердце. – Где же у тебя другой рубин?

– Нет у меня больше рубинов, увы! – молвил Счастливый Принц. – Мои глаза – это всё, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и ты-

сячу лет назад были привезены из Индии. Выклюй один из них и отнеси к тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе пищи и дров, и закончит свою пьесу.

– Милый Принц, я этого не сделаю! – И Ласточка стала плакать.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слыхал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в пучке увядших фиалок.

– Однако меня начинают ценить! – радостно крикнул он. – Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу окончить мою пьесу! – И счастье было у него на лице.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивали на верёвках из трюма какие-то ящики.

– Дружнее! Дружнее! – кричали они, когда ящик поднимался наверх.

– Я улетаю в Египет! – сообщила им Ласточка, но на неё никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

– Я пришла попрощаться с тобой! – издали закричала она.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – отозвался Счастливый Принц. – Не останешься ли ты до утра?

– Теперь зима, – ответила Ласточка, – и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зелень пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги вьют уже гнёзда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя и, когда наступит весна, я принесу тебе оттуда, из Египта, два драгоценных камня, вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

– Внизу, на бульваре, – молвил Счастливый Принц, – стоит маленькая девочка со спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и её отец прибьёт её, если она возвратится без денег. Она плачет. У неё ни башмаков, ни чулок, и голова у неё непокрытая. Выклюй другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не тронет её.

– Я могу остаться с тобою, – ответила Ласточка, – но выклевывать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь слепой.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – молвил Счастливый Принц, – исполни волю мою.

И она выклевывала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей сокровище в руку.

– Какое красивое стеклышко! – воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

– Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобою навеки.

– Нет, моя милая Ласточка, – ответил несчастный Принц, – ты должна отправиться в Египет.

– Я останусь с тобой навеки, – сказала Ласточка и уснула у ног его.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далёких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят вдоль Нильского берега и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом, как мир, живущем в пустыне и знающем всё; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами, с янтарными метками в руках; о Царе Лунных гор, который чёрен, как чёрное дерево, и поклоняется большому куску хрусталя; о великом Зелёном Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

– Милая Ласточка, – молвил Счастливый Принц, – всё, что ты рассказываешь, удивительно. Но самое удивительное в мире – это людские страдания. Где ты найдёшь им разгадку? Облети же, Ласточка, мой город и расскажи мне всё, что увидишь.

И Ласточка полетала над городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В тёмных закоулках побывала она и видела бледные личики истощенных детей, печально глядящих на чёрную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

– Нам хочется есть! – повторяли они.

– Здесь не полагается валяться! – закричал Полицейский. И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала обо всём, что видела.

– Я весь позолоченный, – молвил Счастливый Принц. – Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его тем, кто нуждается. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и блёклым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щёки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

– А у нас есть хлеб! – кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришёл и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закутались в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мёрзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало ей время умирать. Только у неё и хватило силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо.

– Прощай, милый Принц! – прошептала она. – Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

– Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, – ответил Счастливый Принц. – Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня, потому что я люблю тебя.

– Не в Египет я улетаю, – ответила Ласточка. – Я улетаю в обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца и упала мёртвая к его ногам. И в ту же минуту страшный треск раздался у статуи внутри, словно что-то там разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр города, а с ним городские советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

– Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! – воскликнул Мэр.

– Именно, именно оборвыш! – подхватили городские советники, которые всегда соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы её осмотреть.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, –

? Проследите, как автор показывает смену времён года. Какие слова он для этого использует?
А как меняются герои этой сказки?

продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

– Именно, хуже нищего! – подтвердили городские советники.

– А у ног его валяется какая-то мёртвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается. – И Секретарь городского совета тотчас же занёс это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

– В нём уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! – говорил в университете Профессор эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

– Сделаем новую статую! – предложил Мэр. – И эта новая статуя пускай изображает меня!

– Меня! – сказал каждый советник, и все они стали ссориться. Недавно мне довелось слышать о них: они сейчас ещё ссорятся.

– Удивительно! – сказал главный литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны его выбросить прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мёртвая Ласточка.

И повелел Господь ангелу своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдёшь в этом городе.

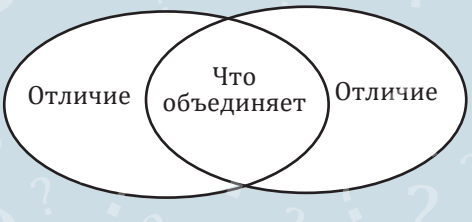
И принёс Ему ангел оловянное сердце и мёртвую птицу.

– Справедливо ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моём сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

Чертог – просторный зал.

Задания:

1. Составьте Диаграмму Венна, в которую запишите сходства и различия между внутренней и внешней красотой Счастливого Принца.



2. Продолжите предложение: «Внутренне красивый человек – это *заботливый человек,* …, …, …, … . Даже если внешне он некрасивый, с ним хочется *дружить*, …, …, …»

3. Придумайте, что дальше произошло с героями, после того как они получили подарки от Принца и Ласточки: с выздоровевшим мальчиком; с поэтом, дописавшим пьесу для театра; с девочкой с сапфиром.

АМАН МАТЧАН

Годы жизни	1943–2020
Род деятельности	Народный поэт Узбекистана
Направление	реализм
Уникальность	поэт-лирик, соединивший в своём творчестве восточные и европейские традиции
Визитная карточка	стихотворения «Узбекистан», «Микеланджело» [11]

Аман Матчан – один из интереснейших узбекских поэтов нашего времени, родившийся и выросший на древней земле Хорезма. В своих стихотворениях и балладах Аман Матчан воспевал любовь к родной земле, прославлял чистоту и богатство души народа, выражал презрение к тирании и лжи. В основу его баллад легли фольклорные сюжеты и хорезмийские мотивы.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Под сенью мимолётных облаков,
Чаруя Рим, собор Петра венчая,
Блистая красотою пять веков,
Плывёт сквозь время купол величавый.

Бессмертна Микеланджело душа.
Творец, с рожденья споривший с богами,
Он сердцем оживил бездушный камень.
И я гляжу на чудо не дыша.

Не умирает в мраморе мечта
Того, кто был с бессмертными на равных.
Здесь, где Христа оплакивает мрамор,
сердца нам омывает чистота.

Встаёт, проснувшись, совесть в полный рост.
И мечется, и не находит места,
И снова, снова мучает вопрос –
так совместимы ль гений и злодейство?

Когда художник восхищает мир,
То, в зависти испытывая муку,
Найдется тот, кто, злобою томим,
На красоту свою подымет руку.

Но застонав под молотом его,
Искусство не утратит вдохновенья.

[11] ***Микеланджело*** – итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт и мыслитель эпохи Возрождения.

И в трещинах бессмертное творенье
Бессмертья не лишится своего.

И потому не устрашись, поэт,
Ни клеветы, ни зависти, ни злобы.
Дитя минувших и грядущих лет,
Со временем ты сводишь счёт особый.

Не требуй же от нечисти ума.
Она, на правду нападая яро,
Жгла Гейне неподкупные тома,
Она могилы предков оскверняла.

У нечисти законы есть свои.
Она громила зодчество Востока,
Она хулила золотые строки
Великого навеки Навои.

Но не убить искусство и любовь.
Они бессмертны. В этом их величье.
И всё ж недаром стынет в жилах кровь,
коль вижу нечисть в ангельском обличье.

И тень злодейства, как Дамоклов меч,
за гением блуждает не напрасно.
Как гениальность от неё сберечь?
И кто разрушит это постоянство?

Перевод с узбекского А. Файнберга

Задания:

1. Проведите анализ стихотворения. Перепишите таблицу в тетрадь и заполните её, используя, когда требуется, слова и фразы из стихотворения.

Анализ стихотворения «Микеланджело»	
План:	**Пример из текста / Ваши мысли**
Об авторе	
Жанр	
Основная тема	
Герой	

Ваши эмоции после прочтения	
Ваши выводы об искусстве	

2. Игра «Буримé». Сочините рифмованное двустишие с предложенными словами:
Мыши – крыши
Кот – идёт
На кровати – бантик
Избушка – лягушка
Голубой – над землёй
Звери – двери.

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

Годы жизни	род. 1954
Род деятельности	писатель, драматург, журналист
Направление	реализм
Уникальность	мастер по оживлению неживых предметов
Визитная карточка	«Книга теней» (роман, 1996) «Страшный сон» (сказка, 2011) «Сказки на всякий случай» (сборник, 2012)

Евгений Клюев – русский писатель, родился в России, в городе Твери. Он прославился своими необыкновенными сюжетами и странными героями. По образованию Евгений Клюев – специалист в области русского языка и литературы.

Сказочное пространство его книг, юмористический слог позволяют писателю смешно и с иронией затрагивать очень серьёзные вопросы философии, культуры, языкознания. Его герои – предметы, на которые мы обычно не обращаем внимания, но которые живут собственной жизнью, – рассказывают о себе и о мире.

Уникальность творческого метода Евгения Клюева – в его приёме, который называется «точка зрения», когда история рассказывается с разных сторон, одну из которых занимает неодушевлённый предмет, например, календарь на стене. И автор показывает нам мир глазами календаря. А другую сторону занимаем мы, читатели, и мы видим мир по-своему.

Так, через творческую игру с героями, с читателем Евгений Клюев показывает, что, хотя мир един, но все мы видим его по-разному, поэтому очень важно прислушиваться друг к другу.

СКАЗКИ НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

У Отрывного Календаря всё было рассчитано: по одному листку на каждый день. А всего, стало быть, триста шестьдесят пять листков – ровно столько же, сколько дней в году. И повесили его тоже с расчётом: строго посередине стены.

«Почётное место…» – подумал Отрывной Календарь и даже немножко засмущался. Да и любой на его месте засмущался бы: шуточное ли дело – висеть у всех на виду! Тут хочешь не хочешь, а будешь следить за собой. Уже через несколько минут Отрывной Календарь перезнакомился с обитателями квартиры: их было много – и они были такие разные! Каждый радушно поприветствовал его и представился. Отрывной Календарь всякий раз говорил: «Очень приятно!» – и тоже представлялся в ответ. С ними ему предстояло прожить долгую и интересную жизнь, что Отрывной Календарь, конечно, ужасно радовало – и радость эта была прямо написана у него на лице.

– Дайте-ка я прочту, что у Вас на лице написано, – присмотрелась к нему Картина-с-Противоположной-Стены и прочла: – «Радость». А по какому поводу радость? – спросила она.

– По поводу жизни, – охотно ответил Отрывной Календарь. – Долгой и интересной жизни.

– Долгой и интересной? – расхохоталась Картина-с-Противоположной-Стены. – Жизнь коротка и скучна!

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то зачем же, дескать, её жить… но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать. А утром следующего дня с него сорвали первый листок – первого января как не бывало! Так и пошла вперёд его жизнь – день за днём: второе января, третье, четвёртое… февраль, март. И каждый день был полон событий, о которых ему надо было успеть напомнить всем в доме. Два дня назад, например, был первый день весны – самое важное событие в году!

– Простите, если это слишком личный вопрос, – обратилась к нему однажды в апреле Толстенная Поваренная Книга, – но какая у Вас диета.

– Какая у меня… что? – удивился Отрывной Календарь. Отрывной Календарь не замечал, что худеет на глазах. Да и когда было замечать? Жизнь так нравилась ему и казалась такой долгой и интересной, что дни пролетали совсем незаметно!

– Он просто ведёт неправильный образ жизни! – вмешалось Ленивое Кресло.

– Это как же? – озадачился Отрывной Календарь.

– Да так… растрачиваете свою жизнь направо и налево – вот и худеете! Между тем жизнь коротка и скучна – её надо беречь.

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж её тогда, дескать, беречь… но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать. А она, между тем, шла и шла – дел было хоть отбавляй! Да и дни становились всё короче: вот одна минута убыла от светлого времени суток, вот две, вот три… и об этом тоже надо было неустанно напоминать, чтобы все успевали использовать отпуска и каникулы до последней минуты. А первого сентября дети должны были ещё не забыть пойти в школу… Ах, какая же всё-таки разнообразная она, эта жизнь, какая долгая и интересная!

– Вы, дорогой мой, работаете на износ, – в середине октября обратилась к Отрывному Календарю очень щадившая себя Хрустальная Люстра, которую зажигали только по большим праздникам. – Так нельзя. От Вас уже практически ничего не осталось.

– Разве? – удивился Отрывной Календарь и рассеянно добавил: – А я и не замечаю! Но стоит ли об этом вообще думать, когда перед тобой такая долгая и интересная жизнь?

– Вы всё о том же! – усмехнулась Хрустальная Люстра. – Так и не поняли ничего за целый год… Говорят же Вам все вокруг: жизнь коротка и скучна!

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж тогда, дескать, себя щадить… но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать. И вот наступил самый хлопотливый месяц в году, декабрь. Дни убывали теперь уже со страшной скоростью – и темно становилось чуть ли не сразу после полудня. А приблизительно с середины месяца все просто сбились с ног: пришло время подарков. Листки с Отрывного Календаря слетали так быстро, что он даже не успевал провожать их взглядом, – до тех пор, пока не остался последний, 31 декабря.

– Ну, вот и всё, – подвело за Отрывной Календарь итог его жизни Ленивое Кресло. – Так бывает с каждым, кто возлагает на себя неподъёмные задачи. Жизнь слишком коротка и скучна – и никогда не следует торопиться.

Отрывной Календарь хотел было возразить, что если жизнь действительно коротка и скучна, то чего ж тогда, дескать, медлить… но смолчал: он пока ещё знал про жизнь не так много, чтобы настаивать.

– Вы бы хоть простились с нами, – сказала Хрустальная Люстра, в первый раз за всю свою короткую и скучную жизнь роняя хрустальную слезинку: ей было больно смотреть на совсем отощавший Отрывной Календарь.

– Проститься? – рассмеялся тот. – А не рано ли? Передо мной ещё целый день жизни… такой долгой и такой интересной жизни!

РАЗВОДНОЙ МОСТ

– Проплывайте скорее, не то я сейчас разобью Вам нос, – сказал Разводной Мост горделиво плывущему под ним Речному Теплоходу.

– Это ещё чего ради? – Речной Теплоход сразу надулся, словно был не теплоход, а парусник. (Речной Теплоход вёз пассажиров и никак не хотел показать им, что он, такой огромный и величавый, может находиться в зависимости от кого бы то ни было – даже и от самого Разводного Моста.)

– Того ради, – проворчал Разводной Мост, – что времени уже десять часов пятьдесят девять минут. А ровно в одиннадцать я должен опустить обе створки и стать пригодным для проезда и прохода граждан.

Теплоход – водное судно.

– Подумаешь! – сказал Речной Теплоход громко, чтобы услышали пассажиры. – Каких-то жалких секунд можно было бы и не принимать в расчёт.

А ведь Речной Теплоход хорошо понимал, что ему следовало поостеречься так говорить… Разводной Мост славился своей пунктуальностью. У него даже поговорка была: «Точность – вежливость разводных мостов», – и все в городе её хорошо знали. Потому-то шуток с Разводным Мостом не шутили: были уверены – что бы ни случилось, ровно в десять утра он поднимет обе свои створки к небу, а ровно в одиннадцать опустит их. И поступать именно так, а не иначе, будет четыре раза в сутки – стало быть, к этому надо просто привыкнуть, как привыкают, например, ко времени открытия и закрытия булочной или ко времени отправления самого раннего и прибытия самого позднего поезда. Хотя даже поезда, не говоря уж о булочной, с Разводным Мостом ни в какое сравнение не шли. Расписание иногда нарушалось, булочки часто подгорали… ах, да и вообще не было, не было, не было в мире совершенства… за исключением Разводного Моста. Разводной Мост был совершенство. По нему ставили часы на Городской Башне. По мановению его створок люди ложились спать и вставали по утрам. По мановению его створок начиналась и прекращалась работа в городе. Многие даже думали, что по мановению его створок восходит и заходит Солнце. Однако об этом Разводной Мост не думал: он просто делал свою работу точно в срок и никогда не считал себя совершенством – совершенством его считали другие.

Тем не менее, услышав слова Речного Теплохода, Разводной Мост чуть было не решил на самом деле разбить тому заносчивый нос, да пожалел пассажиров. Хотя проучить Реч-

ной Теплоход стоило, уж слишком он был самовлюблённым: только и делал, что любовался своим отражением в реке, а потому всегда опаздывал и едва успевал проскочить под Разводным Мостом в последнюю минуту перед тем, как тот опускал створки. Разводной Мост терпеть не мог Речной Теплоход за такие фокусы. Но терпел. И опускал створки ровно в одиннадцать, когда Речной Теплоход, запыхавшись, всякий раз удачно ускальзывал-таки от обрушивающейся на него железной массы. Ибо точность – вежливость разводных мостов. Впрочем, к вечеру Разводной Мост уже забыл о неприятном разговоре: близилось время поднимать створки, а в таких случаях ему требовался особый настрой – и он уже было начал его в себе создавать, как вдруг услышал совсем тоненький голосок:

– Прошу прощения, я успею проползти по Вам до того, как Вы разведёте створки? Мне очень нужно на ту сторону, у меня там дети.

Разводной Мост даже не увидел того, кто это говорит.

– Говорит Червяк! – радиоголосом отчитались ему. – Московское время десять часов двадцать минут.

– Я поднимаю створки в одиннадцать ноль-ноль, – предупредил Разводной Мост и поинтересовался: – А с какой скоростью Вы обычно ползёте?

– С небольшой, – задумчиво произнёс Червяк и раскаялся: – К сожалению, я никогда не делал замеров…

– Какого возраста дети? – деловито спросил Разводной Мост.

– Пятый день пошёл, – сказал Червяк с тоской.

– Ползите! – сдался Разводной Мост и насупился.

…за двадцать минут не было преодолено и четверти пути. Весь город собрался на берегу реки, чтобы посмотреть, как бесстрашный Червяк станет бороться за свою жизнь. Потому что жизнь его была в опасности. Окажись он между створок в одиннадцать ноль-ноль, пунктуальный Разводной Мост разорвёт его на две части… равные или неравные – в зависимости от скорости проползания. А всё шло именно к тому, что там, между створками, Червяк в одиннадцать ноль-ноль как раз и окажется.

Разводной Мост молчал и думал.

Собравшиеся у реки закусили губы и смотрели на секундомеры, которые для такого случая приобрели в спортивном магазине. По истечении получаса измученный Червяк преодолел две трети пути.

Разводной Мост молчал и думал.

В одиннадцать ноль-ноль ровно одна половинка червяка лежала на одной, а вторая – на другой створке Разводного Моста. Часы на Городской Башне почти прорыдали одиннадцать ударов. Червяк был обречён – и не только он сам стал прощаться со своей жизнью, но и все остальные стали прощаться с его жизнью.

Разводной Мост молчал и думал.

– Разводите створки! – прошептал Червяк, но слова эти услышал весь город. – Я больше не могу ползти. У меня кончились все силы.

– Ползи! – только и сказал Разводной Мост, стиснув створки так, что они скрипнули. – Ползи, чтоб тебя!

И Червяк переполз на другую сторону Разводного Моста. Это заняло у него целых четыре минуты.

В одиннадцать ноль-четыре створки моста поднялись вверх, давая дорогу разгневанным морским и речным судам, стоявшим в длинной очереди. Разводной Мост тяжело дышал и смущённо смотрел в воду,

а Червяк, отдуваясь и теперь уже не спеша, полз по наклонной плоскости второй створки.

И вдруг на берегу раздались аплодисменты. Люди хлопали в ладоши и кричали: «Браво!» А одна маленькая девочка даже подошла к Разводному Мосту и поцеловала его прямо в железо.

Но самым замечательным было то, что с этого дня репутация Разводного Моста как самого пунктуального в мире не пошатнулась, а, наоборот, ещё больше упрочилась.

Задания:

1. При написании сказки автор использовал приём «точка зрения». Расскажите историю «Разводной Мост» глазами Теплохода или девочки, которая поцеловала Мост. Сравните эти истории. Чем они отличаются?

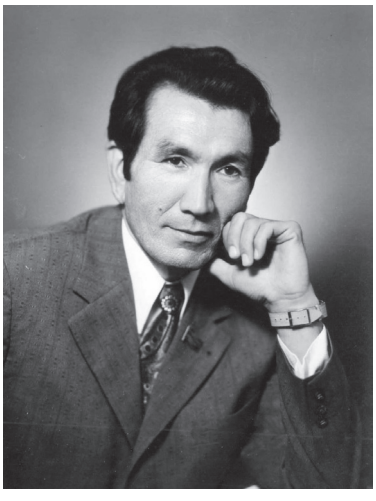
2. Попробуйте сочинить свою сказку про вещи:

- ✓ про чай и сахар;
- ✓ про книгу и смартфон;
- ✓ про стол и салфетку.

3. Отсканируйте QR-код, чтобы прочитать другие сказки Евгения Клюева.

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

Годы жизни	1929–2008 (Нукус, Каракалпакстан)
Род деятельности	Народный поэт Каракалпакстана и Узбекистана, переводчик, драматург и педагог
Направление	реализм
Уникальность	автор текста гимна Республики Каракалпакстан.
Визитная карточка	сборники поэм и стихов «Путнику с Востока», «Семь перевалов», «Степные грёзы», «Течение века», «Томирис и другие поэмы», «Вдохновение»



Ибрагим Юсупов – яркий представитель каракалпакской литературы XX века. Его поэзия исполнена трогательной любовью к родной земле, к природе Каракалпакстана, к простому человеку. Для поэта дорого всё – и сказки, услышанные в юрте у очага с тлеющим кизяком; и унылые, тягучие мелодии, которые пела его мать, сидя за шитьём; и песни девушек, крутящих дигирман (жернов для перемалывания зерна); и пастушья песня за аулом; и белый дом под сенью трёх старых белых ив с раскидистыми кронами.

САКСАУЛ

Что за странные толпы видны в раскалённой дали?
В небо руки кривые с угрозой они вознесли.
К ним с дороги сверни: это стражи пустынь – саксаулы
Над горбами барханов вздымаются в жгучей пыли.

В седине и рубцах, сколько лет им, не знают они,
Положи их в костёр – антрацитом пылают они.
Будто стойкий отряд массагетов – кочевников древних,
Жизни крайний рубеж от песков охраняют они.

В зной и стужу растет саксаул на сыпучей гряде,
Право жить на земле добывает он в тяжком труде:
Как бурильщики скважин, упорные, твёрдые корни
Прах бездушный сверлят, пробираясь к солёной воде.

Безымянный, на страже стоит в одиночестве он,
Если в схватке погибнет, не требует почестей он,
Но покуда живёт, будет молча с пустыней сражаться,
Как верблюд, терпелив и, как сказочный воин, силён.

На суровой земле прорастают его семена,
Вслед за ним в наступленье идёт на пустыню весна,
А когда он в огне умирает – не зря умирает:
Жар упрямой души отдаёт человеку сполна.

Перевод С. Северцева

АРБА СЛАВЫ

Коль свяжешься в пути с арбою славы,
То так и знай: беды не миновать!
И канет в пустоту твой голос слабый,
Когда, застряв, на помощь будешь звать.

Пусть обод украшает позолота
И весь навес из серебра на ней,
Твоя дорога – чёрная работа,
Тебе б арбу, хоть проще, да прочней.

Здесь слева – горный кряж, обрывы – справа...
Колени ободрав о камни круч,
Узнаешь сразу, сколько весит слава,
Приняв на плечи тяжесть тёмных туч.

А те, кому отваги недостало
Достичь вершины волей и трудом,
Увидят ли, как трудно дышит слава,
Хватая воздух пересохшим ртом?

Передохнув на горном перевале,
Почувствуешь прилив внезапных сил.
Хотя готов был к этому едва ли
И у судьбы пощады не просил.

И больше ноги не болят натужно...
Ты победил. Окончена борьба.
И там, где транспорта совсем не нужно,
Тебя ждёт славы странная арба.

И непомерно узкою тропою
Помчит тебя она в волшебный сон,
Которым над восторженной толпою
На краткий миг ты будешь вознесён.

? Расскажите, какую идею донёс до вас поэт стихотворением «Саксаул».

Но пользы в ней – не больше, чем в игрушке,
А это не игра – твоя судьба.
... Когда в дорогу отправлялся Пушкин,
Его ждала обычная арба.

Перевод Р. Казаковой

Задания:
1. Нарисуйте в тетради таблицу анализа строк стихотворения. Запишите идею поэта, затем, согласны вы с ней или нет (+ /–), аргументируя своё мнение.

«Арба славы»			
Строка	**Идея автора**	**+ –**	**Аргументируйте своё мнение**
Коль свяжешься в пути с арбою славы, То так и знай: беды не миновать!			
Но пользы в ней – не больше, чем в игрушке			
А это не игра – твоя судьба.			

2. Игра «Нарисуй стихотворение». Разделитесь на пять групп. Каждая группа выбирает себе одно четверостишье из стихотворения «Саксаул» и слово за словом графически изображает его на листе бумаги, соблюдая строчки. Главное условие: нарисовать нужно так, чтобы без подсказки легко было понять, о чём идёт речь. Затем каждая группа по одной выходит к доске, рисует свои изображения, а другие группы отгадывают графический шифр.

ГРИГОРИЙ ОСТЕР

Годы жизни	род. 1947
Род деятельности	писатель, сценарист, телеведущий
Направление	детская проза
Уникальность	написал книгу с вредными советами для непослушных детей и подарил миру Котёнка по имени Гав
Визитная карточка	«Как хорошо дарить подарки» (сказки, 1975) «Сказка с подробностями» (сказка, 1989) «Вредные советы» (стихи, 1990)

Писатель любит поговаривать, что никогда не рассматривал детскую литературу всерьёз. Но, как это часто бывает, попробовав заняться новым делом, прикипел к нему всей душой и стал настоящим профессионалом. Так и появилась классика детской литературы прошлого столетия.

Григорий О́стер в книге «Как правильно дарить подарки» познакомил детей с четырьмя замечательными персонажами: Удавом-философом, стеснительным Слонёнком, энергичным Попугаем и смешной Мартышкой, которые дружат где-то в джунглях. Эти образы настолько полюбились детям, что про их приключения даже сняли мультфильмы «38 попугаев», «Бабушка удава» и другие.

Но по-настоящему известным писатель стал после выхода в свет в 1990 году книги «Вредные советы», которые превратились в отдельный жанр. В этих книгах (есть так же и «Вредные советы – 2» и «Вредные советы – 3») автор предлагает своим читателям то выпрыгнуть из окошка вместе с маминым зонтом, чтобы стать лихим парашютистом, то задавать взрослым глупые вопросы, чтобы у тех трещали мозги, – таким «обратным» способом Григорий Остер предлагает детям посмотреть на шалости с другого угла зрения. Это же он предлагает и взрослым, говоря: «Уважайте детский труд. Ведь ребёнку иногда требуется несколько часов упорных усилий, чтобы создать тот беспорядок, который вы застаёте, возвращаясь вечером домой».

Писатель знает, что если ребёнку неинтересно, то читать он не будет, поэтому книги Григория Остера всегда увлекательны и учат детей (как и их родителей) находить ответы на важные вопросы.

КОТЁНОК ПО ИМЕНИ ГАВ

Одни неприятности

На чердаке жил котёнок по имени Гав. Он был рыжий.

Когда соседский кот узнал, что рыжего котёнка зовут Гав, он почесал спинку о трубу соседского дома и сказал:

– Я бы не советовал котёнку с таким именем спускаться во двор. Во дворе котёнка с таким именем ждут одни неприятности.

Котёнок Гав услышал и подумал: «Что это за неприятности и зачем они меня ждут?» Гав сейчас же спустился во двор и внимательно осмотрел все закоулки – нигде никаких неприятностей не было. В это время во двор вышла большая собака. Она увидела Гава и подумала: «Вот идёт рыжий котёнок. Что-то раньше я его не замечала».

– Эй ты, рыжий! Иди-ка сюда! – позвала собака, – Как тебя зовут?

– Гав! – сказал котёнок.

– Что-о-о-о?! – удивилась собака.

– Гав!

– Ах ты ещё дразнишься! – закричала собака и погналась за котёнком так быстро, что чуть-чуть его не поймала.

Когда котёнок Гав примчался на свой чердак, соседский кот спросил его:

– Ну, убедился, что во дворе тебя ждут неприятности?

– Нет, – сказал котёнок, – не убедился. Я их искал, искал и уже почти совсем нашёл, но меня собака прогнала.

Где лучше бояться?

Дождь громко стучал по крыше. Котёнок Гав сидел на своём чердаке и боялся. А к нему в гости пришёл щенок с первого этажа.

– Гав, – позвал щенок, – где ты?

– Я тут, – ответил Гав из самого дальнего угла чердака.

– Что ты делаешь?

– Боюсь дождя.

– Давай вместе бояться, – предложил щенок, сел рядом с котёнком, и они стали бояться вместе.

Щенок послушал, послушал, как стучит дождь, и ему на самом деле стало страшно.

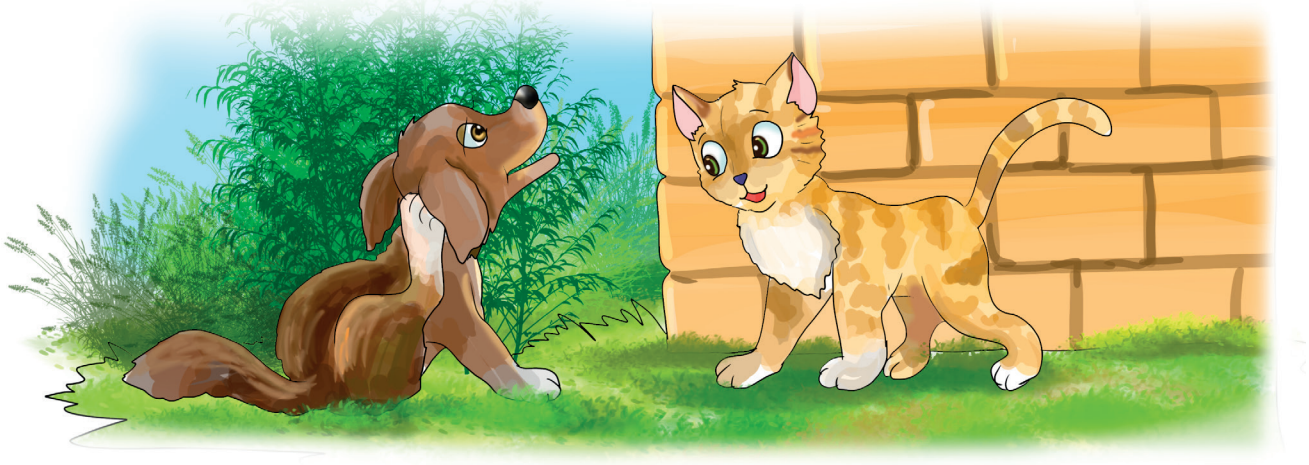
– Знаешь что, – сказал щенок, – пойдём лучше вниз бояться.

Котёнок и щенок спустились на первый этаж и сели на самой нижней ступеньке.

– Нет, – сказал Гав, – здесь дождя совсем не слышно, и поэтому бояться неинтересно. Я лучше пойду побоюсь на чердаке.

Тень всё понимает

Котёнок вышел во двор и увидел, что возле его лап лежит маленькая тень.



– Здравствуй! – обрадовался котёнок. – Хочешь, поиграем?

Тень молчала.

– Что же ты не отвечаешь? – спросил котёнок. – Давай я буду тебя догонять, а ты убегай.

И котёнок помчался через двор. Тень побежала впереди и бежала очень быстро. Котёнок так и не смог её поймать. Он добежал до соседского дома и остановился.

– Теперь, – сказал котёнок, – я буду убегать, а ты догоняй.

Тень побежала сзади и, наверное, очень старалась, но котёнка всё-таки не поймала.

– Не догнала! Не догнала! – закричал котёнок и остановился, потому что добежал до своего дома.

Тень тоже остановилась.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил котёнка щенок, выходя из подъезда.

– С тенью, – ответил котёнок.

– Разве тень умеет разговаривать?

– Не умеет, – сказал котёнок. – Но она всё понимает.

Середина сосиски

Котёнок Гав и щенок собирались позавтракать, но на двоих у них была только одна сосиска.

– Как же мы её будем делить? – спросил щенок.

– Очень просто, – сказал котёнок. – То, что от начала до середины сосиски, будет тебе, а от середины до конца – мне.

Щенок подумал и вздохнул.

– Нет, так не получится.

– Почему не получится?

– Потому что мы не знаем, где у сосиски конец, а где начало. А значит, и середину не найдём.

– Действительно, – согласился котёнок, – не знаем. Тогда давай так: ты начнёшь есть сосиску с одной стороны, а я – с другой. Там, где мы встретимся, и будет как раз середина.

– Хорошо, – согласился щенок, и они начали есть.

Когда их носы столкнулись, щенок сказал:

– Что-то мы очень быстро встретились. Ты уверен, что середина сосиски именно в этом месте?

– Теперь уже неважно, – сказал котёнок. – Всё равно никаких других мест у сосиски не осталось.

Задания:

1. Известно, что кошки и собаки не любят друг друга. Как вы думаете, почему? А почему в этой сказке щенок и котёнок подружились? Назовите принципы дружбы, показанные в иллюстрациях.

2. Игра «Кто полезнее?» Разделитесь на две команды – «Кошки» и «Собаки». Каждая команда готовит доказательства полезности своего животного, исходя из пользы, которую оно приносит человеку. За каждое доказательство присуждается одно очко. Выигрывает та команда, которая набрала больше очков.

3. Отсканируйте QR-код и прослушайте книгу Григория Остера «Сказка с подробностями».

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

Годы жизни	1913–1972
Род деятельности	писатель, актёр театра
Направление	детская проза
Уникальность	девиз писателя: «Я должен приносить радость детям».
Визитная карточка	«Денискины рассказы» (цикл рассказов, 1959) «По секрету всему свету» (сценарий к фильму, 1976) «Сегодня и ежедневно» (повесть, 1964)

Многие писатели стараются объяснить своим читателям, что такое хорошо, а как поступать не стоит. Но мало кто делает это настолько правдоподобно и искромётно, как это делает Виктор Драгунский.

Первое его произведение – сборник «Денискины рассказы» – было опубликовано в 1959 году и сразу приобрело невероятную популярность. Писатель взял за основу сюжетов к рассказам разные случаи из жизни своего сына Дениса, которые могут случиться с каждым мальчишкой. Виктор Драгунский не стремится поучать своего читателя, он оставляет ему возможность самостоятельно разобраться в ситуации и принять решение, как бы он сам поступил. Добрые и поучительные рассказы о Денисе Кораблёве актуальны и в наши дни, потому что мальчишки – они всегда мальчишки.

Уникальный тон писателя, лёгкость и юмористичность описания обычных ситуаций, в которую может попасть каждый подросток, пользуются заслуженной славой, ведь автор не читает скучных нотаций, а старается дать читателю совет, помня при этом, что когда-то давно он и сам был ребёнком.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама в коридоре сказала кому-то:

– ...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «тайное становится явным»?

– А это значит, что, если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял?.. Ложись-ка спать!

Я вычистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать. Сначала я съел яйцо. Это было ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:

– Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:

– Я ею давлюсь!

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдем с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!

Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню. А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю. А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю,

у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол. В это время вошла мама. Она сразу посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! – И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну, и поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек.

– Что вам нужно? – строго спросила мама.

– Как не стыдно! – Милиционер даже стал по стойке «смирно». – Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клевещите. Ничего я не выливаю!

– Ах не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: – Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И вот к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал мекать:

– Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же я пошлю своё... мм... фото, когда я весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор. А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

– Да.

? Подумайте, что именно запомнил Денис на всю жизнь? Опишите чувства, которые он испытывал, описанные в конце рассказа.

АРБУЗНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Я пришёл со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счётом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

– Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

– Живого быка? – сказала она.

– Ага, – сказал я, – живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

– Ешь! – сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

– Я не буду лапшу!

Мама сказала:

– Безо всяких разговоров!

– Там пенки!

Мама сказала:

– Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

– Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

– Это ты меня убиваешь!

И тут вошёл папа. Он посмотрел на нас и спросил:

– О чём тут диспут? О чём такой жаркий спор?

Мама сказала:

– Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

– А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

– Это лапша, а в ней пенки…

Папа покачал головой:

– Ах, вот оно что! Его высокоблагородие фон-барон Кутькин-Путькин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

– Это что такое – марципаны?

– Я не знаю, – сказал папа, – наверно, что-нибудь сладенькое и пахнет одеколоном. Специально для фон-барона Кутькина-Путькина!.. А ну давай ешь лапшу!

Марципа́н – смесь измельчённого в муку миндаля и сахарного сиропа.

– Да ведь пенки же!

– Заелся ты, братец, вот что! – сказал папа и обернулся к маме. – Возьми у него лапшу, – сказал он, – а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел – по-чужому. И я сразу перестал улыбаться – я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне и не маме, а так кому-то, кто его друг:

– Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, – сказал папа, – как невесело, неуютно тогда было в Москве… Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно… Ну, всё понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся кверху, и мне все время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что… У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано…

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу – стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, – рот у него очень втянулся. И вот он берёт арбуз и ки-

? Рассмотрите внимательно эту иллюстрацию. Найдите в рассказе эпизод, который на ней изображён. Перепишите этот абзац в тетрадь своими словами.

дает его своему товарищу, а тот – продавщице в белом, а та – ещё кому-то четвёртому… И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть – играют люди в зелёно-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и всё улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйте! Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул както криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середки. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне хочется есть. Но я отвернулся и пошёл домой. И не успел я отойти, вдруг слышу – зовут:

– Мальчик, мальчик!

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

– На-ка, малый, арбузика, тащи, дома поешь!

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на свое место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щёлкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы ещё лучше наелись. Да…

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

– А потом еще хуже завернула осень, – сказал он, – стало совсем холодно, с неба сыпал сухой снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты всё шли и шли к Москве, и я всё время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне ещё снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чём не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

– Пойдем, Валька, сходим в тот арбузный переулок, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадёт, и, может быть, нам его опять подарят.

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холод был страшный, и пошли в арбузный переулок. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном переулке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждём, когда же придёт грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он всё не приезжал. Я сказал:

– Наверно, завтра приедет…

– Да, – сказал Валька, – наверно, завтра.

И мы пошли с ним домой. А назавтра снова пошли в переулок, и сно-

ва напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал…

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьёт, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут… И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал её всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтёр донышко, и ложку облизал.

Задание:

Синквейн. Сочините два стиха к рассказам «Тайное становится явным» и «Арбузный переулок», переписав в тетрадь и заполнив таблицы:

«Все тайное становится явным»		
Этап	**Чем выражено**	**Ваш вариант**
1. Тема рассказа	Одно существительное	
2. Основная тема	Два прилагательных	
3. Действия в рассказе	Три глагола	
4. Ваше отношение	Фраза, афоризм, пословица, цитата и т. д.	
5. Итог	Одно слово. Ассоциация с названием произведения	

«Арбузный переулок»		
Этап	**Чем выражено**	**Ваш вариант**
1. Тема рассказа	Одно существительное	
2. Основная тема	Два прилагательных	
3. Действия в рассказе	Три глагола	
4. Ваше отношение	Фраза, афоризм, пословица, цитата и т. д.	
5. Итог	Одно слово. Ассоциация с названием произведения	

По желанию зачитайте получившиеся стихи своим одноклассникам.

АЗИМ СУЮН

Годы жизни	1948–2020 (Самаркандская область)
Род деятельности	узбекский поэт
Направление	реализм
Уникальность	воспевал труд простого человека и независимость нашей родины.
Визитная карточка	«Судьба земли» (сборник стихов, 1981) «Сарбадары» (сборник дастанов, 1994)

Азим Суюн – узбекский поэт, в творчестве которого темы современности и преемственности поколений тесно связаны между собой. Лирический герой его произведений – это честный и трудолюбивый человек.

Азим Суюн родился в деревне Кудукча Самаркандской области, в Нуратинских горах. В своё время отцу мальчика пришлось работать пастухом, и Азим помогал тому пасти овец. Так в сердце будущего поэта зародилась огромная любовь к природе и сформировался дух поэта.

Поэзия Азима Суюна – глубокая и жизнеутверждающая. Произведения поэта переведены и изданы на турецком, английском, арабском, русском, казахском, таджикском, киргизском, туркменском, каракалпакском и других языках.

МОЙ ДЕД – ДЕХКАНИН

Бесснежною морозною зимой
Птиц убивает ветер ледяной.
А ты, как летом воду гонишь к полю.
Не лёгок, дед мой, хлеб дехканский твой.

Весною горы – что ковёр цветной.
И птицы свищут в городе весной.
А ты о хлопке думаешь, о севе.
Не лёгок, дед мой, хлеб дехканский твой.

Затянут небо тучи пеленой.
Как слёзы, дождь заплещет проливной.
Но чапаном ты поле заслоняешь.
Не лёгок, дед мой, хлеб дехканский твой.

В тень загоняет жаворонка зной.
Всё прячется от злой жары земной.
Но в белом поле ты доволен зноем.
Не лёгок, дед мой, хлеб дехканский твой.

Вновь крылья туч над пасмурной зарёй.
Кричат вороньи стаи над землёй.
Ты ж хлопок весь до грамма убираешь.
Не лёгок, дед мой, хлеб дехканский твой.

Всё позади, край белых гор родной.
Твой урожай лежит перед страной.
Ты на плечах своих всё это вынес.
Не лёгок, край мой, хлеб дехканский твой.

ЗАБЫТЫЕ ЯЗЫКИ

Шумер [12] ли немо вскидывает руки,
Иль Согда [13] спит под сенью облаков?
Санскрита [14] ли божественные звуки
Умолкли под руинами веков?

Нам с тайны вечной не сорвать покрова.
Язык забытый – что погибший храм.
Не говоря о будущем ни слова,
Он и о прошлом не расскажет нам.

И некогда ликующие страны,
Рабов печали и пиры вождей,
Как скалы, что накрыты океаном,
Без языка пропали для людей.

[12] ***Шумер*** – представитель древнего населения на территории современного Ирака.
[13] ***Согда*** – древняя историческая область в Центральной Азии.
[14] ***Санскрит*** – древний язык Индии; в настоящее время мёртвый язык.

Смерть языка... Страшней не знаю смерти.
Ужель забвенье о добре и зле –
Единственная истина на свете
Для всех народов, живших на земле?

Без языка обычаи, приметы –
Всё пропадает, всё потеряет лик.
Но всё же не язык виновен в этом,
А тот народ, что предал свой язык.

Ау, певцы, пропавшие навеки,
Не скинувшие прочь чужих оков!
Неужто, вправду, гордость в человеке –
Лишь выдумка наивных чудаков?

Иль, может, песнь о воле распевая,
Могли вы тоже плакать и любить?..
Увы, увы, напрасно я взываю.
Забытых языков не оживить.

Смирюсь я, коль река покинет землю,
Сад омертвеет, сгинут города.
Лишь гибель языка я не приемлю.
А коль приемлю – кто же я тогда?

Страницы ль перелистываю, годы,
Плыву в морях, гляжу ль на облака,
Шепчу: как языка нет без народа,
Так и народа нет без языка.

Перевод с узбекского А. Файнберга

1. Игра «Нарисуй стихотворение». Разделитесь на шесть групп. Каждая группа выбирает себе одно четверостишье из стихотворения «Мой дед – дехканин» и слово за словом графически изображает его на листе бумаги, соблюдая строчки. Главное условие: нарисовать нужно так, чтобы без подсказки легко было понять, о чём идёт речь. Затем каждая группа по одной выходит к доске, рисует свои изображения, а другие группы отгадывают графический шифр.

2. Задание «Инсерт». Перепишите в тетрадь таблицу и заполните её.

«Забытые языки»				
Я знаю	**Для меня новое**	**Вызывает противоречие**	**Мне непонятно**	**Удивило меня**

РАХМАТ ФАЙЗИ

Годы жизни	1918–1988 (Ташкент)
Род деятельности	узбекский писатель и драматург
Направление	реализм
Уникальность	автор сценария к знаменитому художественному фильму о доброте и милосердии узбекского народа, приютившего детей и стариков из других республик в годы Второй мировой войны «Ты не сирота».
Визитная карточка	«Его величество Человек» (роман, 1969)

Имя узбекского писателя Рахмата Файзи стало известно благодаря роману «Его величество человек». В страшные годы Второй мировой войны узбекский народ приютил тех, чьи дома были уничтожены фашистами. Доброта, забота, гостеприимство наших людей спасли жизнь и отогрели сердца тысяч людей, потерявших кров.

В то суровое время кузнец Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри Ахмедова усыновили четырнадцать детей-сирот разных национальностей, среди которых были русские, белорусы, молдаване, украинцы, латыши, казахи, татары и малыши других национальностей. Шамахмудовы подарили детям родительскую любовь и теплоту. Роман «Его величество Человек» посвящён этой подлинной истории о широте человеческой души. Это произведение выросло в повествование о великой дружбе между народами, о самоотверженном труде простых людей в годы войны.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК

(отрывок)

Глава восьмая

Прямая улица упиралась в площадь, над которой высилось здание вокзала. В Ташкенте не было второго такого людного места: как в зеркале, там отражалась жизнь всего города.

Вокзал с первого дня войны изменился: казалось, он тоже надел шинель, туго подпоясался ремнём и, гулко ступая тяжёлыми сапогами, заступил на пост.

Вокзал стал теперь в основном местом проводов. Сурово и мужественно смотрит он всеми своими окнами на эшелоны, уходящие далеко на запад, на фронт.

«Побеждайте, пусть враг не осилит вас!» – напутствуют солдат надписи на красных полотнищах. И прощальные гудки паровозов зычно и протяжно ревут в ответ: «Победим! Победим!»

Сегодня, однако, необычный день. День встречи. Ждут эшелон с детьми из прифронтовой полосы.

...Когда Махкам-ака и Мехриниса сошли с трамвая, вокзальная площадь была уже забита народом. Здесь собрались и белобородые старики, и старухи в белых кисейных платках, и женщины, пришедшие прямо с работы. Молодёжи в городе заметно поубавилось, особенно парней. Но все девушки в этот день, казалось, собрались на площади. Многие из них, повязав красные повязки, хлопотливо бегают, успокаивают взволнованных женщин.

– Сиротки бедные, сиротинушки, что же они не едут? – плачет какая-то старушка.

Девушка с повязкой задерживается возле неё.

– Не нужно плакать, бабушка, – говорит она старушке. – Встретим детей ласково и спокойно. Возьмите себя в руки, бабусенька.

Толпа стоит притихшая, напряжённая. Люди говорят друг с другом шёпотом, словно боятся нарушить чей-то покой. Только издалека доносятся звуки солдатской гармошки, и мелодия песни «Священная война» наплывает торжественно и сурово, как набат.

– Приехали! – вдруг обрадованно воскликнул кто-то.

Люди увидели машину, которая, обогнув толпу, остановилась у главного входа в вокзал.

Из машины вышли высокий мужчина в чёрном пальто, в чустской тюбетейке и худощавый молодой человек.

– Ахунбабаев. Это Ахунбабаев! – узнали в толпе Ата.

– Значит, поезд скоро придет, – подумала вслух какая- то женщина.

Не отрывая взгляда от Ахунбабаева, заговорившего о чём-то с водителями санитарных машин, Мехриниса взволнованно обратилась к мужу:

– А что, если прямо к нему?

– Нет, нет, человек он государственный, занятой...

Махкам-ака всё же задумался: может, и правда подойти к Ахунбабаеву? Но как пробиться черев толпу и сказать: «Мне бы одного мальчика или девочку...» Он повернулся к жене, тронул ее за локоть:

– Хорошо бы с ним, конечно, поговорить, да как-то неловко мне... Может, ты сама, Мехри? А?

– Вай-ай, что я скажу? Как осмелюсь? Нет, нет! – запротестовала та.

– Одно дело – когда мужчина говорит, совсем другое – когда об этом же

скажет женщина. Ведь тебе ухаживать за ребёнком!

– А я буду рядом с вами... Сам увидит, что вы не один, – упрямо твердила Мехриниса.

Махкам-ака умолк. В это время на площади появилась колонна школьников с барабанщиком впереди и направилась прямо на перрон. Люди расступались перед колонной. Кузнец смотрел на детей, но мысли его были заняты другим: сколько он размышлял, сколько они переговорили с женой, а тут на тебе – растерялся, почувствовал: не только действовать, но и говорить трудно... В нос ударил едкий дым махорки. Махкам-ака обернулся к курившему.

– Вы тоже ждёте этот поезд? – первым спросил тот.

Мехриниса бросила на говорившего быстрый взгляд. Этот русский говорил по-узбекски почти как узбек. Из-под кепки выбились седые волосы, усы, видимо, потемнели от курения.

«Рабочий», – заключила Мехриниса, рассматривая потёртую спецовку соседа.

– Да, да, жду поезда с детьми, – ответил Махкам-ака. – Кажется, здесь все ждут его.

– Вы встречаете кого-нибудь из близких? – поинтересовался незнакомец.

Махкам-ака засмеялся:

– Мы-то... – И посмотрел на жену, как бы спрашивая взглядом, можно ли сказать этому человеку правду. – Пришли вот в надежде взять... Приютим, приласкаем, как родного... – поймав одобрительный взгляд жены, сбивчиво объяснял Махкам-ака.

– А-а, усыновить хотите?

– Позволили бы... Приютим, как родного, – смущаясь, повторил Махкам-ака.

– Вот и я тоже. Вчера увидел детей из прифронтовой полосы – и сердце защемило. Рассказал своей старухе. Она в слёзы. «Узнай-ка, – говорит, – отдадут, нет ли, если попросим одного на воспитание». – «Подумаем», – говорю. А ей уже невтерпёж. «Думать нечего. Бери! Приедет внучка, будут расти вместе».

«Вон оно как! Выходит, не мы одни», – Махкам-ака почувствовал симпатию к этому рыжеусому человеку.

А тот не спеша продолжал:

– Есть у узбеков поговорка: кто приходит на поминки, плачет о собственном горе. Так и я. Зять мой – офицер, служил на границе. И семья там: внучка, дочь. С начала войны от них ни письма, ни весточки. Привезут раненых – скорее бегу на вокзал. Теперь вот эвакуированные дети. Я опять здесь. Вдруг, думаю, из вагона выйдет дочь, выведет за руку внучку. Не знаю, куда писать, где справляться. Старуха выплакала все глаза, а со вчерашнего дня затвердила одно: «Возьмем сироту».

Мужчина тяжело вздохнул и принялся расспрашивать Махкама-ака, где он работает, есть ли у него дети, а под конец, назвавшись Иваном Тимофеевичем, добавил:

– Меня узбеки, приятели по работе, зовут Вахаб-ака...

Через несколько минут Махкам-ака и Мехриниса знали уже многое об Иване Тимофеевиче. Родился он в российской деревне. Молодым парнем был призван в армию. Потом гражданская война, ранение. В госпитале полюбил санитарку. Женился, переехал в Ташкент. С тех пор работает на вагоноремонтном заводе. Многих – и узбеков и русских – обучил своему делу, да и сам кое-чему научился.

Внезапно открылись двустворчатые ворота, и толпа ринулась на перрон. Иван Тимофеевич заторопил супругов:

– Поезд подходит. Пошли!

Махкам-ака с Мехринисой старались не потерять в толпе нового знакомого. Вдали показался паровоз. Он пыхтя, медленно подтащил состав и остановился. Людская волна хлынула к вагонам – и тут все разом тяжело вздохнули.

Вагоны... Подумать только, в таком длинном-предлинном составе ни одного уцелевшего! Все растерзанные, измятые, обгоревшие, дыры забиты досками, картоном, завешены одеялами, шинелями. В окнах – съёжившиеся, испуганные, чумазые дети в лохмотьях. У многих перевязаны руки, ноги, головы... Иные с трудом держатся на ногах...

После мгновенного оцепенения перрон огласился плачем. Но люди быстро справились с собой. Они вдруг приветливо замахали руками, даже пытались улыбаться и что-то без конца говорили, говорили, ласковое и невнятное, чтобы скрыть волнение.

Иван Тимофеевич, высоко подняв свою кепку, подходил то к одному, то к другому вагону, вглядывался в окна.

Махкам-ака утешал плакавшую жену:

– Ну что ты, у них своего горя хоть отбавляй, а ты слёзы льешь... Посмотри на них, улыбнись! – А сам украдкой вытирал глаза.

Санитары начали выносить из вагонов на носилках раненых и больных. Какая-то женщина бросилась навстречу медсестре с черноволосой девочкой лет четырёх на руках и стала исступленно целовать ребенка, пыталась отобрать у медсестры, но та неумолимо шагала к санитарной машине. Девочка безразлично молчала...

Наконец детей вывели, построили парами. Ташкентские школьники окружили колонну, и уже через минуту то здесь, то там слышался оживлённый детский говор. Ахунбабаев тоже подошёл: мальчику в длинной, свисавшей до земли телогрейке он шутя сдвинул на затылок шапку, другому слегка прищемил пальцами нос, третьего дружески похлопал по плечу. Дети смотрели выжидающе, но с любопытством. Ахунбабаев взял на руки белокурую девочку, погладил её по щёчке:

– Как доехали, доченька? Тебя как зовут?

– Света...

– О, какое у тебя красивое имя! Ну, сейчас мы поедем, отдохнёшь. А потом поговорим, ладно?

Теперь уже не только Света, все хотели участвовать в разговоре с этим приветливым человеком. Трудно было сразу унять начавшийся гомон. Женщина-лейтенант успокаивала детей. Наконец стало тихо, и женщина обратилась к людям, толпившимся на перроне:

– Жители Ташкента! Я не стану рассказывать вам о муках, какие перенесли эти дети. Семнадцать мучительных дней мы были в пути. В прифронтовой полосе эшелон бомбили. Красный крест на вагонах не остановил фашистов... Вашу доброту и любовь дети никогда не забудут... Всем вам большое спасибо!

Женщина обернулась к Ахунбабаеву, хотела что-то и ему сказать, но не смогла: плечи её затряслись от судорожных рыданий.

Ребятишек повели к арбам и машинам, люди стали расходиться. Махкам-ака и Мехриниса молча стояли в стороне. Вдруг кто-то подошёл и крепко взял Махкама-ака за руку.

– А ты что, дорогой, не уходишь?

Кузнец обернулся и увидел Ахунбабаева. Он оторопел, растерялся.

– Ассалому аллейкум, – только и смог сказать он.

Ахунбабаев кивнул и протянул руку Мехринисе.

– Народ наш щедр. В трудный момент поделится последним куском хлеба. Не оставим этих детей сиротами, верно? – И Ахунбабаев, отпустив руку Мехринисы, повернулся к Махкаму-ака.

– Правильно, Аксакал, – Махкам-ака наконец-то обрёл дар речи.

Мехриниса покраснела от смущения. Ей хотелось сказать Ахунбабаеву, что и она так думает, но от волнения женщина не смогла вымолвить ни слова.

Ахунбабаев понимающе посмотрел, улыбнулся, дружелюбно попрощался.

– Что делать будем, куда пойдем? – спросила Мехриниса после его ухода.

– А?

– Почему вы молчали? – робко взглянула Мехриниса на мужа. – С самим Аксакалом увидеться – и не сказать ни слова!

– Ну, растерялся, разве тут сообразишь сразу...

Людей на перроне становилось все меньше. Вдруг показался Иван Тимофеевич. Махкам-ака быстро пошёл ему наперерез. Мехриниса еле поспевала следом.

– Ах, вы ещё здесь! – Иван Тимофеевич обрадовался, увидев кузнеца.

– Ну, как, узнали что-нибудь?

– Нет, – уныло ответил Иван Тимофеевич.

– А куда отвезли детей?

– А разве вы не слышали? – удивился Иван Тимофеевич.

– Нет.

– По радио объявили. Вы, видать, прослушали. Детей развезли по детдомам. Кто хочет усыновить, пусть обращается прямо туда.

Хантахта – невысокий стол.

– Хорошо, что встретил вас! Спасибо! А мы-то с женой совсем растерялись и не знаем, у кого спросить. Ну, пойдем, пойдем, – заторопил Махкам-ака жену.

Трамвай остановился на Бешагаче: дальше он не шёл. Мехриниса и Махкам-ака теперь должны были пересесть в другой трамвай, но его долго не было. Махкам-ака поёживался от порывистого ветра, Мехриниса по-прежнему пребывала в каком-то оцепенении и, завернувшись в шаль, казалось, не чувствовала холода.

Когда они вернулись домой, Мехриниса, не проронив ни слова, взяла с хантахты письмо и молча передала мужу. Взглянув на конверт, Махкам-ака обрадовался, мучившие его тревожные видения мгновенно исчезли.

– Когда пришло? – спросил он, торопливо вынимая письмо из конверта.

– Прихожу домой, смотрю: лежит под калиткой. Видимо, девушка бросила в щель.

Махкам-ака начал читать письмо Батыра. Чем дальше он читал, тем сильней волновался, тем чаще билось его сердце.

«...Уважаемый дядя, – писал Батыр в конце письма, – вы не дали мне почувствовать горечи сиротства, стали мне отцом, тётя согрела мою душу, назвала сыном. Там, дома, я не очень понимал, как это важно для меня. А вот здесь, вдали от вас, стал это чувствовать. Будьте же вы живы-здоровы, обнимаю вас, до свидания, дорогие...»

– Прочла? – спросил Махкам-ака, взглянув на жену просиявшими глазами.

– Да, – грустно ответила Мехриниса.

– Да будет ниспослано ему счастье в жизни...

– Прочитайте и вот это, – сказала жена и достала из-под курпачи второе письмо.

Махкам-ака с удивлением взял письмо, начал читать.

– Ого... Ого... Мехри, смотри, как интересно получилось!

– Читайте, читайте...

– Вот тебе и раз, вот, оказывается, в кого он влюблён! Где только парень нашел такие слова? – качал головой Махкам-ака.

– Что же нам делать теперь? – спросила, опять сильно нервничая, Мехриниса.

– С письмом... Может, придёт сама? – нерешительно сказал Махкам-ака.

– Если прочитала, то постесняется, не придёт. Если не прочитала, может прийти.

– Сложи письмо хорошенько. Пусть бедняжка будет спокойна. Скажи, что увидела адрес и не стала читать. Ни в коем случае виду не подавай... И сама держи язык за зубами, не разболтай, чтобы о девушке не пошла дурная слава.

– Из ума, что ли, я выжила, чтобы рассказывать такое кому-нибудь!

И тут Мехриниса вспомнила про Икбал-сатанг, у нее даже ёкнуло сердце. «Не может быть, ведь Икбал – пожилая женщина...» – успокаивала себя Мехриниса. Она быстро встала и начала готовить обед.

Махкам-ака поднялся на айван.

– Уже поздно, надо бы немного поработать, – сказал он жене, снимая халат.

Когда в жизни Махкама-ака случалось что-нибудь неприятное, когда он испытывал душевную боль, обиду, когда становилось ему невмоготу, он всегда шёл в свою кузницу. И бывало, как только запылают угольки, как только молот коснется наковальни, он сразу чувствовал облегчение. И сейчас Махкам-ака торопил жену не потому, что работа задерживалась. От всего того, что он увидел, услышал и пережил с утра, у него трещала голова, ныло сердце, и ему хотелось быстрее начать работать, чтобы хоть немного отвести душу.

Задания:

1. Аналитическая работа с текстом. Перепишите в тетрадь таблицу анализа произведения «Его величество человек» и заполните её.

«Его величество человек»	
Вопрос	**Ответ**
Какие реальные события легли в основу произведения?	
Есть ли у вас знакомые или родственники, которые прошли через эти события? Напишите о них.	

Какую идею заложил автор в своё произведение?	
Какие главные моменты сюжета вы можете назвать? Запишите их своими словами.	
Какой эпизод вам особенно понравился? Почему?	
Как вы думаете, почему автор именно так назвал своё произведение? Придумайте произведению своё название.	
Какие чувства вы испытывали, читая произведение? Опишите их.	
Какие выводы вы сделали после прочтения отрывка? Хочется ли вам прочитать произведение полностью? Почему?	

2. Отсканируйте QR-код и посмотрите фильм «Ты не сирота», снятый по произведению Рахмата Файзи «Его величество человек».

скачано с сайта www.idum.uz

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса
школ общего среднего образования
с русским языком обучения

Редактор *Екатерина Маджидова*
Корректор *Заре Сардарян*
Технический редактор *Акмаль Сулейманов*
Художественный редактор *Сарвар Фармонов*
Дизайнер-верстальщик *Алимардон Акилов*
Художник *Ихволиддин Салохутдинов*

Разрешено в печать 00.00.2022 г. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$.
Гарнитура Arial. Кегль 12. Офсетная печать.
Усл. п.л. 26,04. Уч-изд.л. 17,87.
Тираж _____. Заказ № _____.

скачано с сайта www.idum.uz

**Сведения о состоянии учебника,
выданного в аренду**

№	Имя, фамилия ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руково-дителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руководи-теля
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						

Таблица заполняется классным руководителем при передаче учебника в пользование и его возвращении в конце учебного года. При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии:

Новый учебник	Состояние учебника при первой передаче
Хорошо	Обложка цела, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на страницах нет записей и помарок
Удовлетво-рительно	Обложка не смята, слегка испачкана, края стёрты. Удовлетво-рительно восстановлен пользователем. Вырванные страницы восстановлены, но некоторые страницы исчерчены
Неудовлет-ворительно	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых не хватает, имеющиеся исчерчены. Учебник к дальнейшему пользованию не пригоден, восстановить нельзя